

The book cover features a central illustration of a woman with long, wavy red hair, wearing a black winter hat and a dark coat with a thick white fur collar. She is holding a small, dark object in her gloved hands. In the background, a man in a dark suit and a bowler hat walks towards the left, holding a long, thin staff. To the right, a steam locomotive is visible, with the number '1021' on its side. The scene is set in a snowy, industrial environment with a blue and white color palette. The left edge of the cover is decorated with a green floral border.

Татьяна Коростышевская

Уездный детектив.
Незванный гость

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

The bottom section of the cover shows a hand with several colorful rings (red, yellow, and blue) hovering over a fan of tarot cards. The scene is lit by two lit candles, one on the left and one on the right. A crystal ball sits on a small stand in the center. An open book is visible on the right side. The background is dark and atmospheric, suggesting a magical or occult setting.

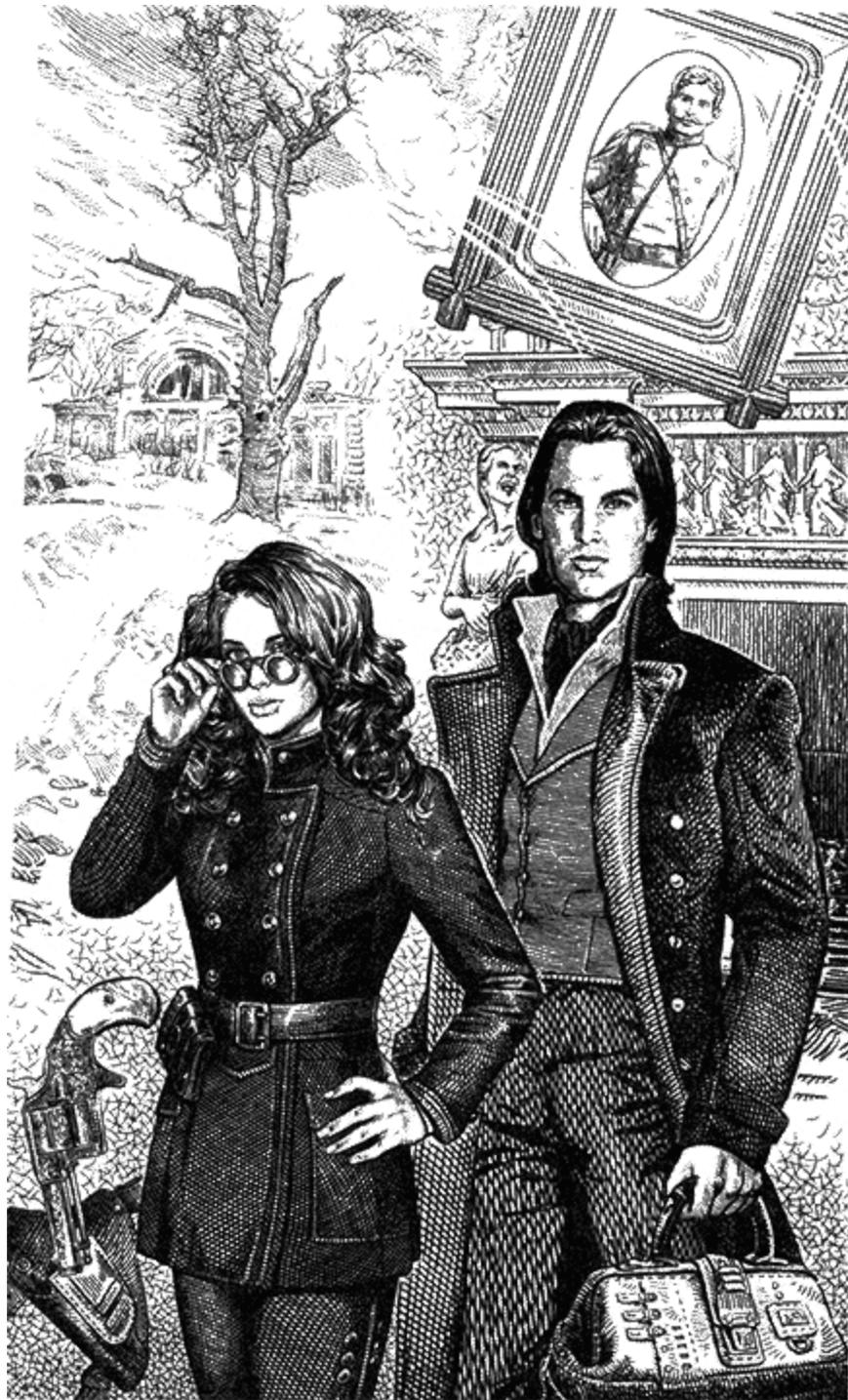
Annotation

«Незванный гость хуже Мамаева», — любят шутить в чародейском приказе. Однако эту роль в уездном городке предстоит исполнить другому надворному советнику. Барышня Попович, перфектный столичный сыскарь, спешит расследовать загадочное самоубийство провинциального пристава. Берегитесь, злодеи!

- [Татьяна Коростышевская](#)
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
-

Татьяна Коростышевская
НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в коей некий сыскарь с разбитым сердцем прибывает в провинциальный Крыжовень

Карта Всадник описывает общительного и активного человека. Он интеллектуален, независим, с ним никогда не бывает скучно. Такой человек легко входит в контакт, находит знакомых и друзей. Ему не чужды любезность и тактичность. Он уверен в себе и готов проявлять инициативу.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Расклад нынче выпадал странный, что так, что эдак. Захария Митрофановна даже кликнула Дуньку, девку свою, чтоб колоду, значит, сняла.

— Чегой это, барыня? — спросила Дунька, щурясь на расписные картинки. — Никак сызнава повешенный?

— Дура, — ругнулась старуха беззлобно, — дерево это, значит, про родню вспомнить надобно.

— Племяш в столицах чудит? Али в гости вашего соколика ждать?

— То-то и оно, что по картам иного полу гость получается, гляди, к дереву всадник притулился, а к нему карта женская легла.

— Дык а баба откуда? Из родни-то у вас только Митрофанушка, брата покойного сыночек, и остался.

— Поживем — увидим, — решила мещанка Губешкина, более известная в Крыжовене как провидица Зара, и аккуратно собрала колоду в резной ларчик. Инструменты свои она предпочитала содержать в порядке.

Гость, а точнее, гостья явилась в дом на Архиерейской улице под вечер. Тренькнули колокольцы извозчичьих саней, грубый мужской голос пробасил под окном:

— Туточки, барышня, ваша тетушка проживают.

Дунька, прилипшая к заиндевелому стеклу, сообщила барыне:

— Девица, шубка на ей, шапочка. Ванька сундук с саней тащит, сейчас в дверь колотить примется.

— Отворяй, — велела Захария Митрофановна, кутаясь в узорную неклюдскую шаль.

Девка выскользнула в сени, завозилась, обувая валенки. Раздался уверенный стук в дверь, скрипнули петли, в комнату потянуло морозцем.

— Гостью вам, Дуняша, привез, — басил ванька, — из самого Мокошь-града барышня, тетушку, говорит, проведать желаю любезную.

Губешкина выглянула в сени.

— Сундук сюда, мил-человек, да снег допрежь с ног обколоти, не носи в дом.

Девица потопала за порогом, обувка у нее была не особо по погоде, кожаная, тонкая. Вошла, прищурилась над запотевшими стеклышками очков, зыркнула на нетопырье чучело над столом, на шар хрустальный, высмотрела в красном углу икону и чинно на нее перекрестилась.

— Дражайшая моя Захария Митрофановна, — прожурчала приветливо, с протяжным столичным «а», — неужто забыли Гелюшку свою непутевую?

Извозчик, поставив багаж в гостиной, мялся теперь в сенях, ожидая платы за услугу. Старуха молчала, ей было интересно, как «непутевая Гелюшка» дальше выкрутится. Она не подвела, вынула из муфты денежку, с поклоном протянула ваньке, да не забыла носочком ботильончика на порожек ступить, чтоб, значит, через порог не передавать, плохих примет не множить.

— Спасибо, мил-человек, куда надо доставил. Моя родственница, как сейчас помню эти очи черные, с родительской заботой на наши шалости с кузенком Митрофанушкой взирающие.

Извозчик бормотал спасибо на спасибо.

— Вы, барышня, как нужда в санях будет, меня кличьте, Антипом меня звать, любому уличному постреленку велите или вот Дуняше тутошной, сразу примчусь и доставлю, куда скажете. А к Кузьме не садитесь, ненадежный он человек.

— Буду иметь в виду, — пообещала девица, сбрасывая на руки Дуньке лисью шубку; муфту придержала, ловко перекладывая ее из руки в руку. — Ступай, Антип, может, успеешь на станции еще пассажиров взять. У вас в Крыжовене, тетушка, оказывается, спрос на гужевой транспорт опережает предложение. В форменную баталию пришлось с каким-то неучтивым господином за сани вступить.

Платице на гостье было ладное, шерстяное, серое, со шнуровой витой отделкой, на плечи из-под лисьей папахи свисали ярко-рыжие локоны. Экая модница. Столичная штучка.

Зеленые глазищи остановились на Губешкиной, и старуха громко велела:

— Дунька, дура, двери-то запри, чтоб, значит, любимую племянницу не морозить. Да чаю поставь с дороги.

Пока ванька Антип уходил, а девка возилась в сенях, рыжая медленно пересекла комнату.

— Простите, — вздохнула она тяжело, — этот маскарад, Захария Митрофановна.

— Все развлечение, — решила старуха и быстро спросила: — В муфте что прячешь?

— Заметили? — Девица села, положила на стол глухо стукнувший меховой цилиндрик. — Митрофан Митрофанович предупредил меня о том, что его тетушка обладает быстрым умом. Мы с вашим племянником коллеги, в одном присутствии службу несем.

Вернувшаяся в комнату Дунька испуганно ахнула, когда из муфты появился черный вороненый револьвер.

— Позвольте отрекомендоваться, — девица стянула перчатки, ее пальцы быстро отщелкивали что-то в смертоносном механизме, — чиновник седьмого класса чародейского приказа, надворный советник Евангелина Романовна Попович.

Дунька ахнула сызнова, баб-чиновниц ей раньше видеть не приходилось, как и баб-сыскарей.

— На кухню ступай, — велела старуха, — чаю спроворь, да чего еще к чаю, баранок там, варенья брусничного... Что еще? Буженины.

Третьего дня от Старуновых занесли. А прознаю, что ты этому Антипу лошаднему хозяйские разговоры передаешь, накажу.

Девка ушла. Сыскарка отложила револьвер.

— Спасибо, Захария Митрофановна.

— Давай уж по-простому, без отчества, — хмыкнула Губешкина. — Родня как-никак. Тетушкой кличь; А я тебя, значит, Гелюшкой.

Попович улыбнулась и сняла очки.

— Митрофан уверял, что есть в вас авантюрная жилка.

— Письмо-то от племянничка доставила?

— А как же! — Евангелина достала из поясного кармашка запечатанный конвертик. — Только там о деле моем ничего не сказано.

Губешкина поддела сургуч кончиком изогнутого жертвенного кинжала.

— Оно и понятно.

«Тетушка Захарочка, — писал Митрофан своим каллиграфическим почерком, — прости меня непутевого, что давно тебя корреспонденцией не баловал. Весь в делах, весь в заботах. Начальство по самую маковку работой завалило. Даже четверти часа, чтоб на почтамт забежать, не находится. Хорошо хоть оказия с Гелей образовалась...»

Пока хозяйка читала, Дуняша накрывала на стол. Сыскарка, заметив опасливые взгляды прислуги, револьвер убрала.

— Значит, Вольская родня? — уточнила Губешкина, сворачивая письмо.

— Седьмая вода на киселе, — кивнула барышня. — Вы уж и думать о нас забыли.

— В столицу зачем приехала?

— Кузена разыскивала. На родине мне оставаться было никак не возможно.

— Скандал?

— Перфектно, — одобрила Попович, не чинясь, налила из самовара, придвинула блюдо с бужениной. — Незамужние барышни обычно от скандалов бегают.

— Несчастливая любовь. А про подробности ты говорить не желаешь.

— Ну да. И сам скандал тоже не обсуждаем. Предположим, по официальной легенде, сиротка явилась за пожилой тетушкой присмотреть. В это, разумеется, не поверит никто, а вот в тщательно скрываемые и случайно выясненные обстоятельства бегства — с удовольствием.

— В вашем чародейском приказе все такие хитрые? — усмехнулась Губешкина. — Тогда племяннику карьеру у вас в жизни не сделать.

Геля прожевала кусок буженины и сказала серьезно:

— Митрофан прекрасный секретарь, сметливый, скромный, аккуратный. Может, его взлет не будет молниеносным, но по ступенькам он поднимется основательно.

— Утешай старуху.

— Не вижу тут старух, тетушка, — притворно удивилась рыжая льстица. — Наблюдаю лишь симпатичную женщину и добропорядочную берендийку, содействующую силам правопорядка.

Дунька переминалась у порога, прислушиваясь. Захария Митрофановна велела ей исчезнуть и обернулась к госте.

— Самое время о содействии поговорить. За какой надобностью в Крыжовень из столицы целого надворного советника отрядили?

Попович сложила перед собой руки, на мизинце правой чернело пятнышко ружейной смазки.

— Надобность прозывается Блохин Степан Фомич.

— Пристав покойный? Так он в начале грудня еще... — Губешкина подыскала подходящее слово, — в петлю полез.

— Берендийские почтовые службы оставляют желать лучшего, — кивнула девушка, — сообщение о его кончине было получено нами только третьего дня. Меня прислали выяснить обстоятельства смерти.

— Целого надворного советника? — недоверчиво переспросила хозяйка.

— У покойного господина Блохина в столице кое-какие связи имелись, в регулярной переписке он состоял. Досадно, но его послание от пятого грудня в чародейский приказ доставили одновременно с вестью о самоубийстве.

Губешкина о персоне, с которой покойник корреспондировал, спросить хотела, но передумала. Меньше знаешь, крепче спишь. Эх, Митрофан, удружил тетушке, ничего не скажешь. Казалось,

похоронили пристава за оградой погоста, как самоубийцу и положено, да и забыли. Ан нет, вон оно как. Чиновник седьмого класса, это вам не ежик чихнул. Девка неглупая, с револьвером управляется, слова правильные говорит. Но девка. Небось если б в столицах к Блохину с большим вниманием отнеслись, мужика бы прислали. А Геля эта что? Ну поживет с неделю, носик свой любопытный куда-нибудь сунет, да и отбудет восвояси. А Захарии за помощь — почет и благодарность, да, может, Митрофану по службе вспоможение малое.

— Понятно, — протянула наконец старуха, вызвав у собеседницы грустную и не относящуюся к разговору улыбку, будто это «понятно» о другом человеке ей напомнило. — Спрашивай, Евангелина Романовна, обо всем без утайки тебе поведаю и обо всех.

На столе будто по волшебству появился блокнотик в кожаном переплете, а в руке надворного советника — свинцовый карандаш.

— Погоди писать! — Хозяйка откинула крышку резного ларца. — Давай для начала на тебя картишки раскину, барышня Попович. А ну колоду сдвинь, да не этой рукой, левой, к себе... правильно. Сейчас тебе провидица Зара всю правду скажет, что было, что будет, чем сердце успокоится.

Начальник чародейского приказа Семен Аристархович Крестовский смотрел на соломинку в своей руке с таким видом, будто она в любой момент могла выстрелить.

— И у тебя длинная, — сообщил Эльдар, глядя в пространство, — значит, в Крыжовень ехать Геле.

Я кивнула, сжала кулак, разламывая свою соломинку, и бросила сор под столешницу, в корзину для бумаг.

— Судьба, — пожал плечами Иван Иванович.

Чардеи! (Никак не получалось от Вольского просторечия окончательно избавиться, вот я их так мысленно и называла — чардеи.) Каждый из них в этой жеребьевке подколдовывал, к гадалке не ходи. Но, к счастью, против простого шулерства колдовства еще не изобрели. Только и требовалось самой банк держать, то есть четыре абсолютно одинаковых соломинки в кулаке, да позволить коллегам прежде меня вытащить.

— Значит, так, сыскарики, — сказал Крестовский деловито, — жребий этот мы сейчас обнулим, и назначим...

— Протестую! — перебила я начальство. — Вы, шеф, своим обнулением выказываете обидное недоверие своей подчиненной.

— И что? — сверкнул Семен синими глазищами.

Взгляд я выдержала и даже не разревелась.

— А то, ваше превосходительство, что прочие ваши подчиненные могут начать то же самое выказывать. Правильно-де, нечего женщин в провинцию откомандировывать, не женское это дело. А от этого всего шаг до мысли, что в приказе слабому полу не место. Мысли, заметьте, крамольной, высочайшему указу нашего императорского величества противоречащей.

Уголкем глаза я заметила недоверчивое внимание, с которым на меня уставились Зорин с Мамаевым. Мой верноподданнический тон обмануть их не мог.

— Уж не собираетесь ли вы, Евангелина Романовна, — сказал Крестовский самым неприятным своим голосом, — в следующем пассаже упрекнуть меня в том, что-де не умею службу от личной жизни отделять?

Честно говоря, подобная тирада у меня к финалу была припасена, так сказать, на погоны. Поэтому я замотала головой, выражая на лице незамутненную придурковатость, столь ценимую любым начальством:

— Как можно, Семен Аристархович?

Зорин, по обыкновению, выступил примирителем.

— Сдается мне, дама и господа, не с того начинаем. Ты, Семен, сперва нас в дело посвяти, а после решим, кого отправить.

— Протестую! — повторила я в который раз за день. — То есть против последней части, Иван Иванович. Исполнитель избран жребием, и теперь именно его, то есть меня, ввести в курс надо.

Шеф отвернулся, оседлал стул в центре ковра, обвел присутствующих взглядом.

— Неужели название Крыжовень вас ни на какие идеи не натолкнуло?

Меня натолкнуло на мысли о варенье с последующим слюноотделением, но я говорить этого не стала.

— Да не томи уже! — Эльдар придвинул стул поближе к моему столу, чтобы Крестовскому не приходилось вертеть головой из стороны в сторону.

— Степка Блохин? — вдруг спросил Зорин. — Ординарец твой? Ты ему, кажется, в этом Крыжовене местечко околоточного выхлопотал.

— Семушка никого заботами не оставляет, — шепнул мне смешливо Мамаев, — особенно братьев по оружию, денщика даже к должности пристроил. Крыжопень, надо же! Ох, прости, Гелюшка, все забываю, что ты дама.

— Я все слышу, Эльдар, — сообщил Крестовский кисло. — Будешь над начальством потешаться, сам в эту тьмутаракань поедешь, да не просто так, а чтоб занять освободившееся место тамошнего пристава.

— Не околоточный? — уточнила я, черкая в блокноте. — Пристав? Блохин Степан... Как по батюшке?

— Фомич. Блохин Степан Фомич, отставной прапорщик.

— Женат? Дети есть?

Как бы шеф не был на меня зол, деловитость ему очень нравилась. Я же писала, чтобы смотреть на строчки, а не на львиногривого своего действительного статского советника. Служба и личная жизнь, как вас разделить? Эх, Геля, решать тебе что-то пора. Потому что не делится оно, хоть тресни.

— Нет, — ответил Крестовский. — Блохин холост и бездетен, а с грудня шестого числа еще и мертв.

Я обвела первую строчку траурной рамкой.

— Когда узнали?

Шеф хмыкнул.

— Нынче утром, когда запросы из Змеевичской управы разбирал.

Начало грудня, а сегодня у нас двадцать пятое число лютаго. Три месяца. Однако работа нашей почты оставляет желать лучшего. Дождутся, ироды, конкурентов, гнумы давно в сенат предложение о частных письмодоставках внесли. Глядишь, к осени вопрос и решится.

Я записала дату и «уезд Змеевичи», к которому относился упоминаемый Крыжовень.

— Причина смерти?

— Официально — самоубийство.

— Наследники имеются?

— Дальние родственники, но им, по понятным причинам, ничего не перепадет. Сам Степан богатства не нажил.

Ну да, если бы этот Блохин на службе жизни лишился, то и пенсия его и что-нибудь за выслугу перешли бы по наследству, а так... Кошмарная ситуация. И позор.

— Но ведь господин пристав не сам руки на себя наложил? — спросил Мамаев. — Иначе мы бы сейчас не заседали.

— Давай, Семен, — Зорин поглядел на часы, — карты на стол. Ты со Степкой, земля ему пухом, явно письмами обменивался.

Выхватить замусоленный конверт я успела первой. Мокошь-град, Кресты, его превосходительству... лично в руки... Ну и почерк!

— Пятое грудня? — Цифры на штемпеле оказались отчетливы. — За день до смерти? Когда пришло?

— Нынче, — вздохнул шеф.

Чтоб как-то утешить начальство, я сообщила ему о гнумах и частных инициативах, кои непременно придут на смену берендийскому почтовому ведомству, в то же время извлекая и разворачивая на столешнице листок в косую линейку, исписанный с одной (я проверила) стороны казенными синими чернилами.

Мамаев заглядывал мне через плечо, скрип стула возвестил, что Иван Иванович покинул насиженное местечко, чтоб полюбопытствовать.

Обязательных приветствий в письме не было, как и абзацев и заглавных букв.

«Плохо дело, — писал покойный, — обложили твари злобные, заморочили».

Дальше шло нечто неразборчивое. Голоса? Точно, «...загробный голос будто из подпола...» Тыщщи? Это, наверное, тысячи. Многие тысячи там припрятаны. Где там? Под полом? Еще какие-то он и она. Он грозился, а она хохотала демонски.

О покойниках плохо думать нельзя, но кто так предсмертные послания пишет? Вот я, например, список с именами составлю подробный, чтоб после сыскари сразу знали, кого допрашивать.

Внизу странички стояло:

«Ежели, вашбродь, Степку вашего оговаривать примутся, что сам в петлю на осиновом суку полез, то не верьте, не таков я человек, и не поминайте лихом».

Выпрямившись и отдав письмо для изучения Зорину, я обратилась к шефу:

— С каких пор господин Блохин должность пристава занимал?

— Три с половиной, почти четыре года.

— Писал часто?

— Не часто, но регулярно. Предвосхищая вопросы, Евангелина Романовна, переписку такого рода я хранить обыкновения не имею. Поэтому придется вам обойтись устным пересказом. Степан мой родом из тех мест, хутор его, к несчастью, полностью обезлюдел, поэтому Блохин попросился служить в Крыжовене и был тем доволен. Его письма, исключая последнее, были толковы и благодущны. Жизнь в провинции ему нравилась, местные жители проявляли приветливость, природа... — Крестовский махнул рукой. — Чистая идиллия. В прошлом году среди обычной буколки стали появляться разные околослужебные вопросы. Просил, к примеру, проверить некоего господинчика, бойкую торговлю паровозными акциями наладившего.

— Ветку железнодорожную до Змеевичей добросили, — сказал Мамаев, уже разглядывающий со вниманием настенную карту, — как раз в это время.

— Как звали господинчика? — спросила я.

— Федор Игнатьевич Химеров, — без запинки ответил шеф, — мещанин, родом из Нижнеградской губернии, действительно маклер.

На всякий случай я это все записала.

— Еще что Блохин спрашивал?

— Просил прислать ему чародейских стекол, сквозь которые рунную вязь разглядеть можно.

— То есть сам он чародеем не был? — спросила я для проформы.

— Был, Геля.

Дернув на себя ящик стола, я достала свои очки с чародейскими стеклами, водрузила их на нос и отобрала письмо у присевшего на освободившееся подле меня место Ивана. Я-то ни разу не чародейка.

— Теперь видишь? — спросил Зорин с сочувствием и показал, куда смотреть. — Это аркан на Семена, чтоб только он конверт распечатать мог, это на скорость. Он, кстати, наложен прескверно.

— Вот-вот, — поддакнул шеф. — А как тебе, Ванечка, призыв к стихиям с ошибкой в каждом втором символе?

— Он для чего? — сняла я очки.

— Не для чего, — ответил Зорин. — Он пустышка, навроде детской считалочки.

— Мнемотехника. — Семен сочувствие ко мне, чарами обделенной, тщательно скрывал. — Помогает неопитам запомнить графический рисунок основных рун.

— А еще, — зловеще протянул Эльдар, стоя у карты, — ходят среди нашего вида колдунского слухи, что бережет сей призыв нас от безумия чародейского. Сдается мне, сыскарики, наш Степан покойный разум по капле терял и того боялся.

Эльдар Давидович воткнул в карту алый бумажный флажок, будто точку в разговоре поставил, вернулся к столу, прогнал Зорина, сел рядом со мной.

— На месте разбираться надобно. — Крестовский оглядел нас по очереди. — Прибыть в Крыжовень инкогнито, осмотреться, народ расспросить. После войти в контакт с местным присутствием, бумагу официальную им показать. Что-де прибыли из столицы одного из нижних чинов до пристава повысить.

— Перфектно, — решила я и смешалась под укоризненным взглядом начальства.

Мое паразитное словечко Семен Аристархович не обожал.

— Знаешь, букашечка, — Эльдар одарил меня заговорщицкой улыбкой, его «букашечки» тоже признавались у нас паразитными, — а ведь тебе и вправду в Крыжовень соваться не стоит.

Мое «протестую!» было жалким.

— Сама посуди, — продолжал Мамаев под одобрительным взглядом начальника приказа, — прибыть инкогнито, то бишь незаметно. Одинокая барышня привлечет нежелательное внимание.

— Барышня может переодеться кем угодно, — холодно улыбнулась я, — бродячей неключдой, безутешной вдовой, мальчишкой-разнорабочим, в конце концов.

Семен фыркнул. Я переводила взгляд с одного чародея на другого. Эльдар глумливо шурился, Иван качал головой, шеф попросту ждал любых моих слов, чтоб заржать.

— Простите, что вмешиваюсь, — из темного угла раздалось неуверенное покашливание, — но, кажется, я мог бы поспособствовать Евангелине Романовне сохранить инкогнито.

Про Митрофана мы забыли по прискорбному нашему обыкновению. Секретарь Губешкин был юношей скромным до полного растворения в пространстве. Он, оказывается, с самого начала совещания сидел тише мыши в уголке и только сейчас подал голос.

Крестовский уже открыл рот, чтоб что-то эдакое сказануть. Секретарь боялся его до обморока, и я, этого самого обморока опасаясь, проговорила первой:

— Извольте, Митрофан Митрофанович, я вся внимание.

Семен рот закрыл. Мамаев мне подмигнул, наши с шефом духоборческие экзерсисы его забавляли.

Секретарь сызнава откашлялся.

— Я, господа, и Евангелина Романовна, некоторым образом из упомянутых мест.

— Можно немного точнее, Митрофан? — не сдержался шеф. — Что еще за некоторый образ? Вы родились здесь, в Мокошь-граде.

— А батюшка мой...

Секретарь начал бормотать себе под нос, я его подбодрила:

— Ваш достойный покойный родитель из Змеевичского уезда?

— Нет, — шепнул Митрофан.

Крестовский гаденько усмехнулся, но секретарь заговорил чуть громче, и улыбка начальства растаяла.

— Тетушка у меня там проживает, в Крыжовене. Захария Митрофановна, благонравная старуха самых передовых взглядов.

— Любопытно, — решил Мамаев, — и что же, эта дочь Митрофана гостье из Мокошь-града не удивится?

— Сказано было, — шикнула я на коллегу, — передовых взглядов барыня.

— Она некоторым образом, — секретарь покраснел, — гадалка.

Шеф хмыкнул.

— Шарлатанка?

— Что вы, ваше превосходительство, дар провидческий тетушке положен.

— Семен Аристархович просит прощения, — улыбнулась я елебно, — за то, что вашу родственницу неволью нехорошим словом обидел. Гадалка, это пер... это расчудесно. Вы, Митрофан, черкните пару строк любимой тетушке: так, мол, и так, кузина Гелечка письмецо с оказией доставит, про жизнь свою поведайте.

— Кузина?

— Притворимся ненадолго, что у Захарии Митрофановны кроме племянника еще и племянница имеется, седьмая вода на киселе, но все ж родня. Гадалка! Да к ней в дом наверняка половина города за предсказаниями хаживает. Лучшего места, чтоб осмотреться, и не придумать.

— Может, все-таки кузен, а не кузина? — предложил осторожно Зорин.

— Геля права, — вздохнул шеф, — в этой ситуации девушка вызовет меньше подозрений.

— Солома не врет! — поддержала я. — То есть жребий и судьба.

— Понятно, — закончил совещание Крестовский своим паразитским словечком и поглядел на часы. — Иван, немедленно отправляйся в имперскую канцелярию, там какие-то сверхсекретные документы нас ожидают. Сам хотел забежать, да не успеваю. Эльдар, знаю, что не по чину, но будь любезен, спустись к дежурному, протелефонируй оттуда в вокзальную управу, пусть выпишут для Евангелины Романовны отдельное купе до Змеевичей. Или можно до самого этого Крыжовеня?

— Разберусь, — махнул рукой Мамаев и вышел за дверь.

Зорин запер шкаф с документами и теперь надевал зимнюю чиновничью шинель, стоя у настенного зеркала.

— Меня у извозчика обожди, — попросил Крестовский, — нам почти по дороге.

— Митрофан, — позвала я, — присаживайтесь поближе, нам с вами долгий разговор предстоит.

— Разработайте легенду, — кивнул шеф, — простенькое что-нибудь, без театральных эффектов. Вы, Губешкин, расскажете все, что о тетушке помните, а вы, Попович...

Чинопочитание во мне очень развито, лишь поэтому я не зарычала на непрошенные советы, а вежливо попрощалась с Иваном. Крестовский вибрировал как железный прут на морозе, с ним такое бывало, если дело спорилось.

Мне стало грустно. Дело его я знала, а лучше б не знать. «Почти по дороге». От имперской канцелярии через площадь наискосок в приказ темнейшего Брюта. Сама там утром с визитом была. Что там говорил Юлий Францевич?

— Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка.

Я посмотрела на часы. Без четверти.

— Евангелина Романовна, — велело весело начальство, — вы уж дождитесь меня нынче.

— Всенепременно. У меня как раз бумажной работы накопилось. Допоздна ждать?

Семен ответил беззвучно, шевеля губами:

— За каждую минутку рассчитаюсь.

Я покраснела томно. Этими губами со мною обычно и рассчитываются.

Шеф убежал, я отдышалась и приступила к опросу. Со мной наедине Митрофан был гораздо бойчее, да и на «ты» мы перешли безназорно. Про тетушку он помнил немного, в Крыжовене у нее гостил в столь юном возрасте, что запомнил лишь чучело нетопыря у нее над столом. Виделись в последний раз на похоронах Митрофана Митрофановича Губешкина, секретаря разбойного приказа. Я выразила соболезнования и отложила карандаш.

— Родительскую стезю для себя избрал? Похвально.

— Почерк у меня больно замечательный, — смутился Митрофан.

— Исключительный, все про то говорят.

Дверь кабинета отворилась, впуская Эльдара Давидовича.

— Хорошая новость: прямой поезд существует, тот же, что и до Змеевичей, похуже — ходит он раз в неделю, и совсем плохая — следующего неделю ждать.

— То есть, — заметила я, — сегодняшней уже ушел?

— В семь отходит, — вздохнул Мамаев.

— Так два часа еще!

— Геля, — погрозили мне пальцем. — С бухты-барахты такие дела не делаются.

— На извозчике на квартиру, — вскочила я и принялась суетливо прятать в стол бумаги, — платья в сундук побросать — и сразу на вокзал! Митрофан, не спи, пиши письмо, сургуч вон возьми запечатать.

— У тебя билета даже нет, — напомнил Эльдар.

— В кассе куплю.

Рукава шинели путались, я, чертыхаясь плохими словами, пыталась попасть в них.

— Готово, — сказал секретарь, оставляя на коричневой кляксе оттиск гимназического перстня.

— Спасибо, — схватила я конверт. — Документы на должность пристава, которые Семен Аристархович выдать обещал, следом вышли, почтой. Только на адрес тетушки, а не в местную управу. Это важно.

— Как раз на морковкино заговенье дойдут. — Мамаев тоже одевался.

— Так наложите на них ваши скоростные арканы, господа великие чародеи. Хоть какой от вас толк будет, — огрызнулась я. — Ты куда собрался?

— Провожать, — галантно ответил Эльдар. — Ругаться с носильщиками, убеждаться, что попутчики тебе попались не совсем злодейского вида, а пуще прочего, скрываться от разъяренного начальства, которое непременно шкуру с меня спустит за то, что тебя отпустил.

— Остынет, — пообещала я, — еще раньше, чем встретитесь.

Секретарь на дорожку меня перекрестил.

Извозчика взяли приказного, не сани, легкий фаэтон с обмотанными по зимнему времени цепями колесами. Чародей еще пассы некие руками произвел для легкости хода и во избежание скольжения.

— Давай, букашечка, — предложил Мамаев, когда повозка тронулась с места, — Расскажи дядюшке Эльдару, что с тобою приключилось.

— Задание у меня, дядюшка, вот что.

— С самого утра места себе не находишь, глаза красные, стало быть, ревела, смеешься громко, да все невпопад, — перечислил чародей. — Вчера спокойна была, свидание тайное предвкушала. Или кавалер, тот самый тайный, обидел?

Я посмотрела в спину возницы.

— Мне бы, Эльдар Давидович, не хотелось с вами на службе личные дела обсуждать.

До благой Цветочной улицы ехали молча. Слезы на щеках льдисто покалывали, но я их не стирала, чтоб спутник не видел моего

плача.

— В коляске обожди, — попросила я весело Эльдара и чуть не вприпрыжку, демонстрируя радость, побежала домой.

— Всенепременно, — согласился чародей, закрывая за собою дверь моей квартиры. — Обожду там, померзну... Геля!

Я бросилась ему на грудь.

— Охота тебе, Мамаев, со мною возиться!

— Ты мне друг, Попович. — Он гладил меня по голове, я хлюпала носом, уткнувшись в его шинель. — Я друзей не бросаю. Ну что ты расклеилась? Будь ты мужиком, я б тебя напоил, ты бы и выпустила наружу все, что накопилось. Но ты у нас барышня, хоть и суфразистка, да и на хорошую качественную попойку часа мало.

Под монотонное бормотание я немного успокоилась, перестала вздрагивать, сказала доверительно:

— Тошно мне Эльдар, ох как тошно. Вроде все правильно делаю, ни в чем душой не кривлю, а радости нет. Казалось, вот она, служба, о которой мечталось. Учись, Геля, работай...

— А тут Крестовский со своими амурами невпопад?

— Это я невпопад! Сама влюбилась, сама...

— Принижать себя не смей! — прикрикнул Мамаев. — И вину нелепую забудь.

— Ладно, — со вздохом отстранилась я. — Для качественного дамского рева часа не хватит. Помогите тогда вещи собрать.

Помощь заключалась в том, что чародей, распахнув дверцы гардероба, бросал в сундук все подряд. Я же жаловалась ему, присев на краешек кровати:

— Решать что-то надо, либо служба, либо любовь. А как тут решишь, когда ежедневно Семена перед собою вижу? Вот я и ухватилась за этот Крыжовень, чтоб отдалиться на время, мыслям потаенным простор дать.

— Звучит логично, — согласился Мамаев, — только вот слезы твои в эту картину не вписываются.

— Юлий Францевич к себе в тайный сыск служить зазывает.

— А ты?

— Я б пошла, но... Не знаю, как объяснить. Ну вот, представь, беседуем нынче утром, его высокопревосходительство господин Брют, по обыкновению, сама любезность. Обсуждаем дело о дамских

обществах, что с сечня совместно с тайными ведем. Слово за слово... Не хотите ли, Гелюшка, присутствие сменить? Ах, разумеется, чародейский сыск нынче в таких эмпиреях витает, под патронатом самого императора находится, не снизойдете до старика! Я натурально не успеваю ни словечка вставить, чтоб возразить прилично насчет возраста. Сама думаю, Геля, это ведь идеально получится! У тебя и служба будет, и с Семеном можно не расставаться. Но Брют продолжает. Шалун Семушка на повороте Юлика обскакал. Это он себя так называет — Юлик!

Мамаев хохотнул, захлопнул крышку сундука.

— И каких гадостей наш Юлик тебе еще отсыпал? От них рыдала?

— Сказал, Крестовский ваш — беспринципный интриган, который в амбициях своих не только через барышню влюбленную, но и через друзей перешагнет. И если я в то не верю...

Дальше слова не шли ни в какую.

— Геля! — вздохнул чародей. — Не тяни время, у нас извозчик заиндевел совсем от твоей нерешительности.

— Так пошли, — взялась я за ручку сундука. — Больше там нечего рассказывать.

— Точно?

— Точно, Мамаев, точно. У меня перманентное нервное расстройство на почве несовпадения желаний с возможностями случилось. Потому что после того, что мне Юлик, сиречь его высокопревосходительство, нынче наговорил, карьере в его тайном приказе я строить не намерена.

— Узнаю нашу Попович, — обрадовался Эльдар. — Теперь ручонки свои от багажа убери, тут на двух здоровых мужиков ноша.

— Уж не небрежение ли женским полом слышалось мне в ваших словах, господин «здоровый мужик»?

— Или одного чародея, — подмигнул Мамаев, щелкнул пальцами, и мой сундук воспарил в сажени над полом. — Дверь отвори.

— Небрежение женским полом вкупе с презрением к большинству, чародейской силы лишенному, — сказала я строго, но дверь открыла.

Сундук сам собою устроился на багажной полке фаэтона, сердобольный Эльдар Давидович сунул извозчику свою дежурную

фляжку с коньяком — для сугреву, сам-то, басурманин, не пьет, для других таскает, и мы поехали на вокзал.

Сегодня в столицу прибывает графиня Головина. Вот что еще я услышала от канцлера. Фрейлина Головина, гранд-дама в свите самой императрицы. Ева Головина, которую Семен любил, когда она еще не вышла замуж. Вдова Головина.

— Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка, — сказал Юлий Францевич, — как прочтет записочку, что соперник его во сырой земле, а любезная Ева Георгиевна сызнова заневестилась, на крыльях к старику примчится.

Не то чтобы я ревновала. Семен Аристархович мужчина взрослый, разумеется, до встречи со мною не монашествовал. Подробностей не рассказывал, но это и так понятно. Про Еву упоминал просто, без аффектации. Юношеская любовь, соседка по даче, подружка сестры Сонечки. Рыженькая прелестница барышня Клюева. Я представляла себе совсем еще юного Семена в новом с иголки офицерском мундире, он тогда только из кадетского корпуса вышел, и девицу рядом с ним восторженную. Евочка как раз собиралась на милосердную сестру выучиться, чтоб отечеству в самых горячих местах помогать. Время было беспокойное, в воздухе пахло близкой войной, на границах империи собирались вражьи войска. Сама-то я примерно тогда же дралась с деревенскими мальчишками за полудохлую кошку в родимом Орюпинске, так что никаких запахов не помню. Кошку я, кстати, выходила, Асимагари зовут из-за дивного сходства с яматайским демоном, до сих пор видом своим гостей наших с маменькой пугает. Но это так, к слову. У Семена же с барышней Клюевой все развивалось прилично для их возраста и положения. Семен Аристархович был представлен родителям, одобрен господином Клюевым, учителем мокошьградской гимназии, и стал ухаживать с длительными перерывами на войну. Ева терпеливо ждала. А потом... Дальше показания путались, скрывались пеленою недомолвок. Он уже стал почти тем Крестовским, которого я знаю, познал чародейский источник в дальних магольских степях, продвинулся по службе, приобрел друзей, кое-какие связи, оставил военную карьеру, вернулся в столицу, готовился к свадьбе... Пробел. Барышня Клюева стоит у алтаря с графом Головиным, почетным сенатором и кавалером всевозможных орденов сорока годами себя старше.

Такая вот история. Единственное, что мне было в ней любопытно, закончила Ева в конце концов курсы милосердных сестер или нет. У Семена спросить постеснялась. Думала, встречу графиню Головину на заседании мокошьградского клуба суфражисток, поинтересуюсь между делом. Но ее сиятельство с лета в столице не бывала, супруг занемог, что в его возрасте дело вполне обычное. А теперь вот помер.

Я вздохнула. Фаэтон подъехал к зданию вокзала, и вспоминать дальше времени не было.

Это не ревность, Геля, абсолютно точно не ревность. Ты просто не хочешь видеть, как твой, или не совсем твой Крестовский меж двух рыжих зайцев мечется. Ты знаешь, каков он, знаешь, сколь важна ему карьера и дело, которому посвятил жизнь. И в этом ты ему, к сожалению, не помощник, в отличие от графини.

— Колдовать не буду, — решил Мамаев, помогая мне выйти из коляски, и кликнул носильщика.

Билеты в кассе нашлись, и даже первого класса.

— Револьвер-то прихватила? — спросил меня Эльдар на прощанье.

— Разумеется, — приподняла я муфту.

— На рожон не лезь, твое дело информацию собрать. Запахнет жареным — зови, Семка по земляной жиле нас на помощь к тебе протащит.

Я кивнула, оберег наш приказной для зова я носила на груди не снимая.

— Телеграфировать будешь ежедневно с отчетами. Доберешься до места, молнию отбей.

— Не увлекайся, дядюшка, наказания своими, — перебила я смеясь. — Не хватало еще так нелепо конспирацию рушить.

— И правда, — улыбнулся Мамаев.

Он развел в стороны руки с намерением, видимо, по берендийскому обычаю меня обнять, но замер в этой нелепой позе и протяжно присвистнул:

— Какие люди!

Я посмотрела. Толпа вокруг нас сновала изрядная, на соседний путь прибыл состав, встречающие махали букетами, кричали радостно, пассажиры покидали вагоны, тележки носильщиков гроыхали железными колесами. По перрону, рассекая многолюдие на

манер ледокольного корабельного носа, двигалась процессия. Четверка рослых молодцов в мундирах тайного сыска, канцлер Брют, чей цилиндр едва доставал плеча ближайшего охранника, два Брютовых секретаря в штатском, пара жандармов, начальник вокзала со своим адъютантом и Семен Аристархович Крестовский, в чьих руках я заметила букет льдисто-белых цветов белокрыльника. Пристойный выбор для вдовицы.

Попытку мою прошмыгнуть в свой вагон пресек Эльдар Давидович:

— Не суетись, Попович, нас заметили.

Первым ко мне подлетел его высокопревосходительство.

— Евангелина Романовна, какая приятная неожиданная встреча!

Мамаев поклонился, косясь на вагонного, который вытянулся во фронт, дрожа от усердия.

Я присела в книксене, пробормотала:

— На задание отправляюсь, Юлий Францевич.

А про себя добавила: «Вы мне этим представлением всю конспирацию вот-вот порушите!»

— Куда? — удивился Брют громко. — Семен Аристархович ничего мне не рассказывал. Надолго?

— К слову, наверное, не пришлось, — посмотрела я на шефа. Он злился. — Неделя или две.

— По возвращении, Евангелина Романовна, извольте немедленно ко мне на ковер, — велел канцлер. — У меня для вас сюрприз.

— Разбалуете меня, ваше высокопревосходительство, — честно предупредила я, но быстро поправилась: — Всенепременно явлюсь.

— Ну что ж... — Юлий Францевич обернулся через плечо, бросил взгляд на даму в трауре, спускающуюся из вагона первого класса, хихикнул. — Желаю вам, надворный советник, исполнить задание с блеском.

Если бы он бросился обниматься на прощанье по старинному берендийскому обычаю, я бы, клянусь, лишилась чувств. Но обошлось. Канцлер залихватски прикоснулся к цилиндру и пошел к траурной даме.

Хороша была графиня Головина. Рыжая, томная, с влажными ореховыми глазами, пухлым ртом, острым прямым носиком и черными бровями вразлет. Рассмотреть все это великолепие удалось, оттого что

при приближении Брюта графиня подняла с лица плотную черную вуаль.

— Что за самоуправство, Попович? — Шипение начальства отвлекло меня от разглядывания красот вдовицы. — Мамаев, ты совсем берега попутал?

Семен задержался и теперь по очереди прожигал нас гневными взглядами.

— Потом все объясню, — не испугался Эльдар. — Выбора не было.

Синие глаза остановились на мне. Я промолчала.

Графиня воскликнула, мило грассируя:

— Семен Аристархович! Семен! Сеня!

При первом же возгласе начальство ощутимо вздрогнуло и обернулось. Головина устремилась к нему навстречу, я попятилась к подножке своего вагона, Мамаев подал мне руку.

— Давай, букашечка, не мешкай, эдакой образцовой скорбью лучше из окна любоваться.

— Прощай, — взобралась я по ступеням.

Он помахал рукой. Сверху мне было видно, как Ева Головина рыдает на груди Крестовского. Он придерживал ее за плечи, белые бутоны белокрыльника красиво контрастировали с траурным нарядом.

В окно купе я смотреть не стала, даже шторы задернула, чтоб соблазна не ощутить.

Соберись, Геля, личные мысли долой. Ты на задании, а голова твоя таким образом устроена, что только одну думу помещать может.

Четверть часа до отправления я провела, прикрыв глаза и откинув голову на подголовник. «Блохин Степан Фомич — покойный пристав, чародей, подозрение на безумие, призыв к стихиям, мнемотехника, подпол, деньги, возможно, клад. Чародейские стекла. Зачем? Губешкина Захария Митрофановна, шестидесяти лет, мещанка, гадалка, творческий псевдоним — провидица Зара, черноглазая, чучело нетопыря. Ласкательно — Захарочка. Старая дева. Химеров Федор Игнатьевич, в Крыжовене, возможно, не проживает, мещанин, родом из Нижегородской губернии, маклер паровозной компании», — повторяла я блокнотные записи. Память у меня зрительная, чтоб не забыть, мне сперва буквами все записать требуется, зато потом перечитывать не нужно.

Состав дернулся, громыхнули сцепки вагонов, мы тронулись.

Крыжовень... Экая ты, Геля, дурында, ничего про городок заранее не вызнала — ни населения, ни живет с чего. Давай теперь, подключай воображение, с которым у тебя, если начистоту, не особо. Население, предположим, тысяч пять, иначе и городом бы не прозывался. Ветку железнодорожную недавно добросили, стало быть, торговля пошла бойчее. Торговля, следовательно, гильдейские купцы. Наверное, и улица у них там имеется чистая, с домами белокаменными. Ай, ладно. Что я, провинции в жизни не видала? Сама из нее происхожу.

Кожу на груди кольнуло, оберег потеплел. Кто-то из коллег чародеит, но на зов не похоже. Запахло скошенным лугом, теплым из-под коровы молоком и близкой грозой. Зорин, его колдовство. Я открыла глаза, увидела на коленях небольшой сверточек вощенной бумаги и зашуршала ею, ощущая, как подвеска-буковка остывает под корсажем платья. В свертке оказалась атласная коробочка, в какой ювелирные безделушки дарить принято и записка на розовой подарочной открытке. Твердым почерком Ивана Ивановича там стояло:

«Маленький презент чаровнице Жуже от трепетного воздыхателя, на память о долгой кафешантанной ночи».

Я хихикнула. Ночь действительно была долгой. Мы с Зориным до самого рассвета филерами службу несли у кафешантана, влюбленную парочку изображали, он — купца заезжего, я, соответственно, развеселую девицу с собачьей кличкой. К слову, влюбленных изображать я предпочитаю именно с Иваном, за его широкой спиной и перекусить можно без опаски быть замеченной, и даже вздремнуть.

Что там? Любопытно...

На атласной подушечке лежала ракушка, похожая на домик улитки или вовсе на кукольное ухо. Поддев безделушку пальцем, я ее вытащила и рассмотрела со вниманием. Не ракушка — мрамор обточенный, размером с ноготь большого пальца, ни петельки для подвеса, ни резьбы для украшения, только глубокая борозда неправильным полукругом.

Открытка в левой руке вдруг вспыхнула зеленым чародейским огнем. Я вздрогнула, но пламя не обжигало, и вскоре на пол осыпалась горстка бумажного пепла. Осторожен наш Иван Иванович, следов не оставляет. Но оно и понятно. Супруга Зорина, Серафима Карповна,

особа столь ревнивая, что попадись ей эта записочка на глаза, сначала прильнет нас до смерти, изменщиков, а после разбираться будет. Разберется, остынет, поплачет о любезном Ванечке и подруге верной Евангелине. Может, и на том свете разыщет, чтоб извиниться, сил блаженной Серафиме хватит, только вот оживить обратно не сможет.

Обтерев пальцы о подол, я продолжала изучать вещицу. Ну хорошо, резьбы нет, а что насчет рун чародейских?

Рабочие очки привычно охватили дужкой переносицу, в глазах зарябило от мерцающих колдовских знаков. Так-так... Это амулет, производства кустарного, донельзя мощный. И куда мне его? Раз Зорин письменной инструкцией презент свой не сопроводил, стало быть, уверен, что сама догадаюсь. Вспоминай, Геля.

Кафешантан, нарядная толпа, афишная тумба, разносчик со сбитнем... Ты греешь руки о кружку, болтаешь весело, не забывая зыркать на дверь. Задание было выследить некую даму, отправившуюся на тайную встречу с некоей венценосной особой. Дама так и не явилась, вы до утра с Зориным мерзли, болтали о всяком. Ты еще жаловалась Ивану, что из-за его дел амурных окончательно с Жозефиной рассорилась. Жозефину, певичку знакомую нашу, Матреной на самом деле кличут, но это сейчас не важно. Я сетовала, что, останься мы с нею приятельницами, можно было бы по очереди в ее уборной отогреться. А Зорин делал страшные глаза, представляя, что на эти «отогревания» его всевидящая супруга сказала бы. Она-то не в столице нынче, и явится не скоро, но прознала бы непременно. Я хохотала. Нет, не то... Вот! Через улицу два господина стояли вида самого злодейского. Иван, тоже их заметив, ниточку колдовскую протянул, чтоб нам их беседу подслушать удалось. Разговор там оказался пустой, не по нашей части, но само чародейство меня немало впечатлило.

— Давно хотела выучиться по губам читать, — сообщила я недовольно, — и даже умельца одного отыскала, мима заграничного. Только договориться с ним не смогла, говорит, тайна губочтения от отца к сыну в их семье передается и даже удочерять меня отказался.

— Что-нибудь для тебя придумаем, чаровница Жужа, — успокоил Иван, — фитюльку какую обучающую. Должен же я за дружбу девичью порушенную откупиться.

Фитюлька сейчас лежала на моей ладони и рунно мерцала. Куда мне тебя? Думай, Геля, недаром же в чародейском сыске служишь, хоть и не чародейка ни разу. Как коллеги твои разлюбезные говорят, подобное к подобному? Я приложила амулет к правому уху, он поместился точно в раковину, навроде каменных берушей. В этот момент дверь купе отъехала в сторону, на пороге воздвигся вагонный, молодой человек в железнодорожном мундире, поезд был не глумский, самый обычный, и обслуживался ведомственной бригадой.

— Барышня Попович? — спросил вагонный, сверяясь с билетами. — Следуете до Крыжовеня?

Его ломкий тенорок я прекрасно слышала левым ухом, в правом же звучал непривычно монотонный бас Ивана Ивановича, слово в слово повторявший фразы молодого человека.

— Все верно, — улыбнулась я и отвела взгляд в сторону. — Ждать ли мне попутчиков, любезный?

Стена купе была обита полосатым черно-желтым атласом, от двери до окна сорок полос.

— Что вы, барышня Попович! Никаких соседей, вы ведь за оба места заплатили.

Перфектно! Голос теперь я слышала лишь один, значит, фитюлька читает по губам. Ай да Зорин! Действительно обучающий амулет мне изготовил. Какая полезная вещица. Назову ее «жужа», в память о долгой кафешантанной ночи.

Вагонный меж тем приветствовал меня в качестве пассажирки, сообщил, что путешествие наше продлится трое суток, что к моим услугам в хвосте состава расположен ресторан с живой музыкой, а в голове — библиотека и гостиная, где мне предложат развлечься беседой и настольными тихими играми.

Когда взгляд мой останавливался на лице молодого человека, слова двоились. Я поблагодарила, уточнила время ужина, и часы до оногo провела за лицезрением бескрайних берендийских просторов за окном, заснеженных и несколько однообразных.

С коллегами мне невероятно повезло, и с Зориным, и с Мамаевым. Эльдар вон не поскупился, целое купе мне выкупил. А Иван Иванович вернулся в приказ, узнал у Митрофана, что я на задание уехала, и сразу подарочек мне сообразил, вещицу очень полезную. Мне же теперь только и остается с блеском работу исполнить, чтоб усилия их не

пропали. И шеф. Его тоже подвести никак нельзя. Обелить покойного Блохина надобно.

Трое суток я провела в приличном бездельи. Для сыскаря знакомство со всяким встречным-поперечным дело наиважнейшее, никогда не знаешь, где и когда тебе человек какой пригодится. Но я активничать опасалась, легенда моя пока была хлипкой. А ну кто из старожилов в беседу вступит, из Захарии Митрофановны знакомых, а я ляпну что-нибудь лишнее? Тем более что с «жужей» мы и так без улова не оставались. Мои одинокие трапезы у ресторанного окошка с прекрасным обзором на прочих жующих и беседующих пассажиров первого класса обогатили мой вокабуляр уймой забавных словечек. Дамы говорили о модах и жаловались на прислугу, господа обсуждали векселя и закладные, а также дам. Меня в том числе. Я была кокетка, рыжая бестия, горячка, глазищи у меня были — «во!», и прелести наличествовали. Знакомиться подходили дважды, холеный офицер и пьяненький купчик в забавном котелке. Оба раза я молча отворачивалась, как бы говоря, что общение нахожу неприличным. Кавалеры прониклись и настойчивости не проявляли, первый класс все-таки. Вскорости я заметила, что некоторые слова могу различать и без помощи амулета. Библиотеку я тоже посетила. То есть гостиную с приколоченным к стене книжным шкафом. Там я разжилась потрепанным дамским романчиком и толстенным «Справочником городов и селений Берендийской империи» за прошлый год.

Крыжовень. О нем сообщалось буквально в нескольких абзацах. Основан на месте деревеньки Крыжа. Население четыре тысячи семьсот пятьдесят четыре человека, более половины — мещане, четверть — купечество. Прочие сословия не упоминались, хотя дворянское собрание, например, присутствовало. Центральный собор, возведенный на средства купца первой гильдии Д. Ф. Калачева, базар с торговыми рядами, река Крыжа, для большого судоходства не приспособленная, театр, построенный на деньги того же Д. Ф. Калачева, клуб для молодежи с библиотекой, городская управа, полицейский приказ, железнодорожная станция, депо, банк и биржа.

На чтение сей информации я потратила четыре минуты, а романчик даже раскрывать не стала. Вечером ко мне являлся вагонный, чтобы помочь раздвинуть диванчик для спального места, утром мы его складывали обратно. Лежа в постели под монотонный

перестук колес, я анализировала все, что удавалось узнать и подсмотреть за день.

До Крыжовеня из двух десятков пассажиров первого класса следовали лишь несколько, именно они и вызвали мой первоначальный интерес. Сыскарское дело кроме сбора всяческой информации состоит и в ее отсеиве. Это важно — ухватить главную ниточку, лучше две или три, и тянуть за них, не отвлекаясь на пустое. Иначе можешь попросту запутаться, попасть впросак, как плетельщик канатов, от которых это выражение и пошло. Отобранную ниточку звали Гаврила Степанович Бобруйский, классический берендийский купчина, возвращающийся с семейством на родину после заграничных странствий. Семейство ресторан не посещало, но по разговорам я поняла, что для супруги купца Нинели Феофановны, двух дочерей — Машеньки и Анюты, а также горничных, гувернантки и болонки с неустановленной кличкой (ну не могут же питомца на самом деле звать «этот обморочный студень», холера или блоходав) был оборудован отдельный прицепной вагон с клозетом и поваром. Сам Гаврила Степанович наслаждался относительной холостяцкой свободой в компании поверенного, господина Чикова Сергея Павловича, брюнета лет тридцати с постоянно бегающими глазами, адвоката по фамилии Хрущ, которого иначе никак не называли, и актерской четы Бархатовых, явно затесавшихся в это общество случайно. Бархатова звали Эдуард Милославович, его жену — Дульсиня. В Крыжовене они намеревались произвести переворот в театральном искусстве, а пока служили для развлечения толстосума. Молоденькая Дульсиня звонко хохотала и не протестовала, когда ручища Гаврилы Степановича задерживалась на ее плечике либо колене. Эдуард же, поминутно поправляя едва сходящийся на брюшке жилет, демонстрировал карточные фокусы или отбирал скрипку у ресторанного неклюда и исполнял романсы собственного сочинения. Актеров купец нисколько не стеснялся, беседовал с клеветами свободно, чем мое внимание и привлек.

— За оградой Степашку зарыли... — звучал в моем ухе монотонный «жужжин» бас, слова она не интонировала, толстые губы Бобруйского шевелились в такт. — Так ему и надо, ироду. Собаке собачья смерть.

— Золотые слова, Гаврила Степанович, — отвечал Пиков. — Я специально еще перед Новогодьем в приказе справлялся, дело закрыли да наверх по инстанции отправили, комар носу не подточит.

— Хорошо, Сережа, ладно. Теперь заживем, нашего человечка на блохинское место поставим...

— Ха-ха-ха, господа, что ж вы даму не развлекаете... Про дела мне скучно...

— Цыц, Дуська, ужо я тебе...

Дальше было неинтересно.

За час до полудня третьего дня поезд остановился в Змеевичах, здесь проходила ежегодная зимняя ярмарка, и большая часть пассажиров приехала именно ради нее. Я тоже вышла, чтоб размяться и опустить письмо в вокзальный почтовый ящик. Маменьке я писала еженедельно и обычая нарушать не хотела. Вагонный предупредил, что отправление ровно в полдень, обед в два, а ужина не предвидится, потому как, ежели в занос снежный не угодим, прибудем до шести вечера в Крыжовень. Вагонного звали Сенька, с ним единственным я удосужилась лично знакомство свести, потому что угрожать страшными карами, если слухи про мое знакомство с канцлером тайной канцелярии пойдут, так было сподручнее. Сенька побожился, что будет нем как могила.

Змеевичский вокзал меня не поразил, может, оттого что мысли другим были заняты. Еще и до места не добралась, а ниточку ухватила. Может, купец Бобруйский касательства к смерти пристава не имеет, однако заинтересован в ней был. Интересно, в каких числах грудня он в вояж свой из Крыжовеня отправился? А помощники его, Чиков с Хрущом, все это время где обретались? Актеров, пожалуй, со счетов спишем, явно мокошьградские шарлатаны.

Протиснувшись через столпотворение к кассе почтамта, я приобрела дополнительную марку с магической меткой и, тщательно ее наклеив, опустила конверт в почтовый ящик. Надеюсь, дойдет быстро и упрежденная матушка не встревожится, если в корреспонденции перерыв случится.

У выхода на перрон дрались. Худощавый господин, по виду коммивояжер, в узком пальто и котелке, охаживал тростью детину в овчинном тулупе. Мужик махал кулаками, и тоже не без успеха. Зеваки столпились вокруг, вытягивали шеи, подбадривали то одного, то

другого, не замечая целой шайки карманников, занятой своим злым обычным делом.

— Нехорошо, — протиснулась я к постовому, со вниманием разглядывающему мозаичное полотно, коим украшена была стена вокзала. — Беспорядки не пресекаете.

— Шли бы вы, барышня... — Куда именно мне предложили проследовать, я предпочла не расслышать.

— Куда-куда? К начальству твоему? К его превосходительству ябедничать? Драка, воровство, nepотребства всякие. Или ты, служивый, со щипачами в доле?

Превосходительство я приплела наобум, но угадала, впрочем, как и про долю. Постовой дернул нагрудную цепочку, подул в свисток и, проорав «разойтись!», бросился в эпицентр событий. Эхом с разных сторон раздались свистки подмога. Карманники немедленно приняли самый беспорочный вид и рассредоточились, растворяясь в толпе. Коммивояжер продолжал размахивать тростью, теперь уже на служителя порядка, его соперник отряхивал тулуп и что-то бубнил. «Жужи» при мне не было, поэтому именно «что-то». Тросточка наконец опустилась, постовой со значением повел рукой в мою сторону, коммивояжер немедленно обернулся. Нехороший взгляд, цепкий, я предпочла его не встретить, придержала полы шубки и пошла себе в вагон.

Каково же было мое удивление, когда за обедом обнаружила среди пассажиров первого класса давешнего драчуна, правда без тросточки и пальто, занявшего столик на одного через проход от меня. Глаза у него были карими и злыми, а неслышное бормотание, коим он сопровождал свой взгляд, полезная «жужа» определила как «рыжая идиотка».

Я отвернулась. От идиота слышу! К сожалению, прощальный банкет прошел для меня впустую. Компания Бобруйского веселилась напропалую, то есть пьянствовала и вела сальные разговоры. Купец сулил веселой Дуське ангажемент, мужу ее снисходительному — должность директора театра, Чикову — чиновничьи выгоды, неклюду-музыканту — табун арлейских рысаков. Когда начались танцы, Хрущ вразвалочку подошел к соседнему столику.

— Господин Волков, — протянул он достаточно громко. — Какие люди! К нам в Крыжовень по служебной надобности, Григорий Ильич?

Коммивояжер ответил вопросом:

— А вы, сударь, хозяина дождались?

Прозвучало довольно презрительно, но Хрущ не обиделся.

— Хотите, представлю? Вдруг Гаврила Степанович карьере поспособствует?

— Хочу! — сказал Волков весело. — Уж будьте любезны.

И, поднявшись, отправился к купеческому столу. Я посмотрела ему в спину — сюртук шит у хорошего портного, на ворот сзади спадают каштановые кудри. Кареглазый шатен — мечта уездной барышни.

Как представляли Волкова, я не слышала, «жужа» пробасила слова Бобруйского:

— Из молодых да ранний... Люблю...

Новый знакомец уселся подле хозяина, не чинясь, выпил, закусил, отвесил комплимент пьяненькой Дульсинее. В проходе между столами плясал Хрущ с официанткой. Я решила, что с меня довольно, и ушла в купе.

В снежный занос мы не попали. Сенька заглянул за полчаса до прибытия, я вернула ему библиотечные книги, приложив поверх романчика рублевую ассигнацию:

— В Мокошь-град возвратишься, черкни на имя господина Зорина в чародейский приказ, что-де барышня Попович в Крыжовень добралась без приключений.

— Будет исполнено, — обещал парень, скорчив мину крайней таинственности.

Станция была конечной, поезд после отправлялся в депо и через ночь возвращался на обратный маршрут. Поэтому выходить я не спешила, дождалась, пока схлынет толпа, кликнула с перрона носильщика, попрощалась с Сеней.

— До свидания, Евангелина Романовна, — поклонился он чуть не до земли, — обратно поедете, всенепременно в мой вагон билет возьмите.

— Ох, не скоро это будет, — улыбнулась я, — а понравится здесь житье у тетушки под боком, так и жить останусь.

— Передавайте тетушке наше нижайшее почтение. — Парень мне подмигнул.

Вокзал Крыжовеня был раза в четыре меньше, чем в Змеевичах, уездной столице. Был он добротнo-кирпичным, но состоял лишь из

одной просторной шатровой залы, насквозь продуваемой ветрами. От арочного входа, украшенного белоснежными колоннами, спускались к площади мраморные ступеньки. Перфектно! Они бы еще ледяной каток в этом месте залили. Мрамор хищно блестел в фонарном свете, суля ушибы с переломами каждому, кто рискнет на него ступить. Извозчиков на площади не наблюдалось, то есть во множественном числе. Сани были одни, и за них сейчас шла форменная баталия.

— Кузьма сызнава театру себе разыгрывает, — сплюнул на ступени носильщик, слюна моментально замерзла. — Давайте-ка, барышня, с того вон боку выйдем.

С «того вон боку» от лестничной площадки отходили дощатые мостки, оказавшиеся вовсе не скользкими, а площадь заканчивалась глухой кирпичной стеной. На расчищенном от снега пяточке под фонарем обильно чернели лошадиные кучи. Я положила руку на рукоять револьвера, спрятанного в муфте. Выхватить не успею, стрелять, если что, придется сквозь мех.

— В лучшем виде все устроим, барышня, — пообещал носильщик, как мне показалось, зловеще, и поставил сундук прямо на льдисто хрустнувший навоз.

Донесся звон колокольцев и визгливый лай, из-за угла показалась тройка, запряженная в сани, заложила вираж и скрылась, за ней маневр повторила еще одна и еще. Я разглядела купца Бобруйского, его клеветов, каких-то закутанных в меха дам. Семейство Гаврилы Степаныча воспользовалось личным транспортом. Четвертые сани были однолошадными, тоже с перезвоном, но, кроме возницы, в них никого не было.

— Ну вот, барышня, — носильщик, протянув руку, поклонился, — все в лучшем виде.

Я выпустила револьвер и достала из муфты денежку за услугу, подумала и прибавила полтинничек сверху.

— Благодарствую.

И мужик испарился, передавая заботу о моем багаже в другие руки.

— Губешкина? — переспросил бородатый извозчик, подтаскивая сундук к багажной полке. — Гадалка которая? Конечно, знаю. Это вам на Архиерейскую улицу надобно.

— Архиерей у вас обитает?

Ответа я не получила, по мосткам гулко затопотали и к саням ринулся господин Волков, размахивая тростью, в другой руке болтался саквояж.

— Вдвое плачу, поехали!

— Простите, — заступила я дорогу, — пассажир уже здесь.

Тросточка описала дугу, не успея я отклониться, она ткнула бы меня точно в солнечное сплетение.

— После, барышня, обождете. Я спешу!

— Багаж крепи, — велела я вознице, а нахалу веско сказала: — Подождете как раз вы.

Он словам не внял, размашисто шагнул, намереваясь столкнуть меня в сугроб, я ушла с линии движения и поставила подножку. Волков рухнул лицом вниз.

— Это вас Бог наказал, — сказала я карамельно, а после деловито кучеру: — Поехали, любезный, я тоже спешу.

Голень ожгла боль — лежащий хлестнул мне тростью по ногам. Я даже не вздрогнула, не разломала деревяшку, чтоб засунуть ее по очереди в разные отверстия поверженного соперника. Как говаривал мой достойный учитель Ямота-сан, «истинного самурая отличает снисходительность». Поэтому я молча села в сани, расправила на коленях меховой полог и велела трогать.

Захария Митрофановна обитала в деревянном домике с палисадом и оказалась именно такой, какой я себе ее и представляла по рассказам приказного секретаря. Представляла Губешкина неключдку, куталась в цветастую шаль, звенела браслетами, играла черными очами и крашенными в вороново крыло локонами. И чучело нетопыря имелось заместо потолочной люстры. А еще в доме проживала прислуга лет пятнадцати на вид по имени Дуняща, устроившая, несмотря на юный возраст, такой обстрел глазами моему извозчику, что мужик все не хотел уходить.

Нога болела, свое представление я отыграла без огонька и присела к столу с облегчением. Завтра, все завтра. Мне бы лечь да конечность повыше пристроить, чтоб кровь отлила. Синяк там, наверное, приизрядный, холод прикладывать поздно, авось само заживет. Чтоб отвлечься от боли, я разобрала и собрала револьвер. А гадалка-то его в муфте сразу углядела. Вострая тетка. Дуняща накрыла на стол, я с аппетитом откушала, не забывая поддерживать разговор. Помощь в

сыскном мероприятии мне, разумеется, пообещали, я даже свеженький блокнот достала, чтоб наживо записывать, но провидица Зара вдруг надумала сперва на картах мне гадать.

В гадание я не верила, то есть абсолютно, но и возражать не стала. Ничего нет хуже для доверительных отношений, чем обесценить дело, которым собеседник твой увлечен, которым на жизнь зарабатывает. Колода оказалась вовсе не игральной, то есть масти в ней были и картинки, только не зеркально отраженные на половинках, а просто рисунки: человеческие фигуры, закутанные в плащи, некоторые с коронами, позолоченное дерево, смерть с косой, змея, кусающая себя за хвост. Я послушно сдвигала колоду левой рукой по направлению к себе, вытаскивала картонки рубашкой вверх, повторяла процесс и после того, как расклад мою сивиллу не удовлетворил и она кликнула Дуняшу в помощь.

— Ну что скажу тебе, Гелюшка, — Захария Митрофановна ткнула длинным пальцем в стол, — не выгорит у тебя.

— Что именно? — зевнула я украдкой.

— Дунька, — велела хозяйка, — стели барышне постель в гой горенке, что окном во двор.

А когда служанка ушла, наклонилась над столом.

— У тебя, барышня Попович, сейчас такая оказия приключилась, что ты будто по ниточке над полыньей шагаешь и хочешь там подольше задержаться, чтоб выбора не делать. Это не выгорит, сама не решишь, решат за тебя. Король при тебе есть червовый, любовный, стало быть, интерес, ногами тебя попирает, стало быть, положением выше.

— Ну вот пусть он и решает, — разрешила я благостно, близость постельки меня занимала гораздо больше.

— У него своя ниточка, — гадалка покачала головой, — только если под тобою бездна ледяная, под ним огненная. Соперница твоя подле него сейчас, одной с ним масти. Ты-то явно бубна. Ох-хо-хо, что ж у вас там за катавасия... Вверх тормашками черва легла. Пиковый еще есть, видишь, с венцом на голове, стало быть, патриций, и валеты с ним — прислужники. Смотри, от этого бубнового меч вбок торчит, значит, опасность.

— Мне? — Я уже порядком запуталась в персонажах.

— Не тебе, патрицию, тебе, наоборот, нежную страсть сулит.

— От патриция?

— От валета.

Она еще говорила о каких-то зверях-помощниках, о смерти, которая при огненном коте, о любви, о родственниках, о служебных неприятностях, о сломанном каблуке, о разбитом сердце и ополовиненном кубке.

А я корила себя за то, что вообразила себя яматайским самураем и не засунула поганую трость поганому Волкову в самое неприличное место — нога болела просто до слез.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в коей происходит разведка на местности, обыск, розыск и арест

Карта Башня указывает на особый стиль жизни, связанный со стремлением вверх. Вы будете ставить перед собой грандиозные планы, действовать, несмотря на трудности.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

У Эльдара Давидовича на вечер были планы для него обычные — свидание с дамой, но он его отложил, дождался на перроне, пока поезд на Крыжовень тронется, любуясь тем, как страдает Крестовский. Семену вовсе не хотелось сейчас разделять скорбь подруги детства, он поминутно оглядывался на задернутое шторкой окно Гелиного вагона. Молодец Попович, кремень-девка, не стала сантиментов разводить, четко границы обозначила. Вот здесь, шеф, — наши личные отношения, а тут — служебная надобность. Головина все рыдала, вагонные проводники загрохотали дверьми и ступенями, последние припозднившиеся пассажиры едва успевали вскочить на подножки. Семен Аристархович проводил поезд долгим взглядом, Мамаев же, решив, что миссия его окончена, поспешил уйти.

— Эльдар Давидович, — позвал Крестовский, — обождите меня, вместе в приказ вернемся.

Сыскарь ругнулся про себя, но покорно остановился. Семен поклонился Головиной, вручил букет противных, будто восковых цветов.

— Явлюсь к вам с визитом, Ева Георгиевна, при ближайшей возможности, чтоб сызнова принести соболезнования с вашей утратой.

— Ах, Сеня, — вздохнула вдовица, — ты как лучик солнца в беспросветной тьме, что окружает меня нынче.

Брют предложил ей руку колечком, и графиня удалилась, сопровождаемая кроме свиты канцлера четверкой своих горничных.

— Присутственное время кончилось, — предупредил Эльдар начальство. — Поэтому давай ты меня на ходу обругаешь, чтоб я на встречу с дамой не опоздал вовсе уж неприлично.

— Обойдешься, — хмыкнул Семен, — и страдать будешь вместе со всеми. Дама у него, фу-ты ну-ты... Я нынче соломенный вдовец, ты, верный друг, мою беспросветную тьму будешь развеивать, как солнечный зайчик.

— Как лучик, — тоненько пропищал Эльдар и добавил совсем уж глумливо: — Сеня-а!

Крестовский рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Ваньку сейчас, другого нашего соломенного вдовца, из приказа заберем, он в последнее время чуть не до ночи в кабинете засиживается, да отправимся кутить.

Мамаев подумал, что дам в Мокошь-граде еще много.

Зорин сидел за своим столом и встретил друзей рассеянным взглядом.

— Колдовал? — Семен сдернул с вешалки Иванову шинель. — И, судя по всему, преизрядно. Собирайся.

Иван Иванович противиться не стал, движения его были преувеличенно осторожны:

— Да Гелюшке давно амулет один обещал исполнить, он как раз ей в Крыжовене пригодится.

— Амулет? — Крестовский покачал сокрушенно головой. — Сначала в побрякушку силы лил, а после по ветру Попович отправил? Ванька, ты в обморок сейчас брякнешься.

— На воздухе полегчает.

На воздух Ивана Ивановича выводили под руки, он запрокинул к небу бледное лицо и поймал губами снежинку.

— В баньку бы сейчас, да чтоб веником березовым отхлестали...

Крестовский друга поддержал:

— Либо можжевеловым.

— Могу предложить розги, — хмыкнул Мамаев, — немедленно и даже мокрые.

Его обозвали басурманином, поспорили, где именно пар жарче да банщики рукастее, пришли к выводу, что мокошьградские бани — одно расстройство, посему души не успокоят, и решительно отправились в ближайшую ресторацию.

Эльдар по дороге отлучился ненадолго, чтоб дама попусту его не ждала, и, когда присоединился к друзьям за накрытым столом в «Жарю-парю», те уже изрядно захмелели.

— ...даже не попрощался, — говорил Ивану Крестовский, — болонку Брюта отыгрывал.

— О Геле разговор? — присел Мамаев, кивая разносчику, чтоб принес ему квасу. — Она, кажется, затруднения твои поняла.

— Лучше б не понимала, — криво улыбнулся Семен, — лучше б сцену ревности устроила, Головиной в волосы вцепилась или мне.

— Африканских страстей возжелалось?

— А если бы и так? — горячился Крестовский. — Если мне надоело таиться? Как дети малые, право слово, любое словечко с оглядкой, что люди подумают. Надоело. Канцлер еще этот яд в уши льет. Ах, Семушка, послушай старика, не мальчик ты уже, о семье пора задуматься...

— Партию какую тебе присмотрел? — Если бы собеседники Мамаева были чуть более в форме, тон этого вопроса заставил бы их насторожиться. — Родственницу свою дальнюю?

Ответить Крестовский не успел, Иван вдруг хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил, на что аркан твоего Блохина покойного похож!

— На что же?

— Посмотреть еще надобно... Эх, жаль, письмо в приказе осталось. Вернуться? Не к спеху, если я прав, Гелюшке это все одно не пригодится.

— Что за амулет ты ей изготовил? — Выслушав ответ, Семен изобразил аплодисменты. — Bravo! Попович этим преимуществом воспользоваться не преминет.

— Думаешь, сдюжит?

— Уверен. Давай теперь про рунные плетения рассказывай.

Беседа со страданий сердечных свернула в служебное русло, и задуманной душевной попойки не получилось, Эльдар не раз пожалел о несостоявшемся свидании с очень дальней родственницей Юлиа Францевича.

За ночь щиколотка распухла и в ботильон помещаться не желала. Перфектно! И что теперь делать прикажете? Часики тикают, а работа на месте стоит? По уму мне с такой неприятностью дней пять в постели с задранной ногой лежать надобно.

— Валенки? — предложила Дуняша жалостливо. — И Антипа с санями сей момент кликну.

— Давай валенки. — Я вызвала в памяти накорябанный по объяснениям хозяйки план города. — А с извозчиком погоди, до главной площади, на которой все присутствия расположены, меньше квартала. Ежели с Архиерейской на Чистую свернуть, так вообще рядом.

— Лучше не на Чистую, — служанка протянула мне обувку, — а в Сапожный проулок.

— После мне надо посмотреть квартиру, где покойный Блохин проживал.

— Так при приказе казенка за ним была, на верхнем этаже.

— Ты лично его знала?

— Куда нам, — хихикнула Дуняша. — Степан Фомич по другим девкам выступал.

Она оглянулась на запертую дверь хозяйской спальни, Захария Митрофановна, как я уже знала, почивала обыкновенно до обеда, и добавила шепотом:

— По продажным, в веселый дом хаживал.

— Неужели? А постоянная дама сердца у него была?

— Почему я знаю, — шмыгнула Дуняша носом. — Только ходок он был знатный, многие барышни не прочь были бы с ним закрутить, особливо после газеты.

— Какой еще газеты?

Вчера я попыталась расспросить о Блохине хозяйку, но та лишь отнекивалась, знакомства с покойным приставом не водила, услугами ее он не пользовался. Я ей не поверила, но решила пока не давить. Успеется.

— С портретом! И прямо под портретом написали: его благородие Блохин С. В.

Ни названия газеты, ни точного времени публикации Дуняша припомнить не смогла, год назад или раньше. Это было досадно, мне

хотелось представить внешность объекта.

— В храме посмотрите, — сказала девушка. — Эту карточку господин Ливончик у себя выставил.

— Где? — растерялась я. — В храме?

— У торговых рядов вот такенными буквами вывеска: «Фотографический храм искусств Ливончика».

Дуняшу я поблагодарила, отметила про себя, что девушка неглупа и будет полезна. А еще заметила, что обувь Захарии Митрофановны, стоящая в сенях, принадлежит вовсе не домоседке, которой хозяйка накануне мне представилась. Каблуки стоптаны от постоянной ходьбы.

Крыжовень при свете дня оказался городком богатым и своим богатством кичащимся. Собор блестел золочеными куполами, лавки хвастались вычурными вывесками, добротные фонарные столбы украшало кружево ковки, а немногочисленные прохожие одеты были нарядно, с преувеличенным провинциальным шиком. В валенках была лишь я да деревенские тетки, торговавшие с дощатых лотков продуктами личного хозяйства. Я прохромала по периметру главной площади часа за полтора. Из распахнутых настежь дверей биржи вырывались клубы пара и возбужденные голоса, я туда заглянула, с десяток мужчин махали друг на друга бумажками. Вот ведь бывает такая служба суматошная.

Вывеска «Фотографический храм искусств Ливончика» написана была «вот такенными буквами», но в пять строчек. Салон располагался в столь узком домишке, стиснутом с двух сторон другими зданиями, что даже слово «фотографический» пришлось разбить переносом. В витрине было выставлено с десяток портретных карточек, морозные узоры на стекле осмотру мешали, я чуть не носом в него уткнулась. Не то. Все не то. Какие-то декольтированные дамы, детишки с дорисованным румянцем, котята в лукошке, бравый гусар, нашивки ни о чем мне не говорили, и я решила, что костюм маскарадный.

— Могу чем-нибудь помочь прелестной барышне? — Колокольчик на двери звякнул, и худощавый, средних лет гнум в сером сюртуке повел пригласительно рукой.

— Господин Ливончик? — улыбнулась я. — Примите восхищение вашим талантом.

— Желаете портрет?

Я прикинула наличность, к приказному казначею перед отъездом забежать не успела, так что рассчитывать могу только на свои сбережения. Гнум небольшую заминку воспринял однозначно.

— Я вас умоляю, барышня! Оставьте мысли о презренном металле, хорошеньким женщинам они не к лицу. Ливончик даст вам скидку, ваша карточка станет украшением гостиной для многих поколений ваших отпрысков, молодой человек, которому вы вздумаете ее подарить, немедленно падет на колени и предложит все богатства мира!

— Скидку? — переспросила я, ухватив главное.

— Ну вот опять! — Он всплеснул короткими ручками. — Не думайте о деньгах.

Торговались мы вдохновенно, сперва на улице, пока фотограф окончательно не замерз, после переместились в салон, темную комнатку с аппаратом на треноге и драпированной глухой стеной. Слегка отогревшись, гнум огласил прейскурант, я изобразила обморок.

— Я вас умоляю! — хмыкнул Ливончик, дамскими обмороками его было не пронять. — Вы, барышня, через фотографию обретете бессмертие.

— И голодную смерть.

— Да сколько вы там едите...

Сошлись на полцены от прейскуранта.

— Довольны, барышня? — Гнум вытер платком вспотевший лоб.

— Маэстро Ливончик, — улыбнулась я ангельски, — теперь, когда сумма обозначена, самое время обсудить обещанную скидку.

Фотограф спросил, не желаю ли я, чтоб мне еще и приплатили, сказал, что я режу его без ножа, обозвал плохим словом, которое я не должна была понять, однако же поняла, поэтому покраснела. Мне поведали о бедственном положении, в котором по моей вине окажется семейство Ливончиков, местная гнумья община, город, а вскорости и вся Берендийская империя. Я слушала со вниманием, но молча. Торговаться со своими соплеменниками меня учила матушка, в девичестве носившая фамилию Вундермахер, и сейчас я явно побеждала. Фотограф спускал пар, мешать ему не стоило. Ах, матушка, как же я по тебе тоскую!

Ливончик выдохся, и мы ударили по рукам. Я присела на табурет у драпированной стены.

— А мужчин вы тоже запечатлеваете? Военных, к примеру, или полицейских чиновников?

— Что? — Гнум поднял голову от аппарата. — Разумеется, в самом парадном виде. Если пожелаете жениха или... Замрите! Вот именно так...

Он нырнул за треногу, укрылся черным мешком:

— Раз, два, три... Сейчас вылетит птичка!

Раздался щелчок, мгновенный ослепляющий свет нестерпимо полыхнул.

— Готово.

Я проморгалась, смахнула набежавшие слезы.

— Благодарю. Оплата сейчас или при получении заказа?

— Сейчас, — решил фотограф и опять произнес плохое слово, развязно мне подмигнув. — Це-це-це... Сызнова барышня покраснела? Экая неожиданность. Ну, красавица, признавайтесь, кто вас гнумскому учил.

— Матушка, — протянула я деньги, — то есть мачеха.

Он заинтересовался, спросил, из какого родительница рода, да как ее угораздило за человека замуж пойти, да не представлю ли я ей его, такого замечательного холостого Ливончика.

Я отвечала, что она из оружейного клана Вундермахеров, что с батюшкой они сошлись по любви, и что представить не получится по причине постоянного проживания матушки в Вольской губернии, но я непременно в письмах расскажу родительнице о замечательном холостом Ливончике.

— Соломон Леевич, — представился будущий отчим, — можешь по-родственному дядя Ливончик звать, или Соломон.

— Евангелина Романовна, — пожала я протянутую руку, — Попович, зови Геля.

Матушкиного имени не произнесла, у гнумов заочных знакомств не принято. Это наше второе рукопожатие было не сделкой, а знаком дружбы, меня допускали в семью. Разумеется, серьезных матримониальных планов мой визави не строил, скорее выказывал в моем лице уважение Вундермахерам. Но я отныне могла быть уверена во всяческой его поддержке и в скромности, ибо что сказано в семье, в ней и остается.

— Так что там с твоим военным? — Ливончик принялся колдовать над коробкой аппарата. — Приводи, коль нужда есть, в лучшем виде сделаю. Или про жениха так, для отвода глаз?

Я потупилась в притворном смущении.

— Для отвода. Меня Блохин Степан Фомич интересовал. Твое ведь фото в газете печатали?

Соломон не удивился, кивнул.

— Хороший портрет, я его на витрину выставил, до того хорош, в сечене только снял, чтоб покойниками клиентов не распугивать.

Гнум пересек комнату, отодвинул драпировку, порылся на полке.

— Вот, любуйся!

Пристав был неожиданно молод. Почему-то я воображала его себе кряжистым дядькой средних лет, с карточки же на меня смотрел кудрявый блондин в полицейском мундире с темными бровями вразлет и подкрученными на концах усиками. Ему было не больше тридцати.

— Продашь? — подняла я глаза на фотографа.

— Так забирай, — махнул он рукой, — все равно толку с нее теперь никакого. А раньше-то гуляет кто по рядам торговым, на витрину посмотрит и отправляется в цирюльню по соседству, чтоб под приставу завили да постригли.

— И с каждой такой куафюры тебе процентик? — усмехнулась я.

Гнум вздохнул.

— Одно разорение. А тебе наш самогубец на что сдался?

— Задание. — Я тоже вздохнула. — Меня начальство прислало его смерть расследовать.

— Из Змеевичей?

— Бери выше, Мокошь-град, чародейский приказ. Я, Соломон, сыскарь.

Он не удивился особо, гнумы снобизму по отношению к слабому полу не подвержены. Ну ахнул разок-другой восхищенно, просто чтоб мне приятно было.

— В управе была?

— Нет еще, хочу сперва осмотреться, что к чему, прибыла накануне тайно, поселилась на Архиерейской у Губешкиной.

Гнум брезгливо поморщился.

— Поганая баба... Так, говоришь, смерть расследовать? Начальство думает, не все чисто с нашим повешенным?

— А что думаешь ты?

— Я...

Колокольчик тренькнул, в салон вошла дама с ребенком за руку и господин в бобровой шубе, сразу стало тесно.

— Добро пожаловать! — расплылся в улыбке фотограф, а мне шепнул: — Работа сама себя не сделает, вечером приходи, часам к семи, тогда и поговорим.

Я попрощалась и ушла, спрятав в карман под шубой карточку пристава.

У вывески полицейского приказа стоял постовой с шашкой на поясе. Два этажа, верхний жилой, на окнах цветы в горшках и занавески. Отдельный вход. Его не видно, но он непременно есть. Скорее всего, жильцы поднимаются к себе по лестнице, скрытой от меня фасадом. Квартиру Блохина нужно непременно осмотреть. Я походила между торговыми рядами, будто прицениваясь к желтым куриным яйцам и потрошеным тушкам, купила у лоточника теплую еще ватрушку, с удовольствием ее съела. В присутствие входили и выходили посетители и служащие, отличающиеся от штатских по мундирам. Постового сменил другой, они немного поболтали, потом первого окликнула женщина в беличьей шубе, передала ему какой-то увесистый сверток, и они скрылись за обшитой деревом аркой. За пяточок я купила у румяной крестьянки кружку молока и неторопливо ее выпила. Молоко было уже стылое и не особо вкусное. Пора. Я вернула хозяйшке кружку, картинно охнула, пересекла улочку, сильно припадая на покалеченную ногу, прислонилась к стене. Никто на меня не смотрел, неподалеку начал представление шарманщик с ручной обезьянкой на плече, публике нравилась обряженная в шубку и шапочку животинка. Я юркнула под арку, быстро прошла по узкому проходу между стенами домов, завернула за угол. Деревянная лестница оказалась именно там, где я предполагала.

Забавно, но задняя сторона нарядного снаружи здания выглядела прескверно. Облупившаяся штукатурка, трещины в деревянных наличниках, завалы хлама у стен. Да чего там у стен, барахла даже на лестнице было столько, что для передвижения оставалась лишь узкая тропинка. Поднималась я с таким видом, будто так мне и положено, таиться и осторожничать в таких делах — только ненужное внимание привлекать. Поднявшись, толкнула утепленную дерюжкой дверь.

Коридор освещал одинокий потолочный светильник, еще с лета засиженный мухами, воняло квашеной капустой, прогорклым жиром, котами и сапожной мазью. Одинаковые крашенные масляной краской двери квартир табличками снабжены не были. Зато у некоторых порогов среди прочего хлама лежали детские сапожки, либо совочки с формочками для пасочек, или салазки. Эти двери я пропускала сразу, а потом заметила квартиру, вход в которую был попросту завален. Эко оно за два месяца заросло, что погост бурьяном! Я сдвинула стопки перетянутых бечевкой газет, прохудившийся таз, неожиданно тяжеленную шляпную картонку и связку подгнивших с одного боку деревянных реек. Дверь была, разумеется, заперта, но меня это, разумеется, остановить не могло. Обыкновенный глумский замок щелкнул от поворота шпильки (да, они у меня не простые, спасибо дорогому другу Марку Гирштейну и его золотым неординарным рукам). Я вошла в квартиру, прикрыла дверь, сняла шубу и шапку, свернула тючком, чтоб не мешали, надела чародейские очки и приступила к обыску.

Здесь было по-военному чисто, узкая койка в спальне аккуратно застелена одеялом верблюжьей шерсти, на плечиках гардероба висят два отглаженных мундира, обувь вычищена и набита смятыми газетами от сырости. По уму надо бы все эти катыши вытащить и расправить, но времени могло не хватить. Я обыскала спальню, прощупала матрац и подушку, заглянула под кровать и ощупала каркас. Ничего. Я отправилась на кухню. Чистота и порядок. Разномастная посуда расставлена в шкафчике, жестянки для сыпучих продуктов так и вообще по росту, как на плацу. Стало быть, коллеги Блохина обыском здесь не утруждались, а сам он прибрался и ушел вешаться? В одной жестянке был сахарный песок, в другой — дорогой листовой чай, в прочих — обычные при готовке перец горошком, лаврушка, крупная кристаллическая соль. Во все эти субстанции я опускала пальцы, но ничего необычного не обнаружила, пристав, видимо, тоже знал, что именно здесь в первую очередь искать будут. Жестянки я вернула на место, стараясь, чтоб они заняли свои, свободные от пыли, квадратики. Первая находка оказалась в холщовом мешочке с кофейными зернами — обернутый в дерюжку револьвер. Был он в кожаной тисненой кобуре, длина сбруйных ремней позволяла бы носить его под мышкой. Я примерила. Женщине бы позволяла или юноше-подростку. Само

оружие тоже было скорее дамским, карманный безкурковый «Метеор». Пятизарядный, никелированный, украшенный мелким растительным орнаментом и перламутром на рукояти.

— Легкая разборка, доступная чистка, большое проникание пули при сохранении верности цели, — пробормотала я себе под нос, — вес шестьдесят золотников, цена пятнадцать рублей, предъявителю объявления по адресу Мокошь-град, улица Караванная, «Оружейная лавка Никифорова» — двенадцать с полтиной.

Статейки в газетах я тоже запоминала. Зачем Блохину сдалась эта игрушка? Даме сердца подарить? Значит, она все же была и, кажется, нуждалась в защите.

Поверх перламутра крепилась бляшка с гравировкой вензельными «НБ». Наталья или Надежда? Нонна? Нечего сейчас гадать. Оружие было в порядке: чистое, пахло смазкой и едва заметно порохом. Пристав его явно пристреливал, прежде чем в дамские ручки передать. Я отщелкнула барабан — все пять гнезд заняты. Пристрелял, почистил, зарядил. Аккуратный мужик. Я посмотрела сквозь очки. И подчардеил немножко, на патронах мерцали руны.

Перфектно. Не зря в квартиру полезла.

Револьвер я вернула туда, где взяла, в кофейный мешок, обстучала кухонную мебель и стены, прошлась по половицам, а ну скрипнет какая, тайник тем самым выдав?

А ведь ты, Гея, дурында, как есть дурында! О сердце своем поцарапанном заботилась, на вокзал побежала, а надо было Крестовского дожидаться и о Степане этом Фомиче с пристрастием допросить. Тогда бы ни молодость Блохина, ни аккуратность тебя не удивили. Нет, все правильно. Сейчас ты непредвзята, именно так и нужно для дела.

Рутинно обыскав оставшиеся помещения, я больше ничего любопытного не обнаружила, ну разве что у клозетного бачка отсутствовала цепочка. В бачок я посмотрела, взобралась по стремянке, рукава закатала да пошарила в мокрой глубине. Обрадовалась, когда пальцы нащупали какую-то гладкую вещицу, но она оказалась фаянсовой ручкой от этой самой цепочки, и даже чародейских рун на ней не было. Вернув все как было, вытерла руки носовым платком и прошлась еще раз по всем комнатам. Ни-че-го. Можно было уходить.

По берендийскому обычаю, я перед дорожкой присела на краешек стула. Хороший обычай, правильный. Посидеть, помолчать, вдруг что забыла.

— Ох! — вскочив, я хлопнула себя по лбу. — Окна, ну конечно!

Их было всего три, и изнутри мною уже исследованы. Но ведь есть еще внешние водоотливы, некоторые хозяйки обожают зимой выставлять на них скоропортящиеся продукты. Окно гостиной выходило на парадную улицу. Подле него я была осторожной, просто выглянула, спрятавшись за шторой. Отлив там был узенький, обледенелый. С двумя оставшимися можно было не церемониться, распахивать створки настежь — то есть в спальне, кухонное окошко оказалось наглухо заколоченным — и сметать наружу скопившийся снег. В нижнюю планку рамы был вбит гвоздь, к нему крепилась цепочка, видимо, та самая, пропавшая клозетная, частично вмерзшая в наст, я потянула ее на себя, схватила привязанный к последнему звену полотняный мешочек. Старый потертый кисет, похож на солдатский, вышит гладью розами и сердцами. Растянув шнурок, я достала свернутый в трубочку лист бумаги. От мороза он совсем заледенел, поэтому разворачивать его немедленно я побоялась — а ну как хрустнет! Бумагу я спрятала в поясной кармашек, а кисет выбросила за окно болтаться пустым.

Теперь точно все. Мне оставалось лишь скрыть следы своего присутствия. Закрыв раму, я протерла влагу с подоконника носовым платком, поправила шторы и пошла одеваться.

Это я успела и даже спрятала свои чародейские очки в специальный футлярчик. А вот уйти — нет.

Бесполезно скрежетнул ординарный ключ в ординарном замке, в коридоре чертыхнулись, сразу извинительно пробормотав:

— Сей момент, ваше высокоблагородие, не извольте беспокоиться!

— Здесь не заперто, — сказал некто знакомый с ледяным высокомерием, — в этой вашей чудовищной клоаке.

И дверь распахнулась от резкого удара.

Я посмотрела на мужчин. Младший полицейский чин перекрестился ключом, «коммивояжер» Волков протянул:

— Так-так...

Одет он был, как и давеча, партикулярно, поэтому я улыбнулась петличке младшего чина (коллежский регистратор, четырнадцатый класс) и пропела:

— Ваше благородие, какая волшебная удача! Вы его уже арестовали!

Регистратор поморгал, раскрыв рот. Волков собрался что-то сказать, я видела уголком глаза, поэтому перебила:

— Барышня Попович, Евангелина Романовна, гощу в Крыжовене у тетушки. Вчера подверглась нападению, — я опасно кивнула, — этого вот господина и нынче же, проплакав всю ночь, явилась в приказ, чтоб заявить.

— Так присутствие же, — младший чин показал ключом вниз, — там.

— Неужели? — всплеснула я руками и хихикнула. — А я-то сижу, сижу, жду, пока кто-нибудь подойдет ко мне, чтоб жалобу принять, чуть не задремала. А здесь, оказывается, и не управа вовсе? Вы уж простите, ваше благородие, мою рассеянность. И примите благодарность и восторги. Как скоро вы этого разбойника арестовали! Чудо, истинное чудо!

— Разбойника? — лепетал регистратор.

— Разумеется, разбойника! Он давеча ногу мне палкой покалечил. Показать?

Раздвинув полы шубы, я поболтала в воздухе валенком. Карие глаза Волкова рыскали по сторонам, он искал следы того, чем я здесь занималась, его спутник же с сомнамбулическим видом не отводил глаз от валенка. Балаган следовало прекращать.

— Надеюсь, — опустила я ногу и шагнула к младшему чину, — вы его примерно накажете. Пожизненная каторга, не меньше. Спасибо, ваше благородие, от лица всех пострадавших женщин Берендийской империи! Молиться за вас буду.

Я зарыдала, сделала вид, что сейчас брошусь целоваться, замерла, будто не в силах совладать с чувствами и, хромя, выбежала из квартиры.

Меня не преследовали. Я скатилась по деревянным ступеням и только под аркой немного замедлила шаг.

Наследила ты, Геля, изрядно, да еще полицейского в Волкове вчера не угадала. Досадная оплошность, теперь филером у управы

слоняться никак не получится.

У биржи я поймала за ворот какого-то лохматого пострела.

— На рынке промышляешь?

— Чего надо, тетенька? — всхлипнул он, раскрыв по-жабьи рот. — Не я это, Христом-Богом!

— Во-первых, ты, — наклонилась я к рябому уху, — а во-вторых, наказывать за это не буду.

— Так отпусти тогда, — предложил мальчишка деловито.

— Сбежишь ведь, и пяточка за услугу не получишь.

Денежку ему хотелось. Я повторила первый свой вопрос, получила утвердительный ответ.

— Зовут как?

— Мишка Ржавый.

— Четверть часа тому из управы выходил высокий темноволосый мужчина... — Я запнулась.

Глазки базарного карманника смотрели на меня с брезгливым недоумением. Ну что ты, Геля, право слово, кисейную барышню из себя изображаешь? У этой публики совсем иной вокабуляр.

— Фраер залетный, — поправила я хрипло и развязно, — смазливый такой, аршина два с половиною дылда. Нетто не заметил? Котлы у него еще серебряные, воротник бобровый, тросточка.

— Котлы? — заинтересовался щипач. — Я только цепуру разглядел.

— Какие твои годы, научись, — покровительственно кивнула я. — Так что за фраер?

— Пяточка мало.

Я поморщилась, денег мне было не жалко, только все равно их у него старший немедленно отберет.

— На пирожок хватит, — показала я на лоточника и протянула Мишке монетку. — Давай, не томи.

— Среди фартовых слухи ходят, — с гордостью сказал пацан, — что на место Степана Фомича из Змеевичей нового полкана прислать собираются.

— Степана Фомича? — хмыкнула я недоверчиво. — Экое уважение.

— Потому что хороший человек был, с пониманием — нас, мелочь, не щемил особо, а за безобразия укорот давал. Про пришлого

этого сказывают, зверь лютый, уж сколько честных фартовых от него в уезде пострадало. Волков его фамилия.

Я достала еще монетку.

— Сказывают, пристав ваш покойный в веселый дом хаживал? Какой именно?

Мишка жалобно посмотрел на мою руку.

— Ты это... Звать-то тебя как?

— Геля.

— Деньгу спрячь, ладно? А хочешь вызнать чего, в трактир пошли, я страсть какой голодный.

Скрывая почти болезненную жалость к этому маленькому неустроенному существу, я деловито кивнула.

— Оплачу разговор обедом. Только давай местечко подальше от площади поищем, неохота твоим подельникам светиться.

Мы побрели вдаль от торговых рядов, болтая как старинные приятели. Фамилия рыжего Мишки была Степанов, лет ему было двенадцать, и последние четыре года он провел, скитаясь по изнанке нарядного снаружи Крыжовеня. Дело обычное. Единственный ребенок в семье, батя мелкий лавочник, маманя на хозяйстве, вроде не до жиру, но все же есть кусок хлеба и на хлеб что-нибудь положить, сласти и конфеты по праздникам, начальная школа, книжки с картинками. А потом все кончилось. В одну страшную ночь ворвались в лавку лихие люди и забили бату палками до смерти. Мишка этого не видел, мамка в чулан его спрятала, за бочки с капустой. Мишка слышал звуки ударов, истошный крик матери, гогот разбойников. А наутро, когда удалось выбить дверь чулана и выйти к родителям, нашел их на полу. Отец был мертв, а мать прожила еще девять дней и ушла вслед за мужем. Дальняя родня быстро поделила оставшееся имущество, определив отрока Степанова в местный приют.

— Так ты приютский? — спросила я. — Отчего же на базаре промышляешь?

Мишка посмотрел на меня как на умалишенную.

— Начальница так определила. Думаешь, можно просто так в торговые ряды выйти да щипать в свое удовольствие?

— Сиротский начальник?

— Ты, Геля, будто на другом свете живешь! Барыня, директриса наша, каждое утро на промысел нас выпускает, а на закате выручку в

амбарную книгу записывает.

Это было настолько чудовищно, что слов у меня не нашлось. Хотелось немедленно взять револьвер и вынести мозги приютскому начальству. К несчастью, оружие осталось на квартире Губешкиной. Может, сбежать? Мишка моего состояния не замечал.

— Степан Фомич собирался всех здесь на чистую воду вывести, только тоже помер.

Мы как раз проходили мимо большой ресторации, вывеска гласила: «Филе-миньон. Французский повар маэстро Шарль Монтегю».

— Зайдем? — предложила я и взяла за руку оробевшего мальчика.

Швейцар посмотрел на Мишку, на мои валенки.

— Парле ву франсе? — хихикнула я. — Знаю, что не парле ни разу, поэтому двери нам, мил-человек, распахни.

Зал ресторации был пуст и вопиюще безвкусен. Я выбрала столик у окна, сбросила шубу на руки официанта.

— Доброго денечка, любезный, то есть бонжур. Кушать очень хочется. Примите картуз у молодого человека и записывайте. — Меню было в бархатной золоченой папке. — На первое мы желаем крем-суп не луковый, а, предположим, грибной, к нему сырных гренок, но отметьте, чтоб сыр был не пикантный, а сливочный. На второе... экий у вас скудный выбор... Рыба? Михаил, вы желаете судака по-провансальски?

— Что такое шукрут? — спросил мальчишка, перед которым тоже лежала раскрытая папка.

— Извольте, — наклонился официант, — шукрут по-эльзасски готовится...

— Это квашеная капуста, — перебила я, — и ее нам даже не предлагайте.

Халдей был повержен, но я решила сделать контрольный выстрел.

— Конфи из утятини тоже придется пренебречь, его полагается готовить более двух часов, выдерживая правильную температуру, посему, любезный, на второе у нас будет рыба, упаси боже, без провансальских присыпок, свежий салат и картофель ломтиками, обжарьте его в масле до хрустящей корочки. В меню этого не значится, но можете после дописать.

— Десерт? Клафути либо бланманже?

— С киселем, — фыркнула я. — Бросьте притворяться. Откуда у вас свежие ягоды для клафути? А пирога с вареньем мы и дома откушаем. Пусть будет бланманже, про кисель я пошутила, вычеркните. К нему кофе, а молодому человеку сварите какао.

— Какое вино предпочитает барышня?

— Что? — По улице энергично шагал господин в котелке и с тростью, я на него отвлеклась. — До первой звезды барышня предпочитает сельтерскую воду.

Господин поравнялся с витриной, это был не Волков, и я облегченно вздохнула.

— Геля, — прошептал Мишка, когда халдей удалился, — ты ограбила банк?

Интересный вопрос. Если я собираюсь и дальше сорить деньгами, наверное, придется. Ах, пустое... В крайнем случае одолжу у Ливончика под честь семьи Вундермахеров или телеграфирую в чародейский приказ, чтоб шеф подкинул на бедность.

— Будешь много знать... — протянула я зловеще и хихикнула. — Рог закрой, ворона залетит.

Нам принесли сельтерскую, официант с шиком разлил шипучку по винным бокалам. За супом мы почти не говорили. Информатор мой, изрядно оголодавший, мог только жевать. Я замечала, как он старается соблюдать приличия, каких усилий ему стоит мерно черпать ложкой и не заглатывать хрустящие гренки целиком, и сдерживала слезы. Проклятый Крыжовень, проклятая, жестокая жизнь.

— А тех разбойников, что на вашу лавку напали, — спросила я за рыбой, — их нашли?

— Не-а, — покачал Мишка головой. — Да и не искал, наверное, никто. Степан Фомич, царствие ему небесное, сказывал, больно ловко они все провернули.

— Это уже при нем произошло?

— Да что ты! Блохин ни в жизнь бы не позволил так безобразить.

— Строгий был?

— Но справедливый.

Первый голод был утолен, и Мишка принялся мне рассказывать историю своего знакомства со Степаном Фомичом. То есть он-то пристава с самого прибытия последнего знал, бригадные воришек-карманников специально малышню к приказу водили, чтоб новое

начальство в лицо показать, чтоб те ему на глаза попадаться избегали. Мишка попался. Не очень давно, в том годе, в травене. И за работой попался, с рукою в чужом кармане и с бритвочкой в другой.

— Думал — все, отбегался. Нары, кандалы и пойду по этапу, как все пропащие. Но Степан Фомич дело замял, лично перед тем купчиной ошипанным извинился. А после... Он навроде тебя был, Блохин, тоже правду по кусочкам дергал и в купу собирал.

Так Мишка стал информатором пристава. Они не то чтоб дружили, но виделись регулярно, пацан передавал подслушанное среди фартовых, Блохин давал денежку, или продукты, или что-нибудь из своей старой одежды. Малый знал, что не один он такой у Степана Фомича, что многие приютские с ним беседы ведут.

Ниточка? Еще какая! Блохин копал под опекунский совет. Также он пытался разобраться в давнем убийстве лавочника Степанова и его супруги. Или не пытался, а врал пацану, чтоб расположить к себе? Зачем? Чтоб Мишка с крючка не соскочил?

Про проституток я тоже расспросила. Мишка не смущался и не хихикал, дело-то обычное, кто-то с протянутой рукой стоит, кто-то по карманам тырит либо к налетчикам прибивается, а девкам пропащим одна дорога — собою торговать. Пристав к девицам хаживал, а чего, молодой здоровый мужик, холостой к тому. Все про то знали, и никто не осуждал. Бордель назывался «Храм наслаждений». Еще один храм? И туда заглянем всенепременно.

— Постоянная барышня у Степана Фомича в этом заведении имелась?

Мишка не знал.

Принесли бланманже — дрожащие студенистые холмики, присыпанные шоколадной крошкой. Пацан испуганно посмотрел на десерт, будто ожидая услышать тоненькое «не ешь меня!»

— Директрису вашу как величать? — ткнула я бланманже десертной ложкой.

— Госпожа Чикова. — Пацан последовал моему примеру. — Елена Николаевна.

— Это поверенного Чикова родственница?

Он не знал.

Что ж, разбираться с местными продажными чиновниками мне задания не давали, но и оставить этого без внимания я не могу. А что

могу? В нашей империи сиротское попечение исстари на откуп частной инициативе отдано при некотором участии церкви. Митрополиту ябеду составить? И что это даст, кроме сознания собственной доброты? Кляуза застрянет в церковной канцелярии, погребенная под завалами таких же жалоб. А даже если ей ход дадут, что поменяется? Ну устроят в приюте проверку, директриса в этот день сироток на работу не погонит. Ладно, Геля, пока остынь, не распляйся. После придумаешь, как ситуацию по закону и справедливости разрешить.

— Михаил, — сказала я серьезно, пододвигая собеседнику свой десерт, — расскажи мне теперь в подробностях, отчего пристав помер. Какие слухи в городе ходят?

Слухов особых не ходило. Просто одним морозным утром мужики, что на базар торговать ехали, увидели на осине повешенного.

— На осине? — Письмо Блохина я помнила дословно. — Не на ясене или, положим, дубе?

Пацан кивнул.

— Осина приметная, в народе висельной прозванная, поганое дерево. И место препоганое, нечистое, там неподалеку развалины генеральской усадьбы Попова, крестьяне издавна эту усадьбу стороной обходят, потому что зло там обитает.

— Висельной?

— Говорят, на ней того генерала и нашли, которого усадьба. А после, когда мужики пришли себе кирпича в развалинах добыть, призрак на них как наскочит, да и поубивал всех, но это лет двадцать назад было.

— И что ж, этот генерал Попов тоже на себя руки наложил?

— Сначала усадьбу сжег, а теперь ходит по развалинам, переходящих подманивает да людскую кровь ньет.

— Перфектно. — Я холодно улыбнулась, подобных городских баек я за жизнь свою недолгую наслушалась преизрядно. — Осину мне покажешь?

Сытый и разморенный Мишка кивнул.

— Отчего не показать, покажу, только тебе с того показа толку не будет, полканы там ужо везде обрыскали.

— Стало быть, управлюсь быстро. Давай прямо сейчас? До вечерней поверки в город вернешься, выручку сдашь. — Я посмотрела

на стену, где тикали золоченые часы. — Сколько до этой усадьбы?

— Пешедралом долго.

— Извозчика кликнем.

Я рассчиталась за обед, оставила щедро на чай и попросила передать комплименты повару.

— Чудная ты девка, Геля, — пробормотал Мишка Ржавый на улице, когда мы высматривали извозчицьи сани, — то штука столичная, то фартовая своя в доску, а то чистый полкан.

— Если вдруг бригадные спросят, что за персону сегодня обихаживал, — велела я, — скажешь, в газете барышня служит, пожелала заметку про страшные колдунские места писать.

Эту легенду я сочинила только что, и она мне нравилась. В нее укладывались расспросы о покойном Блохине, обыск его квартиры и посещение «висельного места».

Пацан легендой тоже удовлетворился, ну или сделал вид. И вскоре мы уже кутались в меховую доху нанятых саней. Возницу звали Кузьма, и именно он вчера устраивал себе батальное представление на городском вокзале. Был он бородат, еще нестар, смешлив, разговорчив и любопытен.

— Газетчица это столичная, — представил меня Мишка, — про горелую усадьбу Попова пишет. Не трусь-то, труся, засветло обернемся.

Извозчик заломил цену, я уменьшила ее втрое, напирая на скудный газетный бюджет, и предложила спутнику все-таки поискать знакомого моего ваньку Антипа, который накануне показался мне менее жадным. Кузьма сообщил нам, что Антип — зло во плоти и пьяница, и вообще пришлый, он-де проклятые эти развалины днем с огнем не найдет и завезет меня к черту на кулички. Сошлись на половине и с богом поехали.

Достав из футляра очки с чародейскими стеклами, я изучила обоих моих спутников и лошадку. Рун на них не было, скрытые артефакты из-под одежды и сбруи не мерцали. Магическим был только фонарик, болтающийся на дуге над лошадиной головой. Опасности быть заколдованной и ограбленной за пределами города можно было не ждать. Револьвер добавил бы мне уверенности, но таскать его в муфте было не особо удобно, поэтому я оставила его в своей горенке на Архиерейской. К слову, об удобстве: небольшая дамская кобура на

манер той, что я примеряла в квартире Блохина, изрядно облегчила бы мою работу.

По дороге меня развлекали страшными древними историями, меж которых я успевала вставлять вопросы про покойного пристава. Кузьма Степана Фомича уважал, впрочем, как почти все горожане. Самоубийство он допускал, потому как место для прощания с жизнью покойник выбрал не абы какое, а со смыслом.

— Сглазили мужика, в петлю толкнули, — вещал извозчик, — потому как все зло в мире от баб и от ведьм, которые тоже бабы.

— В Крыжовене ведьм много? — недоверчиво хмыкнула я.

— А то!

Он принялся рассказывать про свою соседку злоглазую, про прочих завистниц да проказниц.

Про ведьм я знала гораздо больше Кузьмы. В нашем отечестве магические способности меж полами распределены неравномерно. Чародеи почти исключительно мужчины, их призывают к служению стихии либо одаривают магические источники, женщины же вынуждены довольствоваться крохами. Видимо, для поддержания вселенской справедливости, слабому полу подвластно ведовство. Каждый ковен это что-то вроде дамского кружка, служит одной из древних богинь. Что они могут? В сравнении с чародеями ничтожно мало. Ведьмы могут забирать. Недавно я познакомилась с великой берендийской ведьмой Нееловой, так она умудрилась версты скрасть, притащив с холодного острова в Мокошь-град двух чародеев нам на подмогу. Толкнуть на самоубийство? Влезть в голову чародея Блохина и мысли ему запутать? Для этого местной ведунье пришлось бы спать с объектом воздействия на одной подушке, да не один раз. И она должна быть очень, просто исключительно сильна.

Извозчик же бубнит про всякие глупости, навроде скисшего молока и сглазливового слова.

— Зара еще эта... — Кузьма сплюнул с облучка. — Скрутит куколку из соломы да иголками тыкать принимается, а мужик, чьим именем она эту гомункулу покрестила, день за днем чахнет.

— Провидица Зара? Губешкина которая?

— Первейшая ведьма, — подтвердил извозчик, — магичка черная.

Это было уже нелепо. Заговоры, которые мне только что описали, во-первых, были запрещены под страхом смерти, а во-вторых,

отслеживались представителями церкви. Потому что дело это богопротивное и требующее, ко всему, сакральных ингредиентов, навроде настоящей крестильной купели и освященного елея.

— Экая у тебя в голове каша, мил-человек, — сокрушенно сказала я. — Но не мне тебя уму-разуму учить, на исповеди батюшке подозрения свои сообщи, он объяснит подробно, что ближнего любить и уважать надобно, независимо от того, мужик он либо баба.

Вот кто меня за язык тянул? Еще бы про суфражизм лекцию устроила. Кузьма обиделся и замолчал.

— Зря ты, Геля, — пробормотал Мишка, — есть такое колдунство, я точно знаю.

— Сам видел?

— Своими глазами! Позатем летом дело было. Туз один, Валет звали, не важно, он помер уже, девчонку одну нашу насильничал, Лизку. — Пацан перекрестился. — Она тоже уже... того. Так вот...

Рябые зеленовато-карие глаза Мишки округлились и повлажнели.

— Лизка гордая была, неласковая. Девкам-то нашим приютским одна дорога — в веселый дом либо под фонарем стоять, а она не хотела, щипала с пацанами помаленьку, денежку копила да побег готовила. А тут Валет этот ее заприметил, ну кот.

— Сутенер, — кивнула я, «котами» на воровском жаргоне назывались субъекты, опекающие проституток.

— Сказал, сам сначала ее попробует, прежде чем клиентам предлагать. Ну и попробовал, да щедро с товарищами поделился. Забрали Лизку на всю ночь, она брыкалась, конечно, на помощь звала. Да только подручные Валета быстро ее скрутили, меня пришибли до полусмерти, а больше никто им дороги не заступил.

— Сколько лет было девочке? — сглотнула я горькую слюну.

— Четырнадцать, — ответил Мишка неуверенно, — может, и меньше. Наутро она вернулась избитая вся, изодранная, а глаза мертвые. Директрисе сказала, под кота работать уходит, да только надо обождать, пока заживет немного, а пока будет щипать, чтоб барыня в убытке не осталась. Начальница позволила. А Лизка кубышку свою с денежками откопала, да меня с собою позвала. Я думал, в побег за компанию, но пошли мы к одной колдунье, что черными заговорами промышляет. Зовут ее еще престранно — мадам Фараония. Эта мадам в богатом доме на Гильдейской живет и там же клиентов принимает.

Меня за порог не пустили, я на улице ждал. И дала та Фараония Лизавете шесть глиняных куколок, у каждой на лбу буквами кличка стояла — Валет и пятеро его подручных, которые с Лизкой ночью ужасы творили. В глину колдунья намешала всякого, что от надругательства в девчонке осталось, и сказала, что ей самой выбирать, как злодеев наказывать.

Во рту появился вкус соли, я прокусила губу до крови, Мишка же монотонно продолжал:

— Золотари как раз бочонок с нечистотами через улицу везли. Лизка туда все шесть кукол и бросила. Это утром было, до заката мы по базару работали привычно, Лизавета веселая была, лихая. А вечером, когда в приют вернулись, узнали, что помер Валет в страшных муках, отравился, и вся свита его, то ли вино плохое употребили, то ли тухлятину зажевали, только нашли их в дерьме, и будто бы оно из всех дыр у них лезло.

— Туда им и дорога, — прошептала я.

— Лизавета, как новости услышала, улыбнулась мне светло и говорит: «Прощай, Мишенька, дело свое я завершила, так что и помирать не страшно». Я испугался, как же так, говорю. А она: «Нешто ты думал, за такую работу деньгами расплатиться можно? Жизнь я за месть отдала». И упала бездыханная.

Я обняла плачущего мальчишку. Слов утешения не было, мы молчали, заснеженные просторы нашей богоспасаемой отчизны взирали на нас с обычным равнодушием.

Какой кошмар! Какой беспросветный ужас. Этих детей, и без того обездоленных, толкают на преступления те, кому по статусу положено их защищать. Госпожа Чикова должна ответить за свои преступления, даже если мне придется заказать у черной колдуньи Фараонии ее глиняную куклу.

— Приехали, барышня! — гаркнул, обернувшись, Кузьма. — Вот она, усадьба. Денежку-то сейчас извольте заплатить, чтоб не волноваться.

— Чтоб ты нас здесь бросил, мил-человек? Ну уж нет, получишь сполна, когда в город вернемся.

Мишка шмыгнул носом и меня поддержал:

— Здесь обожди.

Усадьба зловеще не выглядела, снег картину несколько умиротворял. Давно заброшенный дом в полтора этажа, облупившиеся до кирпича колонны торчат, будто пальцы покойника, не поддерживая уже крыши портика. На стенах кое-где следы копоти, окна пусто чернеют, шатер кровли покосился, как шляпка гнилого гриба.

— Осина там, — махнул Мишка в сторону.

Мы обогнули портик, проваливаясь по колено в снег. Висельное дерево чернело на белоснежном холме.

— Говоришь, мужики его нашли? — спросила я. — Разве с дороги это разглядишь?

Пацан повернул голову, измерил глазами расстояние.

— Ежели от города ехать, то никак, но от деревни как раз от поворота видать.

Я взобралась на холм; серый толстый ствол пережил не один десяток лет, а ближайший сук торчал аршинах в пяти над моей головой, на нем болтался обледенелый обрывок веревки. Высоковато. Я, например, без приспособлений гуда не доберусь. Предположим, Блохин воспользовался лестницей. Ее занесло снегом? Я пошаркала ногами. А после ее прибрал хозяйственный приказный? Дерево выглядело обычным. Нацепив очки, я увидела нанесенные на кору чародейские руны. После зарисую. Любопытно, кто автор — покойный пристав или, напротив, злоумышленник этой вязью его приманивал?

Мишка топтался у подножия холма, пытаюсь согреться, мороз пробирал до костей. Запрокинув голову, я попыталась разглядеть, нет ли каких знаков на веревке, но не преуспела.

— Геля, — позвал пацан, — ты чего там?

Я объяснила.

— Белоручка, — сплюнул он под ноги. — Тут дела на минуточку.

Скинув мне кожух и картуз, юный Степанов по кличке Ржавый взобрался по стволу, что твой кот. Веревка сосулькой упала к моим ногам, рядом спрыгнул Мишка.

— Тебе совсем, что ли, не страшно? — спросила я, сначала поблагодарив. — Проклятая осина, покойный генерал...

— Живых надо бояться, а не деревьев с покойниками, — ответил он, одеваясь.

— Это правильно, — похвалила я, хотя сама боялась покойников до обморока.

Веревка оказалась не простой, а зачарованной, сквозь корочку льда мерцал витой аркан, знаки которого многократно повторяли руны на коре дерева. Перфектно. Я спрятала обрезок в нашитый на подкладку карман шубы.

— Можем возвращаться? — В голосе Мишки мне послышались нотки грусти, ему, кажется, гораздо больше нравилось болтаться со мной, чем шарить по карманам в Крыжовене.

— Развалины еще нужно осмотреть. Не струсил? А ну как призрак Попова крови возжелает?

— Тогда скормим ему Кузьму, в нем жижи поболее, чем в нас, будет.

Я хихикнула, и мы побрели по снегу.

Дом пострадал от пожара, от времени, от диких животных. Верхний этаж был недоступен, придавленный осевшей крышей. Более-менее сохранилась лишь одна зала внизу, на стенах которой угадывались роспись и резные шпалеры, почти полностью уничтоженные огнем. Паркетный пол кое-где проваливался, доски нехорошо пружинили и скрипели под ногами.

— У входа обожди, — велела я Мишке, поправляя очки.

Человеческих следов здесь не было, но, может, обнаружатся чародейские?

Прямо напротив двери в другом конце зала темнел каминный зев, мраморная облицовка держала форму. Хорошая работа, основательная, и без толики колдовства. Две резные фигуры поддерживали украшенную растительным орнаментом широкую полку. Что-то аллегорическое, мужчина и женщина в тогах, руки будто напряглись от усилий, на них бугрятся мускулы, лица искажены. В камине я пошарила подобранной с пола деревяшкой, обнаружила дохлую белку. То ли от поднятого в воздух пепла, то ли от неровного света из выбитых окон, но на мгновение мне показалось, что рот мраморной женщины шевельнулся. Я замерла, выдохнула осторожно. Рот статуи действительно открыт, широко, как от хохота. Она «демонски хохочет»? Я перевела взгляд на ее мраморного напарника. Полку он держал лишь одной рукой, вторая была перед грудью, указательный палец отколот, но, мысленно его дорисовав, я решила, что статуя грозит. Он и она. Он грозит, она демонски хохочет. В своем предсмертном послании господин Блохин именно так писал. Значит, те

самые «тыщщи» спрятаны под полом? Именно под этим, кое-где сгоревшим и гнилым?

Разжав пальцы, я выпустила деревяшку. Спокойно, Геля, не пори горячку. Ну найдешь ты немедленно клад, дальше что? Потасишь его в сани, а после в приказ? Рано еще раскрываться. В сани и перепрятать до поры у Губешкиной? А извозчику ты что скажешь? На разведку-то с пустыми руками отправлялась.

Тогда что? Просто уйти, вернуться после без свидетелей?

— Мишка, — позвала я негромко, — возьми у Кузьмы фонарик чародейский с саней, мне посветить нужно.

Пацан ушел, я опустилась на колени перед камином, толкнула от себя железный поддон, он съехал. Полозья крышки недавно хорошо смазали жиром. В углублении лежал обычный дорожный саквояж. Я щелкнула замочком. «Тыщщи», плотно перетянутые ординарными банковскими бечевками, даже не шелестели. Закрыв саквояж, я переставила его на пол, помогая деревяшкой, столкнула в схрондохлую белку и задвинула поддон. Перфектно. Следы! Той же деревяшкой я разгребла пепел, встала, ухватив за ручку саквояж. Снаружи доносился скрип снега под Мишкиными шагами, я метнулась к окну, к остову цветочного горшка, где некогда росла массивная пальма, ее обугленный ствол крошился под пальцами, но удержал пук сухих корней. Саквояж в горшок поместился, но занял все свободное пространство. Его кожаный бок осветился желтоватым светом магического фонаря.

— Геля, — испуганно спросил пацан. — Ты чего делаешь?

— Деньги прячу, — вздохнула я.

Он неторопливо приблизился и присвистнул, когда замочек щелкнул и я показала клад.

— Эти деньги, — сказала я веско, — следует немедленно в полицейский приказ доставить и под опись сдать.

— Немедленно, — подтвердил пацаненок, — сию минуту.

Он отдал мне фонарь, выдернул саквояж из вазона.

— Пошли. К присутственному времени, глядишь, поспеем.

Я посветила ему в лицо.

— Что? К утру?

— Кузьма велел тебе кланяться и гореть в геенне огненной, как ведьминскому роду и пристало. Его, вишь, привидения терзали, пока

мы с тобой окрестности осматривали, вот он и решил нас не дожидаться.

— А фонарь?

— Его я сорвать успел, прежде чем меня кнутом огрели.

— Бедняжка, — пожалела я.

— Пустое, — хмыкнул пацан. — Даже в сравнение с тем, что мне барыня-начальница за опоздание устроит, не идет.

Мы с Мишкой побрели сквозь метель подобно двум великим путешественникам, и брели час, другой, брели, брели, брели. Хорошо, что мы плотно пообедали, и счастье, что фонарик у нас был. Действительно счастье. Потому что именно его огонек заметил сквозь завихруху припозднившийся в город селянин на дребезжащих, нагруженных пенькою санях. Так что в Крыжовень мы вернулись еще до полуночи. От денег спаситель отказался наотрез.

— Не по-божески это и супротив законов людских, за такое плату брать.

Он высадил нас у городских ворот, где в будке у шлагбаума дремал городской, и направил сани к дощатым баракам речной пристани.

— Бывай, Геля, — попрощался Мишка, косясь на служителя порядка. — Я, пожалуй, тоже на пристани до утра перекантуюсь, там деревенский люд ночует, авось пожалеют сироту.

— Погоди, а приют как же? Давай вместе к директрисе явимся, чтоб тебя не наказали.

— Да меня, наверное, уже в беглые записали, не оправдаюсь.

— И что?

— Наутро уговорюсь с кем, чтоб до Змеевичей подбросили, там на поезд присяду, пацаны сказывали, там обходчики растяпы, не то что наши, пропустят.

Пока мы спорили, к шлагбауму с городской стороны промаршировал полицейский наряд. Служивый в будке проснулся и прокричал:

— По какой такой надобности?

Кричал он нам, поэтому я ответила подхалимски:

— Евангелина Романовна Попович я, приезжая, стало быть, у Захарии Митрофановны Губешкиной в Крыжовене проживаю, на улице Архиерейской. Пустите, дяденька, в город.

— Попович? — резко переспросил один из подошедших, судя по нашивкам, офицер, начальник наряда.

Ответить я не успела. Офицер скомандовал:

— Взять!

И двое здоровенных полицейских подхватили меня под руки. Не будь я столь измотанной и промерзшей, непременно оказала бы сопротивление — что за превышение полномочий, право слово, но тут сплеховала, да еще выронила саквояж. Офицер попытался поймать Мишку за шкирку, тот пригнулся в лучших традициях благородной яматойской борьбы, ушел от захвата, ловко подхватил ручку саквояжа, кувырнулся и прыгнул через шлагбаум с ловкостью акробата. Городовой дунул в свисток, но Мишка, петляя весенним зайцем, скрылся в переулке. Перфектно! Деньги похищены, я под арестом. Какой-то полный Крыжопень, Гелюшка, получается.

Григорий Ильич Волков был уездной звездой, и не восходящей, как можно было предположить, а самой что ни на есть зенитной. Коллежский ассессор жандармского ведомства был неприлично молод, в нынешнем листопаде ему исполнилось двадцать три года. В Змеевичах, где начал он свою полицейскую карьеру, к юному дарованию поначалу отнеслись скептически. Из молодых да ранний, выскочка, получивший чин незнамо за какие заслуги, видно, лапу мохнатую в столицах имеет. Начальник уездного приказа Антон Фомич Самоедов, армейский ветеран всех последних войн, мальчишку решил придержать, должность дал обтекаемую — регистратор, да усадил в архив древние бумажки разбирать.

Должность была по чину и по способностям, Григорий Ильич представил начальству документы об окончании заграничной сыскальской школы и результаты языкового экзамена от Новоградской коллегии сохранения исконности, что-де берендийским наречием владеет в совершенстве, хоть рос и воспитывался у инородцев. Говорил новичок чисто, писал без помарок, самописцем, единственным на весь уезд, владел — чего еще? Школа полицейская? Это у бритов полоумных сыскному да охранному делу учиться надо, у них и царь баба, что с убогих возьмешь, у нас же в Берендии любой мужик с понятиями службу исполнить горазд. А этот мальчишка и на мужика даже не похож, сопля соплей.

Так рассудил Антон Фомич, подписал указец да думать на время о коллежском асессоре забыл. А месяца через три легла на его начальственный стол папочка от регистратора Волкова. Даже раскрывать ее не хотелось, но пришлось, помощники настояли. И оказался в ней десяток раскрытых дел: убийство давнишнее, разбой с прошлого високоса, воровство в имении артиллерийского полковника. Да много всего было, глаза разбегались. Помощники пояснили Самоедову, что регистратор-де сперва архив разобрал, сортировку по датам и тяжести преступлений ввел и заказал у столяров отдельный шкафчик для дел незаконченных, подвисших, их висяками в приказе и называли. Но на том не успокоился.

— Сам, что ли, единолично сыск провел? — хлопнул начальник ладонью по столу. — Кто позволил?

Ему отвечали примирительно, что не самолично вовсе, что в приказе многие регистратору помощь оказывали, потому как по службе положено, да и не в тягость ведь в свободное от присутствия время допросец устроить, либо на складе, где улики пылятся, кое-что разыскать. По мелочи помогали, по дружбе. Ну шпииков еще одалживали, филеров то есть, транспорт иногда служебный. Начальника Антона Фомича тревожить эдакими мелочами не смели. Все ведь ладно сложилось, с какого боку ни глянь, и похвалят еще из столицы за рвение, всенепременно лично его превосходительство господина Самохвалова похвалят.

Антон Фомич дураком не был, иначе бы на своем месте не оказался. Регистратору Волкову вынесли благодарность и наградили денежной премией в тот же день, папочка отправилась по инстанциям, а сам губернский начальник все свои сыскные таланты к новому объекту приспособил, стал присматриваться к юному дарованию. И чем больше узнавал, тем более тревожился. Хитрый инородец внедрился в тело приказа, что твой чирей, оброс друзьями-приятелями, личной, пока еще неофициальной сыскной командой. Супруга Антона Фомича масла в огонь тревоги подливала, потчевала городскими сплетнями. Григорий Ильич с прочим начальством знакомство свел, особенно близкое с теми, у кого дочери на выданье. Завидный жених, дворянин при чине, молод, собою хорош. Поговаривали, барышни в его обществе млеют. Со старшими почтителен, говорит мало, но по делу. На дуэли дрался с заезжим корнетом Хрустальевым. Тут Антон

Фомич руки радостно потер: дуэли императорским указом строжайше запрещены, ужо полетят с плеч чиновничьи эполеты, но супруга его разочаровала. Корнет сперва стреляться хотел, но Волков его в тир отвел, положил все десять пуль точно в яблочко, преподнес сопернику глумливо приз — тряпичного Петрушку, и предложил решить мужской спор кулачным поединком.

— Это у бритов так заведено, у джентльменов тамошних, — пояснил жене Самохвалов. — Неужто слизень инородный берендийского воина на лопатки положил?

— Ах, Антошенька, — всхлипнула женщина и достала из-под скатерти листочек местной газеты.

Антон Фомич заметку посмотрел, на фото победителя полюбовался. По пояс обнаженный Волков позировал на фоне стайки нарядных барышень в шубках и капорах. Плохо дело. Эдак проснешься однажды, а в твоём кабинете уже сопля эта, публикой обласканная, заседает, твоим подчиненным приказы раздает, а ты слова поперек сказать не можешь, ибо при сопле уже и тесть сановный имеется.

Так рассудил осторожный Антон Фомич и дела в долгий ящик откладывать не стал, просмотрел запросы от уездных приказов и остановился на захолустном Крыжовене.

— Отправляйтесь, Григорий Ильич, на новое место службы, — велел по-отечески коллежскому асессору, — в грудене тамошний пристав руки на себя наложил, чиновника нового на место еще не назначили. Пока суд да дело, я в столицу доложу, что прекрасный кандидат уже делами занят, останется лишь официальное подтверждение получить.

Говорил это Самохвалов, а у самого поджилки тряслись. Доносили ему, что сопля эта британская только на вид холодна, что гневлив молодчик сверх меры и, что самое неприятное, неожиданно гневлив. А ну бросится сейчас с кулаками? Обошлось.

Волков начальственные напутствия выслушал, ухмыльнулся с пониманием, папочку свою на стол присунул. Извольте-де, Антон Фомич, прощальный презент лицезреть, банду вокзальных мешочников раскрыли, только и осталось арест произвести. И, поклонившись, удалился.

Самохвалов еще и филеров к нему приставил, чтоб до поезда провели, и облегченно вздохнул, когда Григорий Ильич Волков, коллежский ассессор жандармского ведомства, чиновник восьмого класса, покинул Змеевичи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в коей барышня Попович почти теряет репутацию, но сеет семена суфражизма в душах уездных женоненавистников, ни на минуту не прерывая при этом дознания

Карта Метла предупреждает о конфликте или ссоре, нарушении договоренности. Возможно нервное перенапряжение, душевное беспокойство. Карта говорит о неспособности конструктивно выразить свое недовольство. Карта Метла также может означать тяжёлый камень на душе.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Если бы за воспитание Гришеньки Волкова взялись не хладнокровные бриты, а, к примеру, швабы, назвали бы его вундеркиндом, очень уж Грегори с младенчества был одарен. Когда доставили его, безродного берендийского сироту, в туманную островную столицу, ему впору было пешком под стол ходить. Доставили люди непростые, а уж тот, кто за него хлопотал, так и вовсе сложносочиненный. Повезло Гриньке, что этот последний его в сиротском приюте заприметил да ресурс его разглядел. Покровитель, вот кто. Покровитель велел за границей учиться, всю заграничную премудрость на ус наматывать, чтоб после родимой отчизне пользу приносить. А для того сначала определили Григория в бритскую школу для мальчиков. С мальчиками было скучно даже после того, как юный мистер Волкав (они именно так его фамилию коверкали, через «а»)

освоил их язык. Мальчишки тосковали по дому и родителям, дрались, наушничали, с кем-то против кого-то дружили. Он тоже дрался. В стайке полуголодных зверят, даже будущих джентльменов, иначе никак. Ему, самому младшему из них, приходилось поначалу несладко. Дрался лихо, отчаянно, до крови и выбитых зубов и стоически сносил наказания строгих учителей. Классный наставник мистер Смит отмечал в личном деле Волкова его истинно берендийское безрассудство и звериную ярость. Последнее было скорее комплиментом. Островная империя в своих мужчинах и воинах это качество приветствовала.

Учеба давалась Гришке легко, он буквально глотал книги из школьной библиотеки, перескочил через класс, записался на дополнительные и вовсе не обязательные занятия шахматами, освоил игру на скрипке, а также приличные каждому джентльмену греблю, верховую езду и бокс, сдал экстерном программу за два года. Друзей у него не было, хотя дотошный мистер Смит исписал именами в его личном деле несколько страниц, сам Волков этих поименованных недорослей друзьями не считал. Драться он давно перестал, научился заключать временные необременительные союзы, отыскивать у прочих слабинку и болезненные точки, использовать их на пользу себе. Класс был уже выпускной, за соседними с тринадцатилетним Гришкой партами сидели не мальчишки, а совсем взрослые джентльмены, познавшие ежедневное бритье и радости попоек, их мучило похмелье, желудочное несварение и мысли о карточных долгах. В этом окружении Волков уяснил простую и общую для всех слабинку: каждому человеку требовалось одобрение, и чем сложнее его было получить, тем более желанным оно становилось. И тогда он почувствовал свою безупречность. Григорию Волкову мнение других было безразлично, он никого не любил, никого не уважал и был оттого нечеловечески, волшебным образом свободен. В тринадцать он был уже истинный брит — внешне холодный, чопорный, закрытый, скупой на выражение чувств. Его похвала ценилась старшими товарищами на вес золота. Выпускникам позволили обучаться стрельбе, вечерами Григорий пропадал в тире, его планы требовали достичь и в этом искусстве совершенства.

После экзаменов Волков подал документы в полицейскую школу при главном столичном управлении. Деньги и связи покровителя здесь

уже ничего не решали, пришлось пройти жесткий отбор, соперничая с сотнями желающих. Личная беседа, спарринг, стрельба, ориентирование на местности, знание диалектов, механика, оружейное дело, верховая езда, опять беседа. Против Гришки играла юность, просто отказать из-за этого ему не могли, нижний возрастной порог в уставных документах указан не был, но всячески старались выбить его из состязания. Скотленд-Ярд желал видеть в своих рядах храбрых парней. Малышам здесь не место. Хватит и того, что, подчиняясь указу ее величества о необходимости набора «матрон для защиты женщин и детей», к полицейской работе допустили слабый пол.

Григорий победил, не всегда честно, но ведь цель оправдывает средства. Его зачислили, а после окончания рекомендовали для поступления на юридический факультет университета. Разумеется, и эту новую задачу он выполнил безупречно. Выполнил и вернулся на службу в Скотленд-Ярд, кирпичик за кирпичиком укладывая в заграничную свою и нисколько не интересную карьеру.

В один прекрасный день (на самом деле слякотный и промозглый, но не суть) на имя мистера Грегори Волкав доставили желтоватый казенный конверт, густо оклеенный гербовыми марками. Там лежали документы о присвоении Григорию Ильичу Волкову чина коллежского асессора, копия приказа о назначении за подписью обер-полицеймейстера и записка от покровителя. Отчизна ждала своего сына, а покровитель предупреждал, чтоб Гриня дипломами на родине попусту не размахивал, зависти не множил, а также советовал разжиться где-нибудь бумаженцией для подтверждения знания им берендийского наречия.

Грегори попрощался со своею красавицей Мери, нынешней пассией, вытер слезы с бледных ее щечек, наврал, что будет писать, и сел на пароход. Задача ему предстояла нерядовая. Он умел все — распутывать преступления и заводить нужные знакомства, отдавать приказы и подчиняться, драться и музицировать, нравиться дамам и расставаться с ними, когда нужда отпадала, плести сети интриг, стараясь не запутаться в чужих. Только вот пока не умел делать этого в загадочной своей, почти совсем позабытой Берендии.

Новый опыт я всегда ценила безмерно, но оттого, что впервые оказалась в приказной клетке, очень расстроилась. Клеть занимала

половину присутственной залы, и в ней кроме меня заперли уйму народа: пьяного вусмерть купчика с расквашенным носом, нервного студента в очках, веселую девицу средних лет, она правда сейчас была грустной, седовласого господина с бакенбардами, тетку в тулупе и пестром платке. Нас было шестеро, нары одни, на них сидел купец, прочие сидельцы жались к прутьям клетки. Причину я поняла не сразу. Как только отпустил холод, нога зашла в нестерпимой боли.

Конвоиры разговоров не разговаривали, бросив меня под арест, позвенели ключами, да и ушли с богом. Я дохромала к нарам и присела на краешек.

— Девка? — удивился купец, по его подбородку текла кроваво-сопливая юшка.

— И чего? — удивилась я в ответ, от боли хотелось выть.

— Буйный он, барышня, — пискнула девица.

Буйный топнул и зарычал, она испуганно вжалась в угол.

— Дамы и господа, — сообщила я устало, — сидеть нам здесь с вами до утра, до присутственного времени, когда господам чиновникам придется допросами заняться. Давайте...

Лапища соседа хлопнула по доскам там, где я только что сидела. Купчина поднялся, шагнул, расставив по-медвежьи руки. Коронным своим броском через бедро я решила его не баловать, много чести, пнула под колено здоровой ногой, туша рухнула на пол и немедленно захрапела, девица радостно взвизгнула и захлопала в ладоши. Прочие сидельцы аплодисменты поддержали.

— Что-то мне нехорошо, — пожаловалась я публике, стянула с плеч шубу, постелила на нары и легла поверх, моментально провалившись в сон.

Сон был пречудесный. Шеф, то есть Семен, нес меня на руках, и пахло от него замечательно, правда непривычно, но на то он и сон. Я грела кончик носа, уткнувшись в его шею, и тихонько мурчала:

— Мне столько нужно тебе рассказать... Только ты хвали, у меня от того крылья за спиной вырастают. Скажи, молодец, Гелюшка...

— У вас лихорадка, — сказал шеф непривычным голосом.

— Сызнова на «вы»? — пробормотала я. — Сил уже никаких нет притворяться.

Тело мое невесомо парило меж мельтешащих спиралей, опустилось спиной на что-то, я свернулась калачиком, положив под

щеку сомкнутые ладони.

— Почивайте, Евангелина Романовна, отдохните.

Проснулась я от боя часов — два, четыре, восемь ударов, открыла глаза. Потолок давно следовало побелить. Нога болела, но терпимо. Я неслышно зевнула, повернула голову. Просторный кабинет: стол, обитый зеленым казенным сукном, окно с плюшевыми занавесками, вытертый ковер, два кресла для посетителей, в третьем, у стола, сидел по-хозяйски господин Волков, погруженный в чтение бумаг. За окном серел утренний сумрак, настольная лампа, напротив, уютно зеленела. Диванчик, на который меня давеча перенесли, стоял в закутке у окна, мне было видно строгий профиль Григория Ильича. Как же я его за коммивояжера приняла? Не похож ведь ни разу. А на кого похож? Длинный узкий нос с четкими ноздрями, густые брови с изломом от переносья, излишне пухлый рот, каштановые кудри. Ну, Геля, неужто не припомнила? Замени мысленно строгий галстук шелковым платком, и получится у тебя портрет аглицкого поэта Чарльза Гордона, властителя дум огромного числа берендийских барышень от мала до велика. Тот самый, с глянцевого открытки, надписанной витиеватой позолотой: «Он знал искусство покорять сердца надменной маской хладного лица».

Я тихонько хмыкнула, причины моей ошибки стала яснее ясного. Лорд Гордон не только по поэтической части известность у нас приобрел, он еще и в модах образец, в тех, которым коммивояжеры столь привержены.

— Не притворяйтесь, — велел холодно Волков, откладывая бумаги, — нужды в том нет, я заметил, что вы проснулись.

— Доброго утречка, — прикрыла я ладонью зевок и села, отбрасывая мохнатый верблюжий плед.

Подошвы стукнулись об пол, распухшая нога походила на колоду, голенище валенка буквально распирало. К лекарю надобно, само не пройдет. Вторая же нога была неприлично необутой, да еще с дыркой на большом пальце. Вот ведь позорище. И это даже без учета ночных моих сопений в интимные части шеи постороннего мужчины. «Хвали меня, крылья вырастают!» Дура! Я пошевелила пальцем.

— Приношу извинения, барышня Попович, за излишнюю ретивость моих подчиненных. Им было приказано для беседы вас доставить, а вовсе не под арест.

Переведя взгляд на чиновника, я приподняла брови. Он представился:

— Григорий Ильич Волков, коллежский ассессор первого жандармского управления, уездный пристав города Крыжовень.

Ассессор? За какие такие заслуги? Годков ему чуть за двадцать, юнец желторотый. Образование нужное имеется? Захотелось ответить, что я на класс выше и что пристав он только в своих мечтах, ибо приказом не назначен. Но я ребяческий порыв подавила.

— Что ж вы, ваше благородие, при эдаких регалиях невинных девиц колотите?

Он посмотрел на дырявый чулок, поморщился.

— С этим разберемся. А пока, Евангелина Романовна, извольте на несколько моих вопросов ответить. — Волков потянулся к чернильному прибору. — С какой целью вы посещали накануне казенную приказную квартиру?

— Кушать хочется, — нагло улыбнулась я, — и места уединения посетить. А на вопросы отвечать — нет, ни малейшего желания не ощущаю. Вы, господин пристав, меня покалечили, репутацию девичью порушили случайным арестом и воображаете, что это вам с рук сойдет?

— Во-первых, — вернул улыбку Григорий Ильич, — ваша, как вы изволили заметить, девичья репутация, барышня Попович, была разрушена невозстановимо еще до ареста. Извозчик Кузьма Блинов показал под запись, что водит-де его пассажирка дружбу с ворами, черным колдовством интересуется и что самолично Кузьма видел, как означенная девица веревку с висельного дерева снимала, чтоб после в запрещенных обрядах ее применить. Веревку, к слову, в кармане вашей шубы обнаружили.

— Законопослушный какой этот ваш Блинов, — восхитилась я. — Видел и сразу в приказ отправился докладывать! А во-вторых?

— Простите?

— Вы сказали, во-первых, значит, существует и продолжение.

— Во-вторых, Евангелина Романовна, девицы вашей древнейшей профессии репутации не имеют.

— Это оскорбительно!

— Соглашусь, барышня газетный репортер — оскорбление основ берендийской нравственности.

Испытанное облегчение я скрыла, собеседник вовсе не ту «древнейшую профессию» подразумевал, про которую я сперва подумала.

— Вы мизогинист? Женский пол ненавидите? Отказываете ему в равноправии?

— А вы, Евангелина Романовна, суфражистка? — хмыкнул Волков с сарказмом.

— Именно. И считаю, что женщины в современном мире вольны выбирать себе род занятий по своему желанию и возможностям. Женщина чиновник, врач, репортер, банковский клерк, сыскарь — все пути открыты.

Я одарила хихикающего собеседника грозным взглядом.

— Что вас так развеселило?

— Сыскарь? — покачал головой мизогинист. — Даже в прогрессивной Британской империи на полицейскую службу слабый пол привлекается лишь в виде исключения, «матронами» для работы с детьми и такими же дамами.

— А в империи Берендийской, — сообщила я гордо, — высочайшим императорским указом дозволено нам трудиться на благо отечества.

Спич мой длился минуты три, от воодушевления я не заметила, когда последние шпильки выскользнули из прически, и копна волос упала на плечи. Из карих глаз собеседника исчез скепсис, они зажглись определенным мужским интересом. Я запнулась и покраснела.

— В какой газете служите? — спросил Волков быстро.

— «Чижик-пыжик», — назвала я желтый столичный листок, не опасаясь разоблачения. — Магические практики обозреваю, участвую в составлении подробного путеводителя по загадочным местам.

— Вы чародейка? Хотя понятно, что нет.

— Отчего же вы так думаете? — обиделась я.

— Чародейка вряд ли запустила бы свою болезнь до столь чудовищного состояния. — Он кивнул на мою ногу-колоду. — К вашему счастью, Евангелина Романовна, я хоть тоже не чародей, но знаю, к кому с проблемой обратиться.

Рука Волкова скользнула под столешницу и, видимо, нажала какую-то кнопку, потому что дверь кабинета немедленно

приоткрылась, явив щекастое лицо давешнего коллежского регистратора и его обширную лысину.

— Магичку доставили? — спросил начальник.

— Так точно, в приемной дожидается.

— Зови. И будьте любезны, Давидов, чаю нам здесь организуйте.

Регистратор исчез, его бормотание за дверью сменилось сочным контральто:

— Ну наконец!

Дверь распахнулась настежь, высоченная дама шагнула через порог, чуть не коснувшись золотым тюрбаном притолоки.

— Знаю, все знаю! — Ее неожиданно светлые на смуглом лице глаза обежали комнату, примечая обстановку. — Скопление зловещих эманаций, сглаз, порча, венец безбрачия.

Волков привстал и поклонился.

— Мадам Фараония, благодарю, что откликнулись на просьбу. Будьте любезны присесть.

Она рухнула в кресло для посетителей, полы собольей шубы укрыли спинку, отчего с моего места казалось, что восседает перед чиновником горбунья.

— Не трудитесь представляться, юноша, в вас тайн для меня нет, ибо внутренним взором постигаю я такие глубины...

— Вы ведь в имперских чародейских списках значитесь? — перебил Григорий Ильич. — Правда не под творческим псевдонимом, а...

Он повесил многозначительную паузу, Фараония вздохнула и сказала уже без аффектации:

— Состою, только не афиширую, от сил тех толку немного, только помехи в коммерции. Дальше что?

— Не откажетесь проконсультировать нас именно в чародейской своей ипостаси?

Что-то такое в этом Волкове было, не чародейское, нет, что-то исконное, мужское, отчего немолодая уже Фараония девически покраснела.

— Вам не откажу.

Ящик стола скрипнул; Григорий Ильич опустил в него руку, пошарил, извлек обрезок веревки, спрятал, сизнова пошарил и

выложил на зеленое сукно ленту не определенного мною навскидку материала в лилово-зелено-бурых разводах.

Провидица посмотрела, ее жирно подведенные губы сложились в брезгливую гримасу.

— Навский артефакт подчинения, сейчас неактивный. Где нашли?

— С этой вот барышни снял.

Серебристые глаза мадам взглянули на меня мельком.

— И каким же образом, господин пристав? В дудку дудели? Арканы плели? Хотя погодите, — она вытянула складчатую черепашую шею, — вы его разорвали чем-то мощным.

Волков кивнул на стенной шкаф, к дверце которого была прислонена трость. Фараония проследила за его взглядом, кивнула.

— Достойная работа. Что ж, артефакт вы уничтожили, починке он не подлежит, а жаль, стоит он немало. Простите, чисто гипотетически, если предположить, что существует некий тайный рынок навских диковинок, цена достигла бы двух тысяч серебром.

— А действовал как? — спросила я, черный рынок меня не интересовал.

Собеседники повернулись ко мне с таким видом, будто стена заговорила. Пришлось уточнить:

— Когда в силе был.

Мадам сложила губы трубочкой и издала мелодичный долгий свист. Лента на столе ожила, свилась кольцом, стала похожа на безголовую, но весьма опасную притом змею, и опала, только свист прекратился.

— В комплекте дудочка должна идти для управления, — пояснила Фараония. — Не простая, навья, без нее артефакт с жертвы не снять. Жертва же волю теряет, дудочнику подчиняется, что он скажет, то и исполнит.

— А чтоб набросить? Это только дудочник может?

Мадам посмотрела на Волкова, тот кивнул, чтоб отвечала.

— Кто угодно, любопытная вы барышня. Набросить мог кто угодно, но вот слушаться вы стали бы именно владельца дудки.

Подумав немного, я решила:

— Носильщик меня змеей наградил, точно он. Инструмент же прятался у извозчика, подельники они, обоих брать надо.

— Как прикажете, госпожа суфражистка, — улыбнулся Григорий Ильич. — Bravo! Без вас ни за что бы не разобрались. Мадам Фараония, голубушка, после того как мы здесь с пострадавшей барышней закончим, не в службу а в дружбу, повторите все это под запись моему секретарю, он протокол составит.

Что значит закончим? Я даже поежилась от тревожного предвкушения. Чародейка же, разомлевшая от «голубушки», наконец посмотрела на меня с интересом.

— Евангелина Романовна, — ворковал Волков, — валеночек ваш мы сейчас снимем да посмотрим с драгоценной нашей помощницей, чем вам ножку покалечило, моей палицей или остаточным фоном поганой навской волшбы.

Тут в кабинет явился регистратор Давилов с подносом, и, пока он расставлял на столе стаканы в канительных подстаканниках, начальник его достал откуда-то нож и пошел на меня. Я взвизгнула и вжалась в диван, Давилов дрогнул, стаканы звякнули. Фараония басовито расхохоталась:

— Не бойся, рыжая, если ногу отнимать придется, я тебя в сон колдану, чтоб не мучилась. Кличут-то тебя как, Евангелина? Евой? Нет, погоди, сейчас.

— Гелей, — глумился вооруженный мизогин. — Молодец, говорят, Гелюшка, что спокойно осмотреть себя позволяешь.

От частичного цитирования моих ночных бредней бросило в жар. Волчара ты позорный, Григорий Ильич. Как можно?

Запах по помещению разносился престранный, будто жженым сахаром потянуло. Я заметила, как паучьими лапками шевелятся длинные пальцы Фараонии, чардейка плела арканы.

— Осади, — вдруг прикрикнула она, — как тебя, Грегор? Не трожь! Ты, жирный Евсей — да, ты! — вон ступай, у порога сторожи, чтоб не мешали. Да к чарке от сегодняшнего дня прикладываться не смей, печенка у тебя скоро наружу полезет, не бросишь пить, до травеня не доживешь, сиротами Пашку, Машку, Глашку и Наташку оставишь. Наташка, к слову, не от тебя.

Давилов хлопнул дверью и, судя по звуку снаружи, в аффекте к ней привалился. Волков стоял надо мною, послушно замерев.

Грегор? Не берендиец он, что ли?

Чародейка поднялась, оставив на стуле соболью шубу, шагнула к столу и не торопясь, один за другим выпила три стакана чайного кипятка.

— Такое дело, — проговорила задумчиво, выпуская из ушей струйки белого пара, — навья волшебство с чардейством может такие брожульки устроить, что никому мало не покажется. Поэтому действовать будем осторожно. Геля, снять валенок можешь?

Подергав и так и эдак, я со вздохом ответила:

— Никак не получается. Только я ведь там все осмотрела перед ночевкой и наутро, до того как валенки натянуть, ушиб был изрядный, синяк.

— Кровь?

— Не было крови.

— Или ты не заметила, и царапинки малой довольно. Бери-ка у нашего стража порядка нож да сама режь.

— Ногу?

— Голенище.

— А почему этого не могу сделать я? — вклинился Волков.

— По кочану! Руки лишними стали?

— И мне мои не лишние, — напомнила я, отобрав все-таки нож.

— Никому не лишние, — кивнула чародейка, — только нога тоже твоя, поэтому именно твой главный интерес.

Лезвие легко рассекло войлок, голень поперла из разреза, как тесто из квашни. Я дернула ногой, сбросила на пол покалеченную обувь.

— Чулок! — командовала Фараония. — Да не снимай! его, подвязками кавалеру не свети, по колену режь.

Я послушалась, только зажмурилась, когда, скрючившись, стягивала с ноги обрывок. Было страшно и стыдно, в равных примерно пропорциях. Стянула и замерла, откинувшись на диванчик. Повисшую в кабинете тишину нарушило глубокое контральто мадам. Умеет тетка ругаться, чего уж. Будь я не сыскарь, а, предположим, просто барышня, непременно бы чувств лишилась. Волков молчал. Может, лишился как раз он?

Я открыла один глаз. Чародейка как раз хлопала начальника по плечу.

— Ты понял, да? Понял, как эти... — тут опять стояла заковыристая конструкция, указывающая на крайнюю степень нехорошести «этих» — ...свои артефакты производят?

— Можно поподробнее? — Я осмотрела себя; нога-колода бугрилась лилово-зелено-бурым, нехорошо бугрилась, подвижно, будто под кожей копошились черви или гнездо змей. — В теле человеческого производят?

— Выращивают, — пропело контральто. — Ах, рыжая, не будь здесь твоего кавалера, я б уговорила тебя ногу свою мне подарить да приладила тебе новую взамен.

— Деревянную? Как у морского пирата?

— Да хоть золотую.

— Давайте так, тетенька: вы мне золотую ногу отдельно, можно даже без обертки, и даже в виде слитков, а эту вот чертобесию себе под кожу заберете до полного вылупления.

Торг безжалостно прервали в самом начале:

— Мадам Фараония, каков ваш вердикт?

Чародейка фыркнула.

— Дело понятное: ты по артефакту посошком своим саданул со всей дури, голову змее снес, только клочки по закоулочкам.

— И один из этих клочков решил самовозродиться в теле Евангелины Романовны? Но это немислимо!

— Было бы немислимо, — мадам кивнула на шкаф, — если бы твои арканы мудреные с навьим колдовством не перемешались.

— Так и думала, Григорий Ильич, — сказала я деловито, — что вы в моем положении виноваты.

— Если бы не я, Евангелина Романовна, вы бы сегодня уже в приказной мертвецкой почивали вечным сном. Вас ведь ограбить хотели и убить.

— Если бы да кабы! Предупредить не подумали? Вам следовало немедленно мне ситуацию объяснить, да не сходя с места произвести арест обоих преступников. Вы же предпочли представление устроить, драться со мной полезли, — разгорячившись, отчитывала я Волкова, будто подчиненного. — А что теперь? Где злодеи? Ищи ветра в поле!

— Будьте любезны, барышня Попович, свой командирский тон оставить, — холодно проговорил чиновник, — и впредь со мною его себе не позволять. Я именно что собирался произвести немедленный

арест, для которого требовалось это уединенное место покинуть. Если бы вы не набросились на меня злобной фурией, а покорно место свое в санях уступили, извозчик был бы схвачен сразу за поворотом.

Фараония, уяснившая из разговора причину спора, возразила:

— Рыжая за санями бы бросилась, на ней ведь змей был.

Волков тряхнул кудрями.

— Нет, драгоценная мадам, артефакт был бы мною уже снят! Я поймал его, как рыбку на крючок, и притравливал помаленьку и вытащил бы. Но барышня полезла в драку, пришлось торопиться, от спешки удар пришелся по щиколотке.

Чародейка посмотрела на меня уважительно.

— Стало быть, в драке рыжая победила?

Волков широко улыбнулся с видом мужчины-покровителя: мол, пусть слабая женщина воображает себе всякое, мы-то с вами прекрасно знаем, кто сильнее и лучше дерется.

— Я решил не суетиться, первый день в городе, обстановка не ясна, девица уже свободна. Отложил все на утро. — Он сызнава тряхнул головой. — Но вернемся к делам нынешним.

— Ногу отнимать не дам! — предупредила я. — То есть дам, но в самом патовом случае.

— Вы еще и шахматистка?

Ох каким взглядом я его наградила! Сталь в нем можно было плавить, а в ответном — закалять, так он был льдисто-холоден.

— Век бы на вас, молодежь, любовалась, — пропела чародейка умильно. — Экая эфиопская страсть, даже в фильмотеатре такую не покажут. Жаль, времени нет, клиентки меня дожидаются. Посему приступим. Гелька, не ори, ногу пилить не придется. Хотя ладно, ори, больно будет наверняка.

— Что значит наверняка? — осведомила я осторожно.

— Значит, скорее всего. Мы же про навьи свиристелки вообще мало что знаем. — Она сказала не «свиристелки», но не суть. — Терпи, ори, но с места сходить не смей. Пусть наш Грегори-воин посох свой волшебный на изготовку возьмет, и только свиристелка тело девичье покинет, молотит по этой чертобесии со всей мочи. А я выманить ее попробую.

Григорий Ильич шагнул к шкапу, подхватил тросточку, она крутнулась в его ладони восьмеркой.

— Готов.

— Терпи, рыжая, — сказала Фараония и высоко, протяжно засвистела.

Запах жженого сахара забил мне нос. Я подумала, что сильна тетка в чардействах... и думать перестала, закусила губы до крови. Пальцы рук и ног судорожно скрючило, затылок молотило о подголовник, спина изогнулась дугою. Не было места, не было времени, была лишь боль. Наверняка я кричала, но звуков тоже не осталось. Сквозь туманную пелену я видела, как Волков бьет своей тростью что-то на ковре, как Фараония подносит ему чайный стакан, пальцы ее свободной руки паучьи шевелятся, канительный подстаканник летит в сторону, а в прозрачный сосуд падает пук какой-то бурой шерсти. Чародейка проводит ладонью, стекло изгибается, плавится, скручивается навроде мешочной горловины.

Любопытный какой способ. Нет, что стекло против чардейства используют, я знала прекрасно, тут понятно все, свиристелка силушки из волковской трости натянула, ее запечатать требовалось, только вот я раньше не догадывалась, что над самым стеклом колдовать возможно. Коллегам дома расскажу — не поверят.

— Евангелина Романовна, — спросил Волков, держа на ладони нечто, напоминающее очертаниями неудавшийся вареник, — как вы себя чувствуете?

Я поняла, что слух вернулся, и честно ответила:

— Перфектно.

Фараония тяжело опустилась на стул прямо поверх своей шубы.

— Ваше высокоблагородие, господин Волков, Евангелина Романовна, примите мои глубочайшие извинения за все непотребства, что вам пришлось от меня нынче выслушать.

— Мадам, не стоит извинений. Ваша помощь нашему управлению столь бесценна... — Григорий Ильич отставил трость, приложился к ручке дамы.

— Моя чародейская сила, — пояснила та благожелательно кудрявой макушке чиновника, — дает забавные побочные эффекты.

— Благодарю, — сказала я с дивана и пошевелила ногой.

Была она теперь обычной, голой ниже колена, но нисколько не распухшей, без следов порезов и синяков. Я любовалась ею все время, пока Григорий Ильич ворковал с чародейкой, подавал шубу, провожал

к двери, даже подумывала снять другой чулок, чтоб сравнить обе конечности.

— Не двигайтесь, — велел Волков, поворачивая ключ в замке, да так властно, что я выпустила плед, коим обнаженку свою прикрыть пыталась. — Один раз, Евангелина Романовна, ошибку мы уже допустили, повторять ее не будем.

— Ошибку?

— Я должен убедиться, что ваше тело лишилось всех мельчайших частиц артефакта.

Мимоходом я отметила, что со мною наедине Григорий Иванович своих мужских эманаций не использует, даже ощутила по этому поводу некое бабье разочарование, мелкое и неуместное. Его же желание удостовериться, напротив, было разумным. Я бы и сама справилась, не останься мои очки в кармане шубы. Кстати, вещички надо бы вернуть.

Чиновник взял свою тросточку, провернул набалдашник, тот механически щелкнул и в потолок ударил луч яркого голубоватого света.

— Сейчас, барышня Попович, все тайное станет явным. — Луч опустился к столу, «вареник» окружала плотная арканная вязь.

— Удобная какая у вас палица. — Зависти скрыть не удалось. — И в пир, и в мир, и в добрые люди. Великий чародей создал?

— Да уж не мелкий. — Волков шагнул к диванчику, направил сноп света мне к ногам.

— Тутошний? — Ноги рунами не отозвались, я повертела ими в разные стороны. Чисто. — Или из ваших мест?

— Каких таких мест? — Луч скользнул вверх по бедрам.

— Мадам Фараония назвала вас Грегор, из чего я предположила, что вы, ваше высокоблагородие, иностранец.

— Экая вы, Евангелина Романовна, умница-разумница. На поясе у вас что припрятано? — Луч качнулся от живота к груди. — И здесь, под платьем.

Хихикнув по-дурацки, я предложила:

— Баш на баш! Вы мне ответите, а я покажу.

Прозвучало двусмысленно, я смутилась, когда это поняла. Ноздри Волкова раздувались, глаза горели, бело-синее пятно обводило мои

изобильные формы, будто лаская. Спокойно, Геля, соображай, как нелепость положения сгладить.

Медленно подняв руку, я потянула из-за ворота цепочку.

— Это что? — удивленно спросил Григорий Ильич. — Буква ять?

— Алфавит наш успели освоить? — продолжала я ломать комедию. — Bravo! Это, ваше высокоблагородие, амулет на грамотность, для репортера вещь крайне необходимая.

Уличить меня в обмане он не мог, столичные мои коллеги-чародеи постарались скрыть силу оберега от посторонних. Теперь надо было перевести разговор, потому что в пояском моем кармашке лежало письмо покойного пристава, которое я из казенной квартиры изъяла, и его демонстрировать я пока не хотела.

— Ваша очередь, Григорий Ильич. И свет свой можете погасить. Осмотр ведь мы, кажется, закончили? — Набалдашник провернулся, я села, поставила босые ноги на ковер, набросила на них плед, предложила: — Начинайте. Откуда вы к нам прибыли, месье Грегор?

Волков устроился в кресле для посетителей.

— Только не месье, а если угодно, мистер. И служил я в том числе констеблем при управлении криминальной полиции британской столицы. Еще есть вопросы?

О, их были несметные тысячи. У меня от любопытства даже кончик носа зачесался. Заграничных коллег я раньше не встречала. Только вот задавать эти вопросы не стоило. Зорин вечно корил меня болтливостью, в допросе ведь что главное — заинтересованность показать, чтоб собеседнику приятно стало, чтоб язык именно у него развязался. Поэтому я ахнула тихонечко и округлила глаза.

— Я берениец, — сообщил Волков торжественно, — исконный, урожденный. Поэтому при первой же возможности вернулся на родину.

Неплохие у него возможности, не постовым у рынка вернулся, а сразу в коллежские ассесоры.

В кабинет постучали, ручка дернулась.

— Засим, Евангелина Романовна, — чиновник пошел к двери, — вынужден наше интервью закончить.

— Аглицкие чародеи над вашей тростью колдовали? — быстро спросила я.

Волков кивнул, ключ провернулся, створка распахнулась, на пороге стоял регистратор Давилов с моей шубой и огромными валенками.

— Не смею вас более задерживать, барышня Попович. — Григорий Ильич пропустил ко мне подчиненного. — Отправляйтесь домой, Евсей Харитонович вас на приказном извозчике проводит, а завтра будьте любезны сызнова сюда явиться, опознаете своих обидчиков.

— Они уже арестованы? — Обувшись, я приняла от Давилова шубу.

— Разумеется. — Волков поклонился. — Всего доброго.

Он явно потерял ко мне всякий интерес, и можно было бы обидеться, но я вдруг с такой ясностью вспомнила, что со вчерашнего вечера не посещала мест уединения, а уже почти полдень, и торопливо попрощалась.

Лошадка в приказе была худая, возница неловкий, до Архиерейской мы добирались почти полчаса. Все это время Давилов пытался разузнать, за какой надобностью я квартиру Григория Ильича накануне посещала. Так как отвечать я не желала, а желаний произнести, как приличная девица, не могла, терпела, этот чиновный рогоносец решил:

— Влюбились, стало быть, барышня в наше начальство. Пронзила вас трость его высокоблагородия на манер стрелы купидоновой.

Ответила я стоном, чем его домыслы укрепила. У домика Губешкиной я молниеносно спрыгнула с саней.

— Благодарю, прощайте.

И за калиткой уже расслышала, как Давилов сказал вознице:

— Чувствами томиться побежала, по Григорию Ильичу, орлу нашему, страдать.

Бежала я, теряя валенки на заметной снегом тропинке, отнюдь не в дом, а вокруг, в конец черного двора к забору, к которому тулилась деревянная будка с вырезанным в двери сердечком.

Какая все-таки дикость, в наш просвещенный век в нашей богоспасаемой отчизне большинство домохозяйств остаются оборудованы такими вот уличными клозетами. Будь я не сыскарь, а, положим, политическая дама, все силы бы на исправление этих анахронизмов употребила. Сортир в каждый дом! Во имя гигиены и

для предупреждения обморожения нежных мест! Похоже на политический лозунг? Еще бы.

Довольно скоро меня попустило, я подумала, что лозунги подобные ни одна газета, даже присвоенный мною «Чижик-пыжик», напечатать не рискнет, и думать про политику перестала. У меня и без того было о чем поразмыслить. В кармашке лежала добыча, ее следовало осмотреть, еще требовалось привести себя в порядок и отправиться в город, извиниться перед Ливончиком, что давеча в гости не успела, и попытаться разыскать следы Мишки Ржавого с похищенными деньгами. Дел невпроворот. И поесть еще не мешает.

Служанка Губешкиной хозяйственностью не отличалась, к черной двери через двор по снегу вела узкая расчищенная дорожка. Я посмотрела вперед. Странно, с ночи снега не было, а следов человеческих не наблюдается. Спят они обе, что ли? Сугроб у дровяного сарая был разворошен, дверь приоткрыта.

Я дернула ее на себя, заглянула в темноту.

— Геля, — раздалось оттуда. — Геля!

Мишка бросился мне на шею.

— Отпустили тебя полканы?

— Думала, ты с деньгами сбежал, — призналась я. — Искать еще хотела.

— Не такой я человек, Михаил Степанов, — всхлипнул пацан, — не лиходея и не предатель бессовестный. Испужался я знатно, саквояж подхватил — и деру. После вспомнил, что ты про Архиерейскую улицу говорила, ну и залез в камору, чтоб переждать. Рассудил так, если репортерку рыжую не выпустят, деньги припрячу и сам в приказ пойду, скажу, вы мне Гелю, я вам сто тысяч ассигнациями.

— Сколько?

— Девяносто девять тысяч восьмьсот рублей, — уточнил Мишка. — Ночью приморозило знатно, я, чтоб не сморило до смерти, бумажки считал.

Я посмотрела на его синюшные губы.

— Пошли в дом, регистратор ты карманный, отогреемся.

Пацан юркнул в темноту, вернулся с саквояжем.

— Ключ у тебя есть? Потому что в доме пусто, гадалка с девкой своей как в четвертом часу уехали, так не возвращались.

— В четвертом? — Я поискала в волосах хоть одну шпильку, нашла и завозилась с замком.

— Когда сани подъехали, да в ставни тихонько постучали, хозяйка ругаться стала: «Четвертый час! Что так долго? Дунька-дура, поспедай, кулема!»

— А дальше? — Замок щелкнул, я открыла дверь. — Заходи.

— Дальше она не кричала, вполголоса беседовала, так что расслышать ничего не удалось. Только вышли они быстро. На пороге когда дверь запирали, старуха сказала: «Легкие деньги, значит, завсегда слезами отливаются. Ох, Дуняша, дорого те двести рубликов станут, расклада на смерть в храме не отмолить». — Он присвистнул, увидев чучело нетопыря. — Экая чудовища!

Зару, нашу провидицу, стало быть, клиенты щедрые призвали, а она помощницу прихватила. Перфектно. Не придется ничего объяснять.

— Давай сперва поедим, на кухню ступай.

Я пристроила под кроватью в гостевой горенке саквояж, надела на голые ноги плетеные носки и присоединилась к Мишке. В подоконном погребке нашли мы шмат буженины и горшок квашеных огурчиков, под полотенцем на столе — хлебушек, а чай мой поделник сообразил сам, ловко управляясь с самоваром. Огонь в печи был, дрова за ночь прогорели, я добавила парочку поленьев.

Неосторожно, однако, покидать дом не затушив огня. Спешила Захария Митрофановна либо быстро возвратиться ожидала.

Отогревшийся пацан стал меня расспрашивать о ночи, проведенной в застенке. Я не таилась, поведала историю о навьем артефакте и о том, как мадам Фараония из меня клок шерсти изгоняла. Он ахал, охал, попросил показать ногу, что я немедленно исполнила.

— Помыться мне надо, — решила я. — Как думаешь, в чем здесь воду греть принято?

— В баню для этого ходят, — сказал пацан, — чай, не Мокошьград. Хочешь, котелок вон тот на печь поставим? С полведра туда поместится.

Я захотела.

— И таз мне какой-нибудь понадобится.

Он ушел шерудить в кладовой, оттуда сообщил:

— Антип твой, промежду прочим, раньше на тракте разбоем промышлял, в Крыжовень прибился, когда железку до нас дотянули.

— Логично, — хмыкнула я, убирая со стола, — честной народ предпочел поездами доезжать, разбойники без работы остались.

— Крам он барыгам фартовым сдавал. — Мишка поставил передо мной деревянную кадучку с мыльным потеком на боку. — Ты ему, видно, легкой добычей представилась — девица, да еще без сопровождения. Подельник с ним работал, не помню, как звать, бородатый такой мужик. Ноздря! Точно Ноздря. Сказывали, каторжанин он бывший.

Я вспомнила бугристый нос носильщика.

— Это точно брехня, не клеймят в Берендии каторжан и ноздрей не рвут, лет пятьдесят уже точно, так что балаболы тебе сказывали.

— За что купил, за то продаю.

Мы подождали, пока вода в котелке согреться. Мишка сходил к колодцу, притащил два полных ведра, я в спальню заглянула, чтоб несессер с принадлежностями и чистую одежду прихватить.

— Что делать теперь будем, а, Геля?

— Ты будешь в другой комнате ждать, Михаил, пока я омовение совершать буду, а после отправишься со мною в приют, где расскажем мы директрисе о сверхубедительных причинах твоего отсутствия.

Он не хотел. То есть в гостиную ушел послушно, но против возвращения в приют возражал. Ему грозила порка и карцер. Я слушала страшные истории о подобных случаях, о замученных детях, о пытках и голоде.

— Давай, рыжая, сегодня попросаемся. Ты как знаешь, а я засветло через заставу уйду с крестьянским обозом.

— Погоди в бега пускаться. — Я вышла, поправляя пояс чистого платья. — Поживи со мной, пока я задание исполню, а там решим, что дальше делать.

— С тобой?!

— Ну должна же я тебя за сохранение денежного саквояжа отблагодарить.

— Тетка твоя меня прогонит.

— Уговорим Захарию Митрофановну, — уверила я. — Ночевать будешь на кушетке в моей же спальне, хлопот никаких не доставишь.

Он поломался немного для виду, но я понимала, как ему хочется пожить хоть немного в тепле и чистоте, не промышлять воровством, не бояться насилия. На том и порешили. Мишка оставался отсыпаться за бессонную ночь, возвратившейся Губешкиной должен был отдать мою записочку с объяснениями, я же уходила в город. Ударили по рукам. Вообразивший себя прислугой Михаил занялся приборкой на кухне, я развернула под лампой оттаявший блохинский лист. Был он в мокрых разводах, но чистым, без единой строчки текста. Чародейские очки тайных знаков мне также не открыли. Ничего страшного, просто придется опытного человека для консультации привлечь, а пока отложим. Я спрятала бумагу в сундук под белье, зашнуровала ботильончики, не забыв изучить их сквозь очки на предмет навших шерстинок, набросила на подсохшие волосы платок и пошла на дело, велев Мишке на улицу не соваться и незнакомым не отпирать. Он бы и не смог, к слову — замок я, открыв его шпилькой из своих гнумских запасов, заперла снаружи.

Полдень давно миновал, день катился к закату, и я, рассудив, что пара часов для Ливончика погоды не сделает, спросила у какой-то раскрашенной девицы, где «Храм наслаждений», и отправилась в указанном направлении. Бордель был, как все в Крыжовене, вычурно наряжен с фасада, с золоченой аршинной вывеской, под ней я простояла несколько минут, стараясь смеяться не громко. «Храм наслаждений!» Умора! В названии были перепутаны местами «ж» и «д».

В расчудесном расположении духа ступила я в чертоги платной любви, втянула ноздрями аромат порока (пот, скисшее шампанское, сигарный дым, туалетная вода «Мадемуазель Жужу», пять копеек за флакончик) и велела девице в передничке и наколке горничной:

— К мадам меня отведи, милая.

— Почивает она, — ответили мне без улыбки, — если на работу наниматься, так обожди. Только не здесь, на кухню ступай.

Бросив взгляд в гостиную, где нетрезвого мужика с бородой лопатой развлекали беседой две такие же «горничные», я улыбнулась еще шире.

— Отчего же на кухне, милая? Здесь обожду, а пока ожидать буду, ты мне книжечку свою санитарную поднеси, желтый билет, хочется взглянуть, когда тебя лекарь в последний раз осматривал. И вы,

барышни, — я повысила голос, — билетики давайте, а господин пусть представится, я его в список занесу.

— Какой еще список? — неожиданно фальцетом испугался бородач.

— Список посетителей богопротивных заведений для Общества жен и матерей Берендийской империи, — ответила я значительно. — Мы, жены и матери Отечества, крайне обеспокоены...

Мужик полез под стол.

— ...как душевным, так и телесным здоровьем наших сынов, а также отцов и супругов, братьев и...

Тут я поняла, что с пафосом перебарщиваю, но закончила на торжественной ноте:

— И дедов!

Представление цели достигло, меня немедленно потащили вверх по лесенке на второй этаж и постучали негромко в полированные золоченые двери.

— Кто там еще? — раздалось после повторного стука и долгой паузы. — Клавка, ты?

Отодвинув плечом «горничную», я вошла в полутемную душную спальню и закрыла за собой дверь, чтоб Клавка не мешалась.

Мадам было за тридцать, даже ближе к сорока, но к красивым сорока, холеным. Она только встала с постели, сквозь кружево пеньюара просматривались высокие груди, мускулистые плечи и плоский живот бабы ни разу не рожавшей.

— Что за одна? — зевнула мадам, рот не прикрывая. — За какой надобностью? Это ты там про желтый билет орала, не приснилось мне? Так девки мои все чистые, по закону каждые две недели на предмет болезней срамных осмотренные.

Представившись столичной газетчицей, я покаялась:

— Простите мне это маленькое представление, госпожа... любезная хозяйка.

— «Чижик-пыжик»? — переспросила она. — Знаю. Регулярно из Мокошь-града заказываю. Только вот никаких Поповичей там не написано.

— Я же барышня, разумеется, приходится творить под псевдонимом, — развязно подмигнув, я сделала мужской поклон. — Алан Легкоперый, к услугам вашим!

С означенным господином знакома я была шапочно и посредством чтения его тухловатых сплетен, выдаваемых за журналистику. Он мне не нравился, что так, что эдак. Мадам всплеснула руками.

— Легкоперый! Я ваша поклонница! Расскажите же, чем закончилось дело у князя К. с барышнею А., заметки на самом интересном месте прервались. Они поженились?

— Разумеется, — раскрыла я тайну, не углубляясь, впрочем, в подробности, что не друг с другом. — Любовь сломала все преграды.

— Как хорошо, — умилилась хозяйка. — Да вы присаживайтесь, госпожа... Евангелина Романовна. Что же, теперь про Крыжовень в вашем издании пропечатаете? Чудесно! Обязательно заметку вырежу, в рамку на стену повешу. А может, вы мне подпишете на память, чтоб совсем солидно получилось?

Заверив, что всенепременно, я приступила к допросу. Звали ее Марией Степановной Мишкиной, в миру — мадам Мими, была она мещанка, вдова и постоянная любовница какого-то немалого местного чиновника. Эту тему я не ковыряла, чтоб не спугнуть, записывала быстро в блокнотике, не забывая заинтересованно кивать.

Вдова. В семнадцать лет вдова. Что ей еще оставалось, если денег нет, родни нет, а жить дальше хочется? Вот и пришлось единственное, что было, в оборот пустить. Да, она с самых низов начинала, фонарщицей. Так называли тех девиц, что поджидают клиентов на улице. Под котом ходила, тот по обычаю сутенерскому ее поколачивал, приятелям в аренду сдавал, все деньги отнимал до грошика. А потом, как по волшебству, черная полоса закончилась. Сереженьку ей Бог послал.

Я записала: «Сергей». История бандерши меня особо не интересовала, ну конечно, страшно на самом деле, что одинокая женщина в современном мире не может себя иначе прокормить, страшно и гадко, и делать с этим что-то надо, просвещать, учить, рабочие места организовывать. Но сейчас я сильных чувств не испытывала, давала собеседнице выговориться, чтобы перейти к теме визита.

Бог послал ей Сереженьку, а кота, наоборот, прибрал, зарезали мучителя в пьяной драке, а того сутенера, что на нее права наследства заявил, нашли в Крыже, когда лед сошел, да таким от воды распухшим,

что только по фиксам золотым опознали. Сереженька денег дал, обустроиться помог и по сей час заботами не оставляет.

Решив, что Мими достаточно размякла, я быстро спросила:

— Покойный пристав к вам хаживал?

— Господин Блохин? — Она перекрестилась. — Заходил, не буду скрывать. А куда ему еще? «Храм наслаждений» — лучшее заведение в городе, девушки у нас чистые, молодые, я ведь абы кого к себе не беру, ежели косая или рябая, на улицу ступай.

Хвалилась Мишкина долго, потом, спохватившись, вернулась к теме разговора:

— Степан Фомич мужчина был с понятием, холостой опять же, в неделю раза два посещал.

— Любимицы у него среди ваших работниц были?

Меня заверили, что нет и что все мужчины в мире обожают разнообразие. Я спорить не стала, а попросила дозволения лично с некоторыми девицами побеседовать. Мишкина против расспросов подопечных не возражала, попросила только не делать этого на глазах у посетителей.

За окном совсем стемнело, хозяйка начинала нервничать, украдкой поглядывала в угол, где стояли напольные часы.

— Спасибо, дорогая Мария Степановна, — поднялась я, пряча блокнот. — Непременно вышлю вам свежий выпуск «Чижика-пыжика» со своею заметкой.

За дверью скучала «горничная» Клава. Хозяйка велела ей:

— Отведи барышню в хинский кабинет, да на все вопросы ей ответь. — И, повернувшись ко мне, попрощалась любезно.

Девушка провела меня по темному коридорчику, мы спустились по другой лестнице, там тоже были комнаты, и гостиная, гораздо меньше и уютнее парадной, сейчас пустовавшая.

— Прошу. — Клавдия отдернула занавесь и щелкнула кнопкой светильника.

Кабинет к чистописанию либо к каллиграфии отношения не имел никакого. В небольшой квадратной комнатке стояла круглая кровать без ножек, накрытая медвежьей шкурой, название же частично оправдывалось настенными картинками фривольного содержания, где предположительно хиняне с хинянками предавались страсти в разнообразных акробатических позициях.

Я села на шкуру, посмотрела на девицу, прикидывая, с чего начать.

— Лет тебе сколько?

— Пятнадцать, — ответила она просто и сняла с головы кружевную наколку, волосы упали на плечи темной волной. — Но вы, барышня, не сомневайтесь, знаю, как вам удовольствие доставить.

— Чего? — пролепетала я испуганно.

Мне не ответили, нарядец горничной расстегивался спереди и, как оказалось, с ошеломительной быстротой. Узрев перед собой абсолютно голую девицу, я собралась звать на помощь, к таким ситуациям жизнь меня не готовила. Но быстро передумала: невдалеке раздался воркующий голос Мишкиной и звук приближающихся шагов.

— Про тебя расспрашивала, Сереженька, а глаза хитрые, лисьи и сама рыжая.

Схватив девицу за плечи, я повалила ее на кровать.

— Тихо сиди, идиотка малолетняя, и хоть шкурой вон прикройся! — и подскочила к дверной портъере, плотно ее сдвигая.

— Что ж ты ей с девками говорить разрешила? — Мужской голос показался мне знакомым.

— Из осторожности, сокол мой ясный, пусть шпионка бесстыжая думает, что вокруг пальца всех обвела. Да и что эти козявки рассказать могут? Ходил пристав, а после перестал? Про куколку под кроватью ни одна не знает.

— Эх, Маня!

Раздался звук шлепка и жеманное хихиканье.

— Я ее, лисицу рыжую, в дальний кабинет спровадила, в хинский, где ширма с драконами, так что тебя она не увидит.

«Эх, Мария Степановна, падшая вы „свиристелка“, как же вы ошиблись», — подумала я и глянула в щелочку между занавесок. Лестница начиналась в трех шагах от меня, по ней как раз поднимался прекрасно видимый в профиль старый мой знакомый, Сергей Павлович Чиков, поверенный в делах господина Бобруйского.

Переждав, пока любовники удалятся, я повернулась к кровати.

— Одевайся, горе луковое. Тебе велели меня в совсем другой кабинет вести, а ты что удумала?

— Я же не знала, барышня! — Клавдия прикрывалась медвежьей шкурой до подбородка и чуть не плакала. — Подумала, вы из этих,

«особенных». Вы только мадам меня не выдайте, тот кабинет с ширмой совсем в другом крыле, я живо...

Она вскочила с кровати и стала натягивать платье, что заняло гораздо больше времени, чем процесс обратный.

— Она же меня прогонит, если прознает. А мне нельзя, никак нельзя.

— Здесь поговорим, — решила я, — нечего туда-сюда бегать, опять же выход другой неподалеку. Я права?

Девушка кивнула.

— Не на площадь, а на улицу Сливовую, очень для гостей удобно.

Я посмотрела на нее внимательно: личико гладкое, фарфоровое, ни тебе морщинки, ни оспинки какой. Неправильное лицо, неживое — чардеит девица над внешностью, меры не зная.

— Лет тебе, положим, не пятнадцать и даже...

— Двадцать пять, — прошептала Клавдия, — но, если мадам про это прознает, выгонит, а я на улицу не хочу.

— Не хочешь, не иди, — я достала блокнотик, — ответишь на все вопросы без утайки, мое молчание взамен получишь. Что за куколка, о которой хозяйка твоя говорила?

— Плетенка из соломы, мадам думала, из нас не замечал никто, что она каждый раз, как Степан к нам приходил, сама комнату готовила да эту куколку под кровать совала. А после, когда Фомин уже преставился, — девица перекрестилась, — в камине солому пожгла.

— Порчу на Блохина наводила?

— Этого не скажу, не знаю, да только ничего у нее не вышло.

— Отчего же? Пристав-то руки на себя наложил.

— Не из-за этого! — уверенно сказала Клава. — Степан ни разу на той кровати не спал и с девушками нашими не развлекался.

— Как так?

— А так! Придет, выберет кого угодно из свободных, да в эту именно спальню уединиться требует, это он ее так называл — «хинекский кабинет», я потому и перепутала, а после подчардеит немного с пологом да уйдет до утра. Девицы обслуживать его любили очень, потому что высыпались в одиночестве.

— Что же он делал по ночам, Степан ваш?

— Зазноба у него неподалеку проживала, — сказала Клава уверенно, — приличная барышня либо замужняя, вот к ней и ходил.

Потому как возвращался именно со свиданий жарких, по мужикам же сразу видно.

На это можно было только кивнуть, доверяя мнению профессионалки.

— Ладно, милая, — сказала я, пряча блокнот. — За беседу спасибо, ты мне помогла, я в ответ молчать буду, хозяйке твоей не проболтаюсь. Проводи меня к выходу на Сливовую улицу.

— Вам спасибо, барышня, — бормотала девушка, показывая дорогу. — Хозяйка у нас — чудовища лютая, со свету сживет, не поморщится, если что не по ее. Убивца. Всех, кто мешал, под нож пустила, присосалась к Сергею Палычу, что твой клещ, да и жирует. А он моложе ее даже и красавец. А она нарочно девочек тасует постоянно, чтоб ни одна из них долго в заведении не задерживалась, Сереженьке больше нее не глянулась.

— Ну тебе-то задержаться удалось.

Клавдия вполголоса хохотнула:

— Только потому, что не для гостей тут в основном службу, а для гостей особенных.

Хорошо, что этот подъезд не был освещен и провожатая не видела, как я чудовищно покраснела.

Ну и ладно, ну и подумаешь. И такое в жизни бывает.

Я неторопливо шла по пустынной Сливовой улице, на которой не горело ни единого фонаря, сортируя в голове полученные сведения. Снег таинственно мерцал в лунном свете. «Соломенные куклы. Скорее всего, порча ведьмовская либо чародейская. Она не сработала, потому что Блохина не было на месте. Чиков тоже в деле. А его жена? То есть предположительно жена, а пока однофамилица, директриса сиротского приюта Елена Николаевна». Задумавшись, я замедлила шаг, посторонилась, уступая дорогу поравнявшемуся со мной мужчине. «Бобруйский хотел избавиться от Блохина и Чиков сделал это руками своей любовницы. То есть намеревался».

Мы с прохожим молча разминулись, но, пройдя пару шагов, я бросила взгляд через плечо. Что-то было неправильно. Что?

Мужчина двигался размашистой уверенной походкой, но это был не мужчина — женщина, переодетая мужиком. Проследив, как ряженая приближается к неприметной дверце, из которой я выходила

недавно, я подумала, что именно о таких «специальных гостях» говорила Клавдия.

Ливончик меня ждал — или не ждал, а в привычке у него было сумерничать в своем «Храме». Колокольчик на двери звякнул, гнум поднял голову от конторки.

— Явилась, арестантка?

— И тебе, Соломон, не хворать, — поздоровалась я. — Земля слухами полнится?

— А то, сказывали люди на базаре, девка рыжая в клетке Каблука поломала. Я сразу на тебя подумал.

Каблука? Это пьянчужка бородатый так прозывается? Перфектно. Мне же Захария Митрофановна именно что поломанный каблук предсказала. Остается ополовиненный кубок еще получить, валетов с патрициями и смерть с котами. Хотя про котов уже было нынче, про сутенеров Мими покойных, зарезанного да утопшего. Нет, в предсказании Зары огонь еще присутствовал.

— Чаю выпьешь? — предложил Ливончик, потянув носом.

— С превеликим удовольствием, — положила я на конторку вкусно пахнущий сверток, — и с ватрушками.

К фотографу-то я отправилась не сразу, побродила еще, народ осторожно порасспрашивала. Ну как осторожно... Таиться особого смысла уже не было, наследила Гелюшка сверх всякой меры, потому репортерскую свою легенду по полной раскрутила. Блохина покойного знали все, ни разу фотографической карточки предъявлять не пришлось, и сапожник знал, и чистильщик обуви на углу, и девица под фонарем на противоположном, и мальчишка-газетчик, и булочник, и куафер, к которому я заглянула прическу освежить. Отзывались о нем уважительно, с именем-отчеством, креститься при этом не забывали. Хороший был человек, с понятием. Сходились на версии, что порчу-де на пристава навели смертную, обычное дело. Кто навел? Тоже не тайна. На весь Крыжовень колдуний раз-два и обчелся. Либо Фараония, либо Зара провидица. Зачем? Вы, барышня, как на другом каком свете живете. За плату немалую, уж будьте покойны.

Ботильоны мои теперь сверкали свежей натиркой и были подбиты против скользкости, голова благоухала фиалками, а в свежую местную газету мне завернули горячие еще ватрушки, которые я сейчас с шиком положила на конторку.

Чаевничали здесь же, в салоне. Соломон прикрыл витрину ставнями и достал из-за драпировки самовар хорошей гнумской работы, не дровяной, а подмагиченный. Заварку не экономил, со своими гнумы не крохоборничают, напиток в моей кружке оказался такой невероятной густоты, что походил скорее на смолу, но пах пречудесно и на вкус был хорош.

— Порча-шморча, — ворчал Ливончик, прихлебывая из своего стакана. — Народ у нас темный, не того еще тебе наговорит. Нет, Губешкина, хозяйка твоя, конечно, та еще поганка, смертными обрядами не брезгует. Да и Фараония...

— Что ж, не скрываются совсем? Соломон, за такие дела на каторгу в Берендии отправляют, за черное колдунство.

— Не знаю, Геля, как оно в Вольске твоём, или, положим, в столицах, а у нас законы посконные и уклад старинный. Начальство далеко, Бог еще подальше.

— Ай, дядя Моня, — махнула я рукой, — не начинай, закон для всех один быть должен. Точка. Законами наша империя держится.

— Большая она у нас, Берендия, за всею не уследишь.

Начинать политический диспут не хотелось, пустое, не ко времени.

— Хорошо, — подлила я себе чаю, — сами по себе живете, исконно да посконно. У кого палка, тот и нрав.

— А палка у того, кто деньгами ворочает, они здесь власть.

— Положим. И кто же из ваших толстосумов мог заказать обряд на смерть для пристава покойного? Кому он мешал?

— Не с той стороны кусаешь! — сказал гнум резко, я даже на ватрушку в своей руке уставилась удивленно, пока не поняла, что он о другом. — Блохин был чародей, на таких порча не липнет.

— Это, Соломон, от многих подробностей зависит, насколько силен был сам Степан Фомич, да кто против него колдовал и какие при том подручные амулеты использовал.

— Тебе видней, — вздохнул Ливончик.

Я откусила ватрушку, запила чаем.

— Но ты, дядюшка, тоже прав во многом, чародейские силы избранника своего от многого защитить могут.

— Эх, жаль, что ты сама не чародейка!

— Нисколько, — уверенно возразила я. — Преступления люди совершают, чародеи, ведьмы или колдуны черные, все равно суть человеки, и движут ими мотивы вполне понятные. Смертный обряд? Перфектно. Для начала следует выяснить, кто его совершал, от исполнителя ниточка потянется к заказчику, за нее дернуть — и готово дело.

— Арест произведешь?

— Всенепременно.

— Даже если пристав не от заговора помер?

— Угу... — Я вытерла рот салфеткой. — Заговоры на смерть в империи строжайше запрещены, вина на заказчике и исполнителях, на первом большая, но это уже суд разберется. Если причина смерти Блохина в другом, убийцу я тоже раскрою. Ты расскажи мне лучше, кому Степан Фомич дорожку мог заступить из ваших толстосумов?

Крыжовенем, как я и предполагала, владели купцы, даже один купец, старый мой знакомый Гаврила Степанович Бобруйский. В явных контрах они с приставом замечены не были, более того, Блохин был допущен в дом.

— Белокаменные хоромы на Гильдейской улице, сразу узнаешь. Поговаривают, купец отчаянно старается старшенькую свою, Марию Гавриловну, с рук сбывать, вот и привечает господ холостых.

— Сколько лет старшенькой?

— Да уж немало, и лицом чисто папенька, так что с женихами негусто. У Аннушки, младшенькой, от женихов отбоя нет, хорошенькая как картинка, приветливая такая щебетунья. Да я сейчас тебе на карточках всех покажу, я же каждый год, почитай, на Пасху и Рождество их запечатлеваю.

Гнум порылся на полке, достал пухлый альбом, а из него черно-белый глянцевого лист.

— Это последняя карточка пасхальная, Рождество Бобруйские на водах встречали, наверное, там фотографов наняли.

Нарядно одетые женщины числом три стояли перед холщовым задником с античными колоннами. Нинель Феофановна в центре, дочери по сторонам от нее. Бальное платье с кружевным воротом и длинным шлейфом шло купчихе чрезвычайно, шлейф она придерживала изящной рукой в белой перчатке, в фотографическую камеру смотрела с кокетливой улыбкой. Худошавая большеглазая

блондинка, холеная, моложавая. Младшая дочь, тоже светловолосая, но пухленькая, на плечах и щеках ямочки, изображала балетное па, отставив в сторону ножку в атласной туфельке. Мария же Гавриловна стояла ровно, как на плацу, опустив руки вдоль приземистого тела. Было ей около тридцати, и кроме общей корпулентности, от папеньки достался ей раздвоенный на кончике толстый нос и цепкие, узко посаженные глаза, сейчас угрюмо смотрящие прямо перед собою.

— Они, что ли, неродные? — спросила я Ливончика.

— Мария у Гаврилы Степановича от первого брака, — кивнул гнум.

— Значит, падчерица. А Бобруйский вдовец. Небось из столицы себе новую супругу привез?

Мне стало жалко некрасивую Машеньку, тяжело небось с эдакими нимфами проживать каждодневно. Батя красавиц своих любит да обихаживает, а тебе только замуж и осталось, чтоб идиллии семейной не мешать.

— Да нет, — удивился гнум, — нашенская Нинель Феофановна, из старинного купеческого рода Калачевых.

— Д. Ф. Калачев — купец первой гильдии, меценат ваш знаменитый? — припомнила читанное в поезде.

— Дормидонт Феоктистович, — кивнул Ливончик. — А Нинель, стало быть, внучка единственная, дитяtko с младенчества залюбленное. Феофан-то, сын, с женою вместе от черной хвори сгинул, Калачеву девочку оставил. Ну и знаешь, как бывает: дед только что пылинки с кровинушки не сдувал, любые капризы исполнял моментально.

— Так она богатая невеста была?

— Более чем. В городе все удивлялись, зачем она за Бобруйского замуж пошла. Он управляющим у Калачева служил, ни денег, ни положения, ко всему вдовец. После, когда Аннушка родилась, через несколько месяцев после свадьбы, удивляться перестали. Дормидонт Феоктистович только и успел на правнучку посмотреть, да и сам на тот свет отправился. Гаврила Степанович заместо него стал, да так резво за дело принялся, что всех конкурентов по миру со временем пустил, всю власть в Крыжовене под себя подмял. Теперь, куда ни посмотришь, все его, личное. Помощники его, Чиков с Хрущом,

ежемесячно поборы с торговых мест вымогают, а на чиновных местах все людишки верные, прикормленные либо родня.

Я посмотрела на карточку. Экая история занятная. Купчиха молода, собою хороша, легкомысленна. Нинель Бобруйская. «НБ» — стояло на рукоятной гравировке револьвера. Пристав готовил оружие в подарок замужней барыне? Они были любовниками? Муж ее об этом знал?

Под каким бы соусом мне в дом на Гильдейской улице пробраться? Репортерку они на порог не пустят. Эх, будь я холостым чиновником, например, Григорием Ильичом Волковым, жениться бы полезла да все потихоньку разведала.

— Приютская директриса тоже родня? — перестала я сокрушаться.

— Чикова супружница, говорю же, рука руку моет.

Попрощавшись с Соломоном, я побрела на Архиерейскую. Завтра, все завтра.

Мишка встретил меня на пороге.

— Тетки-то твоей нет до сих пор!

Посмотрев на мальчика, я громко рассмеялась.

— Что за маскарад?!

Михаил оправил складки моего домашнего платья.

— Вши у меня были, в тепле отогрелись, и ну скакать. Ну я от греха всю одежду в печи спалил, башку вымыл с дустом, чуть волосья не вылезли, а переодеться во что не нашел, нету в доме ни штанов на меня, ни еще чего мужского. Снять?

— Ну уж нет, — хихикнула я, — только голых мужиков мне в спальне недоставало или хочешь на манер античных мыслителей обернутым в простыню ходить? Носи пока мое, после купим тебе новую одежду.

Устала я изрядно, настолько, что думать связно не получалось.

В мое отсутствие Мишка успел прибраться в доме, смахнул пыль, выбил на снегу палас из гостиной, в комнате хорошо пахло свежестью, наварил щей, и теперь ими меня потчевал в выскобленной до блеска кухоньке.

— Экий ты хозяйственный, — похвалила я, — и готовишь перфектно.

Он зарделся.

— А Зара-то провидица как же?

Я пожалала плечами.

— Тревожиться пока рано, может, в гости к кому поехала. Сколько ее нет? Меньше суток? В управе заявления о пропаже не примут...

Запнувшись, я хлопнула себя по лбу. Мне же в приказ утром идти! Волков приглашал на опознание. Волков Григорий Ильич, холостой, собою пригожий и в дом Бобруйских допущенный. Предложу ему сделку: я тебе, Григорий Ильич, то-то и то-то, а ты мне семейство купеческое опроси по анкетному листочку, который я сей же миг составлю. Хорошо? Да. Только про «то-то и то-то» надо поразмыслить. Что именно взамен услуги предложить?

А Губешкина? Про нее тоже сообщу, вдруг прислушаются. Или нет? Хозяйка уехала к клиенту ночью, тайно, денег ей посулили сверх меры. Шутка ли, двести рублей. Ладно, обождет покамест.

Когда мы с Мишкой уже сопели в четыре дырочки в спальне, я в кровати, он на кушетке, застеленной найденным в хозяйском шифоньере бельем, пацан шепотом спросил:

— Геля, только не сердчай, ты кто?

— Что — кто? — сонно пробормотала я.

— Кто ты такая? Ведь не репортерша столичная? Я, когда одежду себе подбирал, револьвер нашел.

— Барышне без револьвера в дороге никак.

— И мундир чиновничий.

Хихикнув, я спросила:

— Петлички опознал, сыскарь доморощенный? Я, Михаил, надворная советница из чародейского приказа Мокошь-града.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в коей против Евангелины Романовны играет сила печатного слова, а сделку предлагает противная сторона

Карта Змея говорит о дурном предзнаменовании. Вам грозит опасность. За вашей спиной давно плетут интриги и готовятся нанести болезненный удар. Карта предвещает предательство со стороны хорошо знакомых людей, двуличие и обман. Она также означает порочную связь. С другой стороны, карта Змея может указывать на мудрость и прозрение.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Отправив восвояси столичную барышню, Григорий Ильич долго стоял у окошка. Проводил взглядом отбывающие приказные сани, оглядел открывающуюся взору рыночную площадь, привычно отмечая посты городских и периметры обходов. Приказ ему достался не худший, рутина налажена, подчиненные, если и не сметливы, то вышколены на аккуратный военный манер.

С приказными документами Волков ознакомился еще вчера, предшественник оставил их в идеальном порядке, дела же сегодняшние — пьяная драка с участием уличной девки, обвес на базаре и прочее, внимания его вовсе не требовали. Мелочовка. С таким уловом ему лучше до старости в Крыжовене сидеть. И поделом, будет за высокомерие расплата. Списал со счетов снулого идиота Самоедова, получай. Больше полугода на эти Змеевичи угробил, такие комбинации проворачивал, что любо-дорого, сеть осведомителей наладил, кого-то подкупил, кого-то запугал, знакомства нужные свел, и все прахом. И

даже не это обидно, а то, что индюк Самоедов его переиграл. Да, это самое обидное. Что столица уездная Змеевичи, что Крыжовень для Григоря Ильича суть одно: провинциальная дырища. Его сюда направили, только чтоб в личном деле строчка про службу в Берендийской империи появилась — нехорошо это, из-за границы да в Мокошь-град под крыло к покровителю, измазаться сперва надобно, под своего попестреть. К несчастью для себя, был Григорий Ильич амбициозен до крайней степени, желал не просто так в столицу перевестись, а с победою, с раскрытием громким. В Змеевичах у него все для победы подготовлено было, хитрая многоходовочка с внедренным агентом, оставалось только мышеловку захлопнуть. Все прахом.

Волков отошел от окна, присел к столу; стеклянный сверток с навьими волоконцами лежал на зеленом сукне еще одним укором. И тут оплошал, не смог целого артефакта захватить. А все Попович, идиотка рыжая... Вмешалась, не пожелала четверть часа в сугробе тихонько полежать. «Ах, вы меня покалечили!» Да ударь он ее по-настоящему, от щиколотки месиво кровавое осталось бы и кости крошевом. Навсегда бы охромела, и поделом, не нужно лезть, куда не просят. В Змеевичах вот тоже, кошка глазастая, помешала гнев спустить, постового кликнула. Может, она демон, посланный Грине в наказание за неведомо какие промахи?

Волков усмехнулся, демонов он знал не понаслышке. Евангелина Романовна ни на одного из них не походила, для суккуба слишком проста, для прочих, напротив, миловидна. К тому же демонами становятся обычно чародеи, а Попович магией не обладает вовсе.

Не обладает, однако удивления сложившейся ситуации не выказала, как и испуга, будто носить под кожей опасную потустороннюю субстанцию дело для нее привычное. Берендийские репортеры столь сведущи?

Григорий Ильич потрогал пальцем стекляшку.

Странно. Очень странно. И не только это. Вечер третьего дня. «Вы, сударь, в драку полезли!» Позвольте, со стороны дракой их встреча вовсе не выглядела, до удара по щиколотке уж точно.

Волков встал из-за стола, вышел в центр комнаты, подхватил тросточку, стал припоминать.

Он был тогда зол, крайне зол, рыжая девица, помешавшая ему в Змеевичах, сызнова путалась под ногами.

Григорий сделал выпад.

Попович ушла с линии удара, изогнувшись в противоположную сторону. Случайность? Предположим. Они спорили, кожаные ботильоны барышни не замирали ни на мгновение, он шагнул к ней, она перенесла вес на другую ногу, развернулась на каблуке, неглубоко присела. Как Гриня раньше этого не заметил? Подножка не была случайной, а служила финалом боевой связки. Какое коварство.

Он плюхнулся на диван и расхохотался. Отчизна не переставала удивлять.

В дверь постучал вернувшийся Давилов, Григорий Ильич позволил войти и выслушал доклад помощника.

— Выяснили, за какой надобностью Евангелина Романовна давеча в мою квартиру залезла?

Ответу не поверил. Влюблена, как же. То-то в бреду с милым другом любезничала. «Ты только хвали меня, Семушка, у меня от того крылья вырастают...» Какая пошлость! Семушка, поди, женат, вот им таиться и приходится. Но Давилова похвалил.

— Хорошо, Евсей Харитонович, допрос провели. Казенка моя за кем раньше числилась?

Регистратор зарделся, сообщил с преувеличенной четкостью:

— За приставом покойным, господином Блохиным.

Григорий Ильич ощутил под кожей головы ледяное покалывание, только что кусочек пазла со щелчком стал на отведенное место. Головоломки почтенного Джона Спилсбери пользовались в туманной столице огромной популярностью, констебль Волкав увлечения также не избежал, и мысленные свои упражнения стал представлять в виде складывания разрозненных деревянных фрагментов. Девица вломилась вовсе не к нему, после отправилась висельное дерево осматривать. Вот ее интерес. Степан Фомич Блохин, ныне покойный.

— Так это его вещи до сих пор в помещении находятся? — спросил Григорий Ильич фальшиво-добродушно.

— Так точно, ваше высокоблагородие. К вечеру ребята там все уберут и из отеля ваши пожитки доставят.

— В эту клоаку? — Давилов заметил наконец начальственный гнев, испуганно выпучил глаза, Волков же вскочил с дивана,

продолжая орать: — Служители закона казенное имущество в помойку превратили! Неряхи, болваны, свиньи! На четверть всем жалованье снимаю с сегодняшнего дня.

Регистратор заморгал, возможно, готовясь плакать. Григорий Ильич поморщился и сказал уже спокойно:

— Наймите в городе уборщиков, пусть хлам разгребут, столяров с малярами, каменщика стену поправить.

— Ваше высокоблагородие, — взмолился Давилов, — позвольте своими силами все решить, ребята многие с женами да сестрами проживают, бабы порядок наведут. Только по карману не бейте.

— Что?

— Не нужно жалованье срезать, пожалуйста. И без того едва концы с концами сводим. Мы же не знали, вашбродь, что вам настолько неприятно будет. Степан Фомич с той стороны порядка не требовал.

Волков посмотрел на подчиненного.

— Займитесь, Евсей Харитонович, времени вам дам до вечера, справитесь — угрозы не исполню.

Переход от кнута к прянику воспринят был регистратором с радостью.

— Как прикажете! — Он собрался уже бежать прочь, но был остановлен:

— Давилов, отчего в квартире покойного пристава обыска не было?

— Указаний не поступало, — ответил чиновник и юркнул за дверь.

Григорий Ильич обошел стол, раскрыл дверцы архивного шкафчика, достал личное дело Блохина.

Указаний? А от кого они должны были поступить? Старшим в приказе номинально оставался Евсей Харитонович, как по классу, так и по должности, он решать должен был. Но коллежский регистратор предпочел и кабинет покойного начальства, и квартирку одного попросту запереть. Странно, очень странно.

Со второго этажа донесся грохот, там приступили к уборке.

«Что ж, Степан Фомич, настало время познакомиться поближе. Ваша смерть нелепая вполне может для меня тем самым делом оказаться, первой ступенькой в берендийской карьере. А то, что не по

свежим следам идти придется, даже лучше: пыль улеглась, глаза не будет застит».

Волков положил папку на стол, придвинул поближе тросточку, достал из ящика обрезок веревки, осмотрел получившуюся композицию. Один предмет был в ней лишним — стеклянный сосуд с навскими волокнами. Артефакты, навьи ли, чародейские, Григорий Ильич ценил, впрочем, как и его покровитель. «Из змейки мог бы прекрасный презент получиться. Жаль. Хотя постойте...»

Улыбка Григория Ильича в этот момент была столь зловещей, что, увидь ее кто-нибудь посторонний, непременно бы испугался. Волков взял со стола стекляшку и опустил в карман, там стекло стукнулось о костяную дудочку, изъятую у арестованного на первом допросе.

«Будет, все будет, и презент приличный, и повод для перевода в Мокошь-град. Девицу немедленно в оборот взять надобно, репортерша она либо шпионка, держать поближе к себе придется».

Волков сел, повернул наверх трости, направил луч на разложенные перед ним предметы. Картон папки был тиснен чародейскими рунами, подтверждающими, что покойный пристав был магом. Григорий Ильич гадливо поморщился, чародеев он не жаловал. В туманной империи к службе в полиции их не допускали, хотя услугами пользовались.

«Девицу в оборот. Как? Да уж понятно. Придется любезничать, по обыкновению, куры строить. Посмотрим, насколько драгоценного Семушки за сотни верст от столицы ей хватит».

В мужской своей привлекательности Григорий Волков уверен был абсолютно. Женщины существа примитивные, страстям подверженные, глупым мечтаниям и глупой же гордыне. Ни одна еще от Грини не уходила. И Гелюшка не уйдет. Имя-то какое простецкое, как раз для рыжей идиотки. Он будет звать ее Ева, ну в те самые интимные моменты, о которых джентльмены никому рассказывать не должны, но хвастаются за сигарой в мужском клубе во всеуслышание.

Вообразив себе, как выглядит подобное заведение в уездном Крыжовене, мистер Волков презрительно рассмеялся.

Соблазнить девицу, к себе привязать — влюбленные берендийские бабы преданны до безумия, в этом Григорий Ильич успел уже убедиться на личном опыте, — блестяще исполнить работу, в чем бы она ни заключалась, и отправиться в столицу. А там...

Кстати, там милое общение можно продолжить, если Евангелина Романовна не врет и действительно в газетке служит.

Волков мысленно надел на рыжую кошечку бальное платье, приподнял волосы в высокую прическу, повертел из стороны в сторону. Хороша. Не стыдно будет с такой в свет выйти. Сколько ей лет, интересно? На вид не больше двадцати, но, наверное, только на вид. Столь юным созданиям путешествовать без сопровождения никак не возможно. Значит, двадцать пять? Не важно.

Григорий Ильич тряхнул головой, изгоняя из нее рыжеволосую Попович, направил луч трости на веревку. Так-так... Это уже любопытно. Типовой воздушный аркан, наложен уже на готовое изделие. Зачем? То есть зачем, понятно, чтоб наверх к петле самоубийцу поднять. Только пристав и без плетений рунных воспарить туда мог, разумеется, пока был жив.

Повернув наверх, Волков отложил трость, раскрыл личное дело, со вниманием его прочел. Казенные бездушные списки. Родился, крестился, на воинскую службу отправился, ординарцем при боевом чародее стал, награды, ранение, списание по ранению. Ни жены, ни детей. С фотокарточки в углу страницы смотрел бравый вояка с кудрявым пшеничным чубом и при усиках.

Григорий Ильич нажал кнопку, утопленную изнутри столешницы.

— Чего изволите, ваше высокоблагородие? — заглянул в кабинет младший чин, письмоводитель Старунов, оставшийся в приказе дежурить.

— Сходи, Иван, наверх, присмотри, как вещи покойного Степана Фомича разбирают, ежели что необычное заметишь, в сторону откладывай, после мне сюда принесешь.

— Будет исполнено.

— Кто в присутствии останется?

Парень смутился.

— Так вы только, вашество, прочие в казенку побежали.

Волков выдержал паузу.

— Тогда вот что, снаружи приказ запри, а постовому передай, чтоб посетители у крыльца обождали. Понял?

— Так точно!

— Исполняй.

— Так точно!

Старунов отдал честь и ускакал, грохоча сапогами по коридору. Григорий Ильич неторопливо привел в порядок письменный стол, личное дело вернул в шкафчик, веревку — в ящик, подхватил трость и вышел из кабинета.

Арестантская клеть в главном зале пустовала, задержанных уже успели допросить и рассортировать, кого отпустили с богом, кого перевели в подвал. Именно туда сейчас направлялся новый пристав.

Он спустился по каменным ступеням, отпер решетчатую дверь своим ключом, потолочный светильник среагировал на движение и немедленно зажегся. Камер было несколько, с дубовыми мощными дверями, окованными железом. Григорий Ильич отпер последнюю. За ней на узких нарах ждали своей участи арестованные Антип Рачков и подельник его по кличке Ноздря. Оба были изрядно избиты и смотрели на визитера, злобно скалясь. Волков без страха вошел, дубовая дверь за его спиной захлопнулась. Звуков она почти не пропускала, на совесть столяры с каменщиками устанавливали, ну разве что могло показаться, что там, в камере, кому-то на флейте либо на дудочке в голову пришло играть. Но это же полная нелепица, правда?

Через четверть часа Григорий Ильич вышел в коридор, под подошвой хрустнул какой-то осколок, и пристав дернул ногой, сбрасывая мусор. Лицо его было холодно-неподвижным, но на челе блестели капельки пота, а костяшки пальцев были слегка ободраны. Волков заметил это уже наверху, усмехнулся и слизнул кровавые капельки, став похожим на хищника.

Возвратившийся с задания Старунов застал начальство в его кабинете, погруженным в бумаги.

— Что там, Иван?

— Извольте, вашбродь, — письмоводитель положил на сукно револьвер, — а больше ничего необычного не нашли.

— Так-так... — Волков приподнял соболями брови. — Дамская игрушка?

— Среди кофейных зерен запрятана была. Необычно. Свое-то оружие Степан Фомич в сейфе хранил.

— А в день смерти?

— При нем находился, в кобуре на поясе.

— Кто осмотр тела проводил?

— Когда? — испугался Иван.

— После обнаружения. Да ты садись, в ногах правды нет.

Младший чин опустился в кресло для посетителей, сложил на коленях руки; чисто школьник, даже пальцы чернилами измазаны.

— Давай, Старунов, — кивнул пристав, — по порядку. Кто в тот день дежурил? Кто о трупе сообщил? Кто за ним поехал?

— Дежурил я, посетителей особо не было, я приказ отпер да возился с бумагами, жалобы в приходную книгу оформлял. Евсей Харитонович тоже... То есть пришел чуть погодя...

Трость Волкова, прислоненная к шкапу, мерцала уютным янтарным светом. Так себе чародейство, призванное доброжелательную атмосферу создавать, чувство безопасности, мелочь, одним словом. Но юному письмоводителю и того хватило. Старунов описал свой день в подробностях, как прибежал в приказ мужик в тулупе, сказывал, пристав у проклятой усадьбы повесился, как поехали туда Давилов с ним, Иваном, как рыдать начал еще в санях, увидев болтающееся на суку тело.

Тут младший чин начал размазывать по щекам свежие слезы.

— Дядька Евсей велел мужикам на дерево лезть, веревку резать. Мы покойника в рогожку завернули да в приказ отвезли.

— Дознание проводили?

— Какое еще дознание? Все и так понятно, Степан Фомич, — Старунов сглотнул, — от бесчестья руки на себя наложил. Он ведь не простой мужик был, из благородных, офицер, хоть чипа и невысокого. Давилов так и сказал нам: давайте-де, ребята, пристава нашего имя трепать не будем.

Волков подумал, что от бесчестья в Берендии пулю себе в лоб пускают, а не на сук лезут, тем более оружие при Блохине было, но озвучивать мыслей не стал, спросил с отеческой лаской:

— В чем же бесчестие, Ванечка?

Старунов поднял на него заплаканные глаза, зрачки были янтарного цвета, протяжно всхлипнул.

— Огромные деньжищи нашему приставу предложили, он не устоял, честью поступился. А исправить уже ничего не смог.

— Деньги нашли?

— Не искали даже, чтоб позор не множить. Записали в рапорт: руки на себя наложил от рассудка помутнения.

Волков пружинно поднялся, приоткрыл оконную створку, чтоб развеять кабинетную духоту, щелкнул по навершию трости.

— На револьвере гравировка «НБ». Как подругу Блохина звали?

— Подругу? — Оживившийся от свежего воздуха младший чин сально улыбнулся. — Да обычно — Зизи, Мими, Жужу, как там еще девиц беспутных прозывают. Ходок наш пристав был именно по этой части. Еженедельно в бордель наведывался.

Уточнив название заведения, Григорий Ильич подчиненного отпустил.

Над головою все еще грохотали, работа в квартире шла полным ходом. Надев пальто, Волков покинул приказ и отправился обедать.

Полученная информация сортировалась автоматически, не требуя сосредоточенного внимания.

«Осторожно, Грегори, эти лизоблюды уже одного пристава уморили, и за тебя могут приняться», — пошутил он про себя, улыбнувшись отражению в витрине ресторации. Дело оказалось не особо сложным, как говаривал один знакомый по туманной столице мистер, на одну трубку. Сражаясь с чудовищно пережаренным бифштексом, Григорий Ильич поглядывал на улицу, задерживая взгляд на покрасневшихся от мороза личиках местных барышень. А хороши берендийки, особенно молоденькие, после тридцати их обычно разносит во все стороны, ежели замуж пойдут, или, напротив, высушивает до костистости. Любопытно, с Попович что произойдет?

— Какие люди! — разнеслось по зале. — Приятного аппетита, Григорий Ильич.

Волков поклонился господину Чикову, сбрасывающему на руки официанта шубу. С Сергеем Павловичем он познакомился в поезде, когда Хрущ представлял молодого человека своему хозяину — всесильному Бобруйскому. Хрущ был тот еще проходимец, адвокатишка, на руку нечистый. Обслуживал всех, кто мог заплатить, и в родном Крыжовене, и в Змеевичах; были у Волкова с ним кое-какие дела, в полицейские отчеты не включенные. Чиков же мог произвести впечатление скорее приятное, если бы не блуждающий взгляд, выдающий пристрастие красавца-брюнета к курению опиума.

— Присаживайтесь со мной, Сергей Павлович, — предложил Волков любезно.

— А я ведь вас в приказе искал, — сообщил поверенный, устраиваясь напротив.

— Неужели?

Чиков бросил официанту:

— Как обычно! — И кивнул собеседнику с дружелюбной улыбкой: — Гаврила Степанович велел всенепременно вас к себе пригласить.

— Передайте господину Бобруйскому мое нижайшее почтение. Непременно визит нанесу, только с делами в приказе разберусь.

— Завтра.

— Простите?

Официант поставил перед Чиковым глубокую тарелку со щами, шкалик водки, рюмку, тарелочку с толстыми ломтями серого ноздреватого хлеба, налил из шкалика. Адвокат принял рюмку, опрокинул в рот, занюхал горбушкой. Волков мысленно поморщился.

— Хорошо! — отпустил Чиков официанта. — Мы, Григорий Ильич, люди простые, к бифштексам заграничным не приученные, нам бы щец под водочку да к милке под бочок. Желаете?

— К вашей милке под бочок? — подмигнул Волков.

Адвокат рассмеялся, выпил вторично.

— Так о чем бишь я? Да! Гаврила Степаныч у себя прием завтра устраивает, в честь возвращения на родину. Вот на него-то вы и званы. Делами отговариваться не советую, обидите Бобруйского, а он злопамятен, в Крыжовене вам более не служить.

Сергей Павлович с аппетитом откусивал, жир тек с нижней губы на подбородок. По всем признакам, недавно адвокат принял в себя любимого зелья, оттого был благостен, расслаблен, сверх меры разговорчив. Волков прожевал кусочек мяса, запил водой из хрустального бокала. Чиков продолжал с набитым ртом:

— Предшественник ваш, Блохин, умудрился хозяину дорожку перейти. И где он, Блохин?

— А его тоже в супруги Марии Гавриловне готовили? — улыбнулся Грегори, стремления купца он еще в поезде для себя уяснил. — Не сложилось?

— Дурак он был, Степка. Ему и денег дали и... — Чиков выпил еще, потряс пустым шкаликом, чтоб еще принесли. — Вот его Бог за дерзость и наказал. Или, наоборот, дьявол.

Холодные иголки, возникшие под черепом бывшего констебля, предупреждали об осторожности. Дали денег. Взял. Бесчестие.

— Андрон Ипатьевич делился со мною... — начал Волков.

— Это кто? — Чиков икнул. — Хрущ, что ли? Ну да, точно. Он вас, Григорий Ильич, хватким юношей нам отрекомендовал. Вы мне сразу понравились. Хозяин-то меня приставом заместо Блохина собирался посадить, да только интересу к этому делу... и-ик... у меня никакого. А тут вы. Молодой, холостой, при чине. Прямо гора с плеч, право слово. Давеча Маньке говорю...

— Марии Гавриловне?

— Что? Нет, — рассмеялся Чиков, — что вы, моя вовсе... не помню, но не Гавриловна точно. И Елене Николаевне, супруге, тоже...

Мысли адвоката путались, он достал из внутреннего кармана с золоченым тиснением конверт, помахал им в воздухе.

— Приглашение! Завтра прием. Вы не смотрите, что старшенькая у хозяина неказиста, все ей достанется. И раз уж разговор пошел откровенный, на супругу Гаврилы Степановича и на младшенькую... даже в сторону ту не дышите. Осерчает Бобруйский, головы не снесите. Простите... мне удалиться на минуточку...

Конверт спланировал на скатерть, Чиков быстрым шагом прошел через зал к занавешенной бархатом двери и скрылся за ней.

Отложив прибор, Григорий Ильич достал пригласительную открытку. «Восемь вечера, дом Бобруйских на улице Гильдейской, мужчины во фраках, дамы в бальных туалетах. Г. И. Волков со сп.»

«Си.» — это спутница? Это же великолепный повод барышню Попович в оборот взять. Какая женщина от бала откажется? «Ах, Грегори, мне абсолютно нечего надеть!» — мысленно пропищал он и ответил мысленно же басом: — «Во всех ты, душечка, нарядах хороша, но платье для вечера мы купим немедленно». Разумеется, диалог пока будет вестись на «вы» и не именно этими словами, но сведется к совместному посещению модистки. Бал и новое платье, оба предложения отказа не встретят.

— Экая цаца! — Не замеченный за мечтами господин Чиков вернулся к столу в самом бодром расположении духа и теперь кивал на окно. — Она ведь с нами в первом классе ехала.

Евангелина Романовна как раз остановилась напротив и, запрокинув голову, разглядывала какую-то вывеску, скрытую от

мужчин угловым козырьком. Платок соскользнул с головы барышни, ее волосы рыжели в сгущающихся ранних сумерках.

— Я ведь ее еще на вокзале в Мокошь-граде заметил, очень уж яркая девица. Хотел сразу в ресторане к ней подкатить, — продолжал адвокат, — да посмотрел, как эта гордячка кавалеров отшивает, и передумал.

Барышня Попович за стеклом беззвучно расхохоталась и решительно пошла к подъезду.

— Однако! — присвистнул Чиков.

— Что там? — Волков кивнул официанту, желая расплатиться.

— Там, Григорий Ильич, «Храм наслаждений». Бордель. А я еще познакомиться не решался. О-хо-хо... Прошу простить великодушно, я откланиваюсь. Нет, это немисливо. Вы, сударь, оставайтесь, кушайте, я велю халдею на мой счет записать. — Адвокат натягивал шубу, пританцовывая от возбуждения. — Сейчас Сереженька все разузнает, сейчас. Будет чем компанию завтра развлечь.

Он выбежал из ресторации, но направился не к борделю, а в противоположную сторону и скрылся за торговыми рядами. Григорий Ильич оплатил свой обед, тщательно вымыл руки в туалетной, оделся перед большим зеркалом.

«Учудили вы, Евангелина Романовна, изрядно. До беды себя довели. О чем думали? Собирались танцами своими ямагайскими против вооруженных охранников выступать? Или взорами жаркими опиумного курильщика на чистую воду вывести? Мечетесь все, вынюхиваете. Репортерка? Идиотка! Форменная рыжая идиотка».

Григорий Ильич вышел на площадь, прогулочным шагом обогнул торговые ряды. Чиков стоял на углу, возбужденно беседуя с какой-то дамой. Дама «за тридцать» и посему обхвата немислимого. Шуба ее кунья говорила о немалом достатке, модная заграничная шляпка подпрыгивала в такт словам, на широком переносе в том же ритме подпрыгивало пенсне. Волков спокойно осмотрелся, убедился, что у немногочисленных покупателей, продавцов и просто прохожих интереса не вызывает, и, повернув наверх трости особым образом, поднял ее над головой на манер зонта.

Грегори Волкав был профессионал, лучший из лучших, и инструментами обладал соответственными. Мощный многофункциональный артефакт подготовили лично для него лучшие

чародеи туманной империи, звались они Орден Мерлина и продавали свои услуги как государственным имперским службам, так и каждому, кто мог заплатить. И немалую, к слову, цену. Партия боевых тростей, заказанная департаментом полиции для вооружения констеблей, стоила управлению почти годового бюджета. Когда Волков похвастался обновкой покровителю — тот как раз находился в британской столице с визитом, он услышал в ответ:

— Экая занятная чепуховина! И что она может? Вместо фонаря светить? Руны определять чародейские? Нет, вещица полезная, не спорю, и машешь ты ею ловко. Что еще?

Григорий проворачивал навершие то так, то эдак. Он исторг из трости молнию, струю дурманного газа, заточенный шип, весь арсенал, упакованный местными чародеями в обычную форму мужского аксессуара.

— Че-пу-хо-ви-на, — по слогам сказал покровитель в носовой платочек, коим предусмотрительно прикрыл лицо от ядовитых испарений. — Может, против тутошних злодеев достаточная, но тебе, Гриня, вовсе не соответственная. Нам с тобой такие баталии вести придется, в том числе и против чародеев...

Он выбросил платочек, побарабанил пальцам по колену.

— Но сама мысль мне нравится: не рыться по карманам, чтоб нужный артефакт достать, а чтоб все под рукой было. Орден Мерлина, говоришь? Те еще сквалыги... Ты, мальчик, ступай, мне поразмыслить надо, завтра приходи, в это же время, только не сюда. Как же оно у вас называется? Балаган там еще...

— Пикадилли? — почтительно подсказал Волков.

— Точно! Найдешь контору погребальную, скажешь...

Далее следовали привычные в их общении указания. Назавтра, посетив погребальную контору, покровителя Григорий Ильич не встретил, зато получил от одноглазого хозяина заведения свою именную трость, личную, мощную, единственную в своем роде. Тут можно было бы еще уточнить, что ночь накануне получения презента молодой человек провел в выматывающем, болезненном чародейском сне, отвечая на сотни вопросов, возникающих из душной черноты, в которую он провалился.

Теперь же, на рыночной площади уездного Крыжовеня, коллежский асессор Волков поднял свой артефакт над головой на

манер ручки зонта и, не таясь, но стараясь не натолкнуться на прохожих, приблизился к господину Чикову с его необъятной собеседницей.

— Да что сизнова начинаешь, — ругался Сергей Павлович, — чуть что, ко мне бежишь за любой мелочовкой. Ты чиновная дама, а не шлындра фонарная, сама разберись или в приказ ступай, заяви о побеге.

— Ага, — шмыгнула женщина носом, — чтоб ко мне в приют с обыском заявились? Плавали, знаем.

— Так то раньше было, при Блохине, новый пристав совсем зеленый, ты тревогу о пацаненке изобрази, да и довольно.

— Сереженька-а, не хочу я в приказ, по-тихому хочу-у. Ты ведь мужи-ик, скажи фартовым, чтоб пособили.

— Чтоб я с этой безделицей к солидным людям совался?

— Так не в лоб! Что ж я, совсем без понятия? Вели сколопендре своей поспособствовать, она всех тутошних обслуживает. Скажи, для меня, скажи, будет ей, бесстыжей, жемчужный гарнитур, на который она в театре завистничала.

— Бабы, — вздохнул Чиков, — все мечты о побрякушках. И стоит твой, как там его, Мишка жемчугов драгоценных?

— Стоит, Сереженька. — Женщина сняла пенсне, промокнула платочком глаза, потом принялась тереть им стеклышки. — Только не пацан, а репутация приютской директрисы Елены Николаевны Чиковой, на ней только моя власть над зверятами этими держится. А знаешь что, я передумала, не получит Манька гарнитура, обойдется. Оба вы с нею за так постараетесь, потому пошатнется подо мною трон казенный, и сколопендра Мими на бобах останется. Кто ей еще будет девушек молоденьких в заведение поставлять?

Адвокат резко выбросил вперед кулак, прямо в лицо супруги. Волкову пришлось отступить, чтоб его не забрызгало кровью. Организму Сергея Павловича явно уже требовалась новая порция отравы, оттого он сейчас и ярился. Кажется, побои были Чиковой привычны, она запрокинула голову, расхохоталась, привлекая еще больше внимания окружающих.

— Правда глаза колет?! — Нацепила пенсне и, прижав к разбитому носу платок, горделиво пошла прочь.

Сергей Павлович бросил ей в спину ругательство. Привлеченная скандалом толпа стала потихоньку расходиться. Волков отступил за угол, пережидая, и последовал за Чиковым, как только тот тронулся с места. Переулок вывел их на улицу Сливовую, табличка висела на перекрестном столбе. Григорий Ильич догадывался, куда держит путь. Все бордели устроены более-менее одинаково, и сейчас его, скорее всего, вели к черному ходу «Храма наслаждений». Уж сколько Волков за службу свою этих «наслаждений» насмотрелся, и «обителеев», и «садов», и «морей», да любое слово возьми, добавь к нему «наслаждений», непременно с таким названием лупанарий отыщется. На пороге Сергея Павловича встретила темноволосая дама атлетического телосложения в пеньюаре на голое тело и, невзирая на мороз, долго с адвокатом лобызалась.

— Гостья у меня нынче незваная, — сказала она, наконец отстранившись, — да не из тех «особенных», про кого ты, проказник, подумал.

Жрица любви увлекла Чикова в дом, Григорий Ильич следовал в шаге позади и успел войти в дверь до того, как она захлопнулась от сквозняка.

Трость делала его не только невидимым, но и неслышным, очень удобно.

— Про тебя расспрашивала, Сереженька, а глаза хитрые, лисьи, и сама рыжая.

«Сколопендра» Мими рассказывала любовнику о Попович, а Волков уже видел острый носик означенной барышни в щелочке меж занавесей, и зеленущий глаз, и рыжий локон над ним. Поэтому за адвокатом следить он передумал, Евангелина Романовна вызывала интерес куда больший.

Григорий Ильич приблизился к занавесям и прослушал неплохо проведенный допрос, касаемый наведения на покойного пристава Блохина смертельной порчи посредством соломенной куколки. Репортерка расследовала самоубийство со своей стороны, с репортерской, и хватка ее могла лишь восхитить. Но вместо восторга ощутил Волков раздражение. Приличная барышня, коею представлялась Евангелина Романовна, не должна была столь свободно с проституткой себя вести.

После допроса Попович отправилась в город, посетила парикмахера, поболтала с газетчиком, воспользовалась услугами чистильщика обуви. Говорила со всеми приветливо, слушала внимательно, слегка склоняя голову к плечу. Действия ее невероятно походили на профессионально организованное полицейское дознание.

«Ах, Евангелина Романовна, какой талант в вас пропадает, на печатные сплетенки расходуется. Но вы не беспокойтесь, продолжайте, после мне все доложите, а я уж придумаю, к чему собранную вами информацию применить. Убийство Блохина, тьфу, мелочь на одну трубку! Мы с вами такую бездну в уездном Крыжовене приоткроем, что всем хватит, и мне для наград, и вашему „Чижику-пыжику“ на первую полосу».

Звериным своим чутьем Волков улавливал приближающуюся бурю. Нарядный городской фасад держался на гнилых подпорках, вот-вот он пошатнется, выпустив наружу какое-то страшное преступление.

За завтраком Мишка сообщил:

— Ежели тетка твоя и сегодня не возвратится, жрать нам нечего, щей в котелке на доньшке, от хлеба горбушка осталась. Давай-ка, барышня-чиновница, денег мне на хозяйство выдели, на базар за харчами пойду.

Осмотрев свое шерстяное платье, висящее сейчас на мальчишке, я хихикнула:

— Так прямо и пойдешь?

— Отчего же так? — жеманно протянул он, кривляясь. — Шубку Зарину надену, платочек нарядный повяжу, губки подмажу. Да не бойсь, Геля, не признает никто, обернись в момент.

Девчонка из юного карманника получилась отменная, нескладная рябая отроковица лет четырнадцати на вид, слегка блаженненькая, уж больно старательно мальчишка пучил глаза, но не без кокетливости.

— Ну, что скажешь? — покрутился он перед зеркалом.

— Перфектно, — похвалила я. — С ключом что делать будем? Я до ночи домой, скорее всего, не вернусь.

— Тоже мне печаль! — Мальчишка сунул руку под головной платок и достал из волос шпильку. — У тебя их в сундуке мешочек целый.

На том и порешили, мой путь лежал в приказ к Волкову, так что с Мишкой было почти по дороге. Деньги он завернул в тряпицу и по бабьи схоронил за пазухой, не забыл прихватить найденную в кладовке суму.

— Все-то ты, Ржавый, отыскать в чужом доме мастак.

Пацан хмыкнул.

— Долго еще при мне повадки воровские останутся.

На рыночной площади мы уж собирались прощаться, но приветливое:

— Прекрасное доброе утро, Евангелина Романовна, — заставило меня вздрогнуть.

Господин Волков приподнял шляпу в приветствии.

— Едва не разминулись.

Карие глаза пристава уставились на Мишку, тот девичьи покраснел и принялся ковырять носком валенка снег. Я вздохнула. Делать теперь что? Ряженого моего представлять?

— Доброе утро, ваше высокоблагородие, — произнесла осторожно.

— Позвольте отрекомендоваться, — Мишка сделал книксен, — горничная Евангелиночки Романовны... Михайлина.

Я похолодела. Что он несет? Но пацана несло дальше:

— Незамужней девице в присутственное место одной являться никак нельзя, тетушка ейная, хозяйка то есть, Захария Митрофановна в отъезде, вот Миху свою верную барышня и прихватили для соблюдения приличий.

— И когда же ты, отважная защитница, в Крыжовень прибыла и откуда? — спросил сыскарь, если его и фраппировала разговорчивость прислуги, виду он не подал.

— Так известно откуда, — подмигнул Ржавый, — из утробы матушкиной, годков уж... А правду Евангелиночка Романовна сказывала, что у барышень возраст спрашивать неприлично? Местная я, вашбродь, тутошня, только не городская, а деревенская, губешкинской Дуньки троюродная сестра со стороны батюшки, только не Мирона, который семь год тому помер, а...

— Достаточно! — прервал Волков разошедшегося мальчика.

Но каков молодец! Приемчик маскарадный на отлично исполнил, заморочил мистера Грегора, с мысли сбил, свою же оплошность

замазал.

Григорий Ильич отдышался и молвил приветливо:

— Ты, Миха, домой, пожалуй, ступай, нынче честь и приличия барышни Попович я самолично блюсти обещаю.

— Да уж знаем мы эдаких блюстителей, — фыркнул Мишка, — наблюдают, а после нас замуж брать никто не захочет.

Волков уверил, что с замужем все сложится у нас обеих непременно. Что-то меня в нем тревожило, я даже носом потянула, принюхиваясь. Манеры Григория Ильича со вчерашнего дня изменились, не разительно, но вполне ощутимо. Попахивало в морозном воздухе эдаким мужским амбре, расчетливым феромонным опылением. Ну это так, метафорически выражаясь. Если же рассматривать все в физической плоскости, дистанции приемлемой со мною Волков не держал, стоял в полушаге, развернувшись корпусом, даже беседуя с «горничной», склонялся ко мне. Демонстрация явного мужского интереса. Мамаев у нас в эдаких пантомимах мастак, он хвастался, что слабый пол на них неосознанно реагирует, телесно, что-де нам от пращурок наследие досталось, еще с диких времен.

Отодвинувшись, я сказала:

— Ну что ты, милая, упрямишься? Или господин пристав немедленно предложение руки и сердца должен мне сделать?

Мишка, войдя во вкус, не возражал, пришлось хмуриться угрожающе и шипеть.

— Ну и ладно, — вняв намеку, вздохнул парень. — По базару только пройду. Только вы, вашбродь, Евангелиночку Романовну домой в целости и сохранности возвратите.

И он ушел. Хорошо ушел шут балаганный, по девчачьи семеня.

— Вы завтракали? — спросил Григорий Ильич, предлагая мне локоть. — Признаюсь, сам я не успел и сейчас не отказался бы от чашечки кофе.

Решив, что опознание подождет, а наладить контакт перед сделкой будет не лишним, я взяла его под руку.

— Составлю вам компанию с превеликим удовольствием.

Прогулочным шагом отправились мы в ближайшую ресторацию, вызывая любопытство прохожих. На нас глазели, особенно почему-то на меня. Причина неожиданной популярности выяснилась, когда поравнялись мы с витриной «Фотографического храма искусств

Ливончика». За отогретым для лучшего обзора стеклом красовалась портретная карточка изрядных размеров. Уж чем гнум ее раскрашивал, я даже не догадывалась, но волосы рыжели, глаза зеленели, а ланиты с устами розовели самым призывным образом. Это была я.

«Вот ведь гешефтмахер уездный, с меня денег взял, как положено, теперь еще процент с куаферов требует», — подумала я беззлобно, способствовать личиной чужой коммерции было мне не впервой.

Григорий Ильич замедлил шаг, сравнил портрете оригиналом, вздохнул притворно.

— Разобьете вы, Евангелина Романовна, горячие сердца крыжовеньских кавалеров, эдак мне скоро придется с их ордою за ваше внимание сражаться.

— У меня, Григорий Ильич, жених в Мокошь-граде имеется, — попыталась я задавить флирт в зародыше.

— Наслышан уже из ваших же уст. — Карие глаза смотрели на мои губы.

Меня бросило в жар. Наболтала в бреду всякого, целоваться еще лезла. Хорошо хоть по имени Крестовского не называла.

— Расскажите за завтраком?

— Что? — стряхнула я слабость.

— О вашем избраннике. — Волков открыл дверь ресторации, пропуская меня вперед.

Подскочивший халдей помог нам разоблачиться, пригласил к столику на двоих в занавешенном бархатом алькове в глубине залы. Скатерть была крахмальной, снежной белизны и ледяной твердости. Я попросила себе кофе и любое пирожное без крема, Григорий Ильич — овса. Заржать по-лошадиному нам с официантом помешали лишь приличия. Мистер заграничный привереда пустился в пространные объяснения о полезности овсяных трапез, я находчиво предложила добыть полезного зерна на конюшне. Волков отказался, сошлись на грече, к ней полагались ломти буженины, но не простые, а зажаренные до хрустящей корки, и глазунья из двух яиц, с жидкими непременно желтками. Официант записал все в специальную книжечку, обещал назавтра подать господину приставу овса и предложил взять свежую бутоньерку из только что доставленных от цветочниц «Храма Флоры».

Сызнова храм? Вот умора.

От бутоньерки Григорий Ильич отказался, ссылаясь на то, что цвет бутонов принято подбирать под оттенок глаз дамы сердца, а его дама, как все могут убедиться, зеленоглазая.

Это халдей тоже записал.

Пока ждали кофе, я беседовала о погоде. Морозы стояли нынче. Нынче. Морозы. Березень уже. А морозы. Руки мои лежали на столе, мизинец левой почти касался пальца собеседника, который, эдакий бука, задачи облегчить не желал и разговора про погоду не поддерживал.

— Почему вы не носите кольца? Неужели жених вам его не преподнес?

Могла я похвастаться, что Семен Аристархович слишком ценит мое мастерство в револьверной стрельбе, которой драгоценности на пальцах помешать могут, а подарил он мне самолично зачарованные очки, но не стала, пожалала молча плечами и спрятала руки под стол.

— А против вашей службы он не возражает?

— Если бы, Григорий Ильич, знала я, что вместо завтрака допросу о своей личной жизни подвергнусь, пожалуй, предпочла бы в присутствии вас обождать.

Официант принес кофейник с фарфоровыми чашечками, сахарницу, молочник, блюдце с заварным пирожным (просила же без крема!), и, пока накрывал на стол, мы с Волковым молчали.

«Вот чего ты, Геля, кочевряжишься? Тебе этот мужик для дела нужен, чтоб убийцу Блохина вычислить, а ведешь себя, как барышня на первом свидании. Обиделась, надулась как мышь на крупу. Ну спросил и спросил, наврала бы что-то, и вся недолга. Может, в их Британиях именно так прилично с женщинами разговаривать».

Грудь еще кололо беспричинно. Ну то есть, что именно в кожу впивается, я знала. Оберег наш приказной. Вообще, вещица полезная и для призывов чародейских и, например, для защиты от колдовства. Помнится, на задержании одном в меня огненным шаром запулили, так отвел, только такую отметину на груди оставил, что шрам сводить пришлось. Крестовский Ивану пользоваться меня тогда не позволил (Мамаев решил, что от собственнической ревности), сам чардеил.

«А вот про Семена думать бросай, сыскарь Попович, к делу мыслями возвращайся. Тебе пропуск в жилище Бобруйского надобен.

Пришло время карты на стол выложить. Григорий Ильич страж порядка, коллега твой. Признайся, за каким делом в Крыжовень явилась да содействия испроси. Поможет? Должен. Да ничего он тебе, Геля, не должен. Вы с ним по разным департаментам служите, он вполне может вообразить, что ты палки ему в колеса во внутрприказной борьбе ставить примешься. Сплошь и рядом такое происходит. А еще вот о чем подумай. Городишко-то непростой, сверху донизу продажностью повязанный. Вдруг и Волков-красавец в каком-нибудь узелке застрял? Посему открываться погоди, репортерскую легенду до конца отработай».

Решить-то я решила, но вот как беседу возобновить да в другое русло ее направить, не представляла. Помог собеседник.

— Прошу прощения, Евангелина Романовна, — сказал примирительно Волков, наливая мне кофе, — за неуместную интимность расспросов.

— Пустое, — обрадовалась я и пригубила гадкого напитка.

— В свое оправдание могу сообщить, что девушек, подобных вам, раньше мне не встречалось...

«Сливков туда побольше и сахару. И разболтать. А с чего это мистер „почти Чарльз Гордон“ паузу такую многозначительную подвесил? Реакции ждет? Ну так за мной не станет».

— Ах, Григорий Ильич... — изобразила я смущение и тоже смолкла.

— Евангелина Романовна...

— Григорий Ильич...

Оберег вибрировал, наверное, уже в грудной клетке. Что за чертобесие?

— Вы ведь на меня более не сердитесь?

— За что?

Он отвлекся, тросточка, прислоненная к вешалке, неожиданно упала и покатила по полу, теряя набалдашник. Бритских ругательств мне раньше слышать не приходилось, я сочла момент подходящим, чтобы посетить дамскую комнату.

В коридорчике мне повстречался официант с подносом, пожаловался:

— Первый раз пристава принимаем, а я еще давеча глумился над Яшкой из соседней ресторации, когда тот про овес говорил.

Сочувствие я выразила хмыканьем. Уединившись перед умывальником, достала из-за ворота оберег. Он молчал.

«Ребята в Мокошь-граде чародеили, а буква эхо прихватила? Возможно. Ладно, Геля, соберись. Реверансы у тебя с Волковым закончились, он откушает сейчас, подбреет, самое время сделку предлагать».

Переждав приличное время, я вернулась к столу. Григорий Ильич завтракал без особого аппетита, трость стояла у вешалки, а на блюде у моей чашки лежал уже вовсе не эклер, а слойка, присыпанная сахарной пудрой.

— Я попросил ваше пирожное заменить, — сказал Волков, — вы ведь без крема хотели.

— Спасибо, — умилилась я и стала набалтывать себе новую порцию удобоваримого кофе.

«Сделка. Спрошу, какое дело он сейчас распутывает и дамскую помощь предложу: расспросить кого своего же полу, подсмотреть в местах, куда мужикам ход заказан».

— Я ведь об услуге просить вас хочу, Евангелина Романовна.

— Вся внимание, — протянула я как могла равнодушнее.

Волков усмехнулся.

— Узнаю повадки торговые, барышня Попович желает сначала узнать, что ей за помощь посулят. Что ж, драгоценная Евангелина Романовна, не буду скрывать восхищения, которое вызывает во мне вата преданность газетному делу. Посему предлагаю вам любую полезную репортеру информацию.

— Неужели? — Кофе все равно был бурда бурдой, но я сделала глоток из чашечки, посмотрела на сливочные разводы. — То есть подразумевается равноправное сотрудничество?

— Партнерство, обычное для людей наших с вами профессий.

— Информационный обмен? — В голове я уже составляла идеальный опросник для семейства Бобруйских поименно.

— Вы ведь смерть Степана Фомича Блохина расследуете?

— Не отвечайте вопросом на вопрос, — попросила я дружелюбно. — Выгоду свою от сделки я уже уяснила, теперь самое время услышать, чего хотите вы, Григорий Ильич.

Волков перевел взгляд на свою трость.

— Мои затруднения покажутся вам нелепыми.

— И все же вам, так или иначе, придется их открыть. Обещаю не насмехаться.

Карие глаза вернулись ко мне, обласкали щеки недоверчивым восхищением, присовокупили восторг, дождались, пока я залилась краской, и по-кошачьи сощурились.

— Женить меня хотят, Евангелина Романовна, всенепременно, а мне того вовсе не хочется. Помните, в ресторане поезда купец Бобруйский возвращение в Крыжовень праздновал?

— С которым вы еще знакомиться ходили?

— Именно. Он, вообразите, хозяином мира себя возомнил, или купидоном. Дочь любимая у Бобруйского имеется, Машенька, ее-то в невесты мне и прочат.

— Но ведь насильно под венец не потащат? — Не смогла не подтрунить, бестолковка! — Вы же пристав, вам револьвер, наверное, по должности положен, отстреляетесь.

— Я, барышня Попович, — не обиделся Волков, — опасуюсь вовсе не насилия над собою, как было уже отмечено, невозможного, а препятствования от означенного купца в своей карьере. Я человек в Крыжовене новый, ничем себя не проявивший, а он, напротив, что-то вроде местного царька.

— Так вы хотите, чтоб я эту... — притворившись, что забыла имя, я запнулась. — Эту Машеньку от надежд отговорила?

Душа сыскарская пела: «Какая невероятная удача, Геля! Ты господину не совсем приставу по женской части нужна! Тебе это исполнить проще простого! Но радость-то пригаси, цену набей. После соглашайся и немедленно свои просьбы навстречу выдвигай».

— Нет.

— Простите? — Улыбка получилась жалкой, навроде оскала.

— Интриги подобного толка следует давить в зародыше. Вы уговорите, батюшка переуговорит. Поступим иначе, представим крыжовеньскому высшему свету невесту господина Волкова, то есть вас.

Раздумья тяжкие я изображала. Нечего там было думать, я была уже согласна. Григорий Ильич продолжал:

— Плохо, что нас с вами вместе в поезде видеть могли и друг с другом незнакомых...

— Мы поссорились, — предложила я деловито, — еще до того, как вы в Змеевичах появились. Давно вы там?

— Полгода. Так вы согласны?

— Ради великого дела газетного, — махнула я рукой. — Вы же меня без добычи тоже не оставите. Так вот, мы расстались по вашей вине, вы, простите, бабник, и от моей жгучей ревности. Плохо расстались, с обидами. Оттого в поезде делали вид, что незнакомы.

— Вы, случайно, истории для фильмотеатров не пишете?

— Не перебивайте, я думаю, как в эту канву арест поместить. По злобе на меня подчиненных натравили, а после чувств не сдержали, когда растерзанную в клетке увидели, так?

— Вы храпели, а прочие арестанты боялись пошевелиться, чтоб сон ваш не потревожить, — хохотнул Волков. — Но получается складно. Мужчина я холерического темперамента, перепадам настроения подвержен.

«Настолько подвержен? До использования для травли девиц служебного положения?»

Пожалев мысленно будущую настоящую невесту самодура, я спросила:

— Так когда мой бенефис?

— После решим. Теперь давайте ваши дела обсудим.

Упрямитесь я не стала.

— Ваш предшественник не своей смертью помер, хочу об этом статью написать.

— От меня что потребуется?

— Содействие. Во-первых, — я загнула палец, — служивых ваших позвольте опросить, во-вторых, в кабинет пустите, вдруг там от Блохина улики остались, в-третьих... Ну что вы, право слово, Григорий Ильич, удивляетесь? Репортерам тоже слово «улики» знакомо. В третьих, мне нужно, чтоб вы побеседовали с семейством купца Бобруйского.

— А это зачем?

— На пристава наводили порчу, дело это мало того что подсудное, так и крайне дорогое, не всякому по карману.

— Невероятное стечение обстоятельств, — обрадовался Волков и положил на стол конверт в золоченых завитушках. — Интересующий

вас купец Бобруйский нынче вечером прием в честь возвращения устраивает, и я на него зван.

— Возьмите меня, — молитвенно сложила я руки у груди, — там наверняка все богатеи местные будут, заодно и невесту новообетенную обществу предъявите.

Григорий Ильич посмотрел с сомнением.

— Успеют ли до вечера местные модистки с подгонкой платья?

— Обновок мне не нужно, — фыркнула я, — поверьте, стыдиться своей дамы вам не придется.

Договорившись, что Григорий Ильич заедет за мной на Архиерейскую в девятом часу (приглашали на восемь, но даже я знала, что являться вовремя на такие мероприятия моветон) и что опоздание злодеев арестованных переносится на завтра, мы попрощались.

Волков проводил меня к выходу, облобызал перчатку и открыл дверь.

— До скорой встречи, Ева.

Ева? Меня сперва передернуло, а после я подумала, что хоть груздем пусть зовет, только в лукошко не засовывает. Ева так Ева.

Грегори был зол. Рыжая идиотка бесила его до невозможности. Она не считывалась, вела себя нелепо, неправильно реагировала на соблазнение, да еще, кажется, приносила неудачу. Расслабляющий морок из тросточки Волков выпустил еще у входа в ресторацию, переждал положенное время, чтобы барышня за столиком расслабилась, и задал вопрос. Впустую. Чертовка не ответила, только стреляла глазами с идиотическим кокетством, губки обиженно надувала. Сглазила! Трость упала, повредив свое драгоценное навершие. Нелепая случайность. Ценнейший артефакт пришел в негодность. Нужно его чинить и, разумеется, не силами местечковых шарлатанов. Орден Мерлина этим займется, но для этого Волкову придется сызнова впасть в болезненный чародейский сон, при этом довольно длительный. Прошлая починка стоила ему шестидесяти часов жизни. Сколько займет эта? Неделю? И что его ждет после пробуждения? Руины уездного Крыжовеня и рыжая демоница, скачущая по обломкам? С нее станется, с этой ее неженской напористостью. Нет, починку артефакта придется отложить на неопределенное время.

Приладив кое-как набалдашник, Волков попытался взять себя в руки, он неторопливо закончил завтрак, заказал еще кофе. Напиток был гадким. Гадкой была и барышня Попович. Она не отвечала на ухаживания. Грегори все делал правильно, прощупывал границы интимной ее зоны, прикасался к локотку, подстраивался к дыханию и темпу речи. Но в зеленых глазах объекта читал не разгорающийся интерес вожделения, а веселое удивление. Отчего она холодна? Темперамент? Волков фыркнул в чашку. Темперамент у Евангелины Романовны отменный, любой неклюдской танцорке сто очков вперед даст, достаточно бредни ее полуночные в приказе припомнить, да с какой страстью она с поцелуями лезла. Сдерживается? Для Семушки себя бережет? Цену набивает? От платья отказалась. А Григорий Ильич, грешным делом, уже предвкушал несколько приятных часов в тесной салонной примерочной, разговорчики вроде ни о чем, но нежную дружбу укрепляющие. Ладно, никуда эта кокетка не денется, и цену свою обозначит, и сдастся на милость победителя. Семушке придется поделиться.

Расплатившись с официантом и получив заверение, что завтра специально для него британскую овсянку повар изготовит, Волков вышел из ресторации.

Если барышня Попович желает с ним в деловые отношения играть, он готов. Только вот правила игры изучить придется.

Он прогулялся по площади, выяснил у постового, где находится городская библиотека, и отправился туда. Парнишка-служачий, по виду студентик, сообщил господину приставу, что подшивки столичных газет у них имеются, только не «Чижик-пыжик» упомянутый, а...

— Несите, что есть, — перебил Григорий Ильич и устроился в читальном зале.

«Мокошьградский вестник» за прошлый год информацией его не обогатил. Волков посвятил пролистыванию около получаса, и уже собирался признать поражение, когда библиотекарь, скользя войлочными подошвами туфель, подошел к его столу.

— Извольте, господин пристав, — положил он перед Волковым пухлую, оклеенную цветами и купидонами папку, — знакомая одна «Чижика-пыжика» обожает, я расстарался, для вас одолжил.

— Благодарю.

Парнишка помялся.

— Старунов я, Павел, вашего приказного письмоводителя брат.

Григорий Ильич кивнул, прослеживая в чертах библиотекаря фамильное сходство с подчиненным, тот же скошенный подбородок и близко поставленные серые глаза.

— Я это... — Старунов Павел поправил на переносице проволочные очки. — Ежели будет в вашем присутствии какая вакансия, вы уж про меня...

Волков пообещал. Просто чтоб его наконец оставили одного.

«Чижик-пыжик» был классическим желтым листком, можно сказать, эталонным. Это разочаровывало. Тратить талант на сплетни столичного света и полусвета будущей любовнице Григория Ильича было недостойно. Ну право слово, что за безобразие: «Недавно овдовевшая графиня Г., по слухам, собирается вскорости поражать общество заграничными траурными модами. Предполагается, что черный шлейф из бомбазина (да, да, и это абсолютно точно! Бомбазин лидирует в траурных туалетах, как сообщает нашему изданию заграничный конфидент!) носить за нею будет не кто иной, как наш завидный холостяк, господин К., начальник чародейского приказа». Какая пошлость. То есть само существование в столичной полиции чародейского департамента есть афронт всему управлению, но статейка вообще за гранью добра и зла. И его Ева к этому причастна?

Он раскрыл стопку наугад. Серпень прошлого года. «Суфражистка на службе правопорядка». «О мой бог! — Волков закатил глаза. — Еще и девицы, будто чародеев не довольно. Кто потом? Гнумы? Неклюды?» Но статейку прочел. «Во исполнение императорских указов... выпускница Вольских сыскных курсов...»

Григорий Ильич ощутил холодок под кожей черепа, «... коллежский асессор барышня П... вишенка на лакомстве драгоценным читателям, барышня чародейскими силами не обладает... благодаря прочим своим талантам, нам пока неизвестным...»

Он вытряхнул из папки все газетки. Разложил их по датам, отложил в сторону те, что вышли до серпеня, методично просмотрел. «Чижик-пыжик» о чародейском приказе писал много и со вкусом.

«„Дело паука-убийцы“, злодей обнаружен в присутствии, ниточки тянулись к самым верхам столичного

управления, великолепная работа начальника, повышение в чине всем сыскарям, кроме известного широко, но в узких кругах, любвеобильного господина М. Господина же З. отныне положено будет именовать „ваше высокородие“».

Дальше.

«Разорение притона на Костоломной улице. Надворная советница П. останавливает разбойника револьверным выстрелом в ногу и производит арестование». «Новости чародейского приказа. Драгоценные читатели помнят еще историю обручения князя К. с барышнею А...»

Не то. Последняя газетка была от конца сечня.

«Известную чиновницу П. наблюдали выходящей из меблированных комнат на Мясниковой улице. Драгоценный наш читатель скажет — и что такого? Мало ли где означенная барышня по служебной надобности бывает? А мы ответим ему, что вослед чиновнице П. меблированные комнаты покинул... Нет, этого тишайшего имени мы никак указать не можем. Но ежели в ближайшее время наша проказница сменит чародейский приказ на тайный, драгоценный читатель сам обо всем догадается».

Григорий Ильич сложил стопку, спрятал в папку, тщательно завязал золотой шнур. Лицо его, по обыкновению, не выражало ничего.

Чиновная барышня, сыскарь, суффражистка, интриганка. Пазл сложился полностью и лаково блестел перед мысленным взором Волкова. Допросы, расследование, рукопашный бой, бесстрашие перед навским артефактом, профессиональный вокабуляр.

Он поднялся, проигнорировав попытки библиотекаря подольститься, вышел на улицу.

Чародейский сыск осмелился на чужой территории свои делишки обстрипывать. На его, Волкова, территории. Да еще, будто глумясь, девку для этого отрядил. Девку! Даже не чародейку!

Нет, девка, конечно, хороша. Иначе таких высот не достигла бы. Чем ей для этого поступаться пришлось, особо не важно. Каждый отдает то, что имеет, цель оправдывает средства. Она цели достигла. Bravo!

Григорий Ильич хищно улыбнулся. Соблазнение барышни Попович становилось делом чести.

Ведь она и его морочить вздумала, чертовка! И кто же из газетной буквицы наш ненаглядный Семушка? З., М. или К.?

Так уж сложилось, что неназванное «тишайшее имя» Волков знал, это, без сомнения, канцлер тайного приказа Юлий Францевич Брют. Хорошо, что Евангелина Романовна в своей страсти не Юлика звала. Переходить дорогу своему покровителю Грине совсем не хотелось.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в коей прием в солидном купеческом доме перетекает в прилежное разыскание

Карта Гроб имеет негативное значение. Она связана со смертью, болезнью, крушением надежд, неудавшимися планами, потерей чего-либо или кого-либо.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Бальное платье для барышни вещь первой необходимости, а для сыскаря — тоже иногда не последней. Но, пакуй я багаж сама, бального наряда прихватить бы не догадалась. Счастье, что собирал меня в дорогу Эльдар и что он попросту переместил в сундук все содержимое гардероба. Выглядеть нынче ослепительно мне не требовалось, лишь прилично, чтобы, не дай боже, никого из местных барышень не затмить, но и внимания лишнего затрапезностью не привлечь. Поэтому облачилась я к вечеру в серый с серебром нарядец, дополнила ансамбль белыми чулками (так отчего-то положено), белыми же перчатками до локтей и атласными туфельками на низком каблуке.

— Перфектно, — решил Мишка, за что получил легкий подзатыльник, нечего чужие паразитные словечки присваивать.

Настроение было паршивым, но это от голода. Перед балом девицам питаться строго-настрога запрещалось, а запахи из кухни доносились весьма аппетитные. Хозяйственный Мишка успел к моему возвращению накошеварить.

— Теперь самое главное, — вздохнула я тяжело, — с волосами что-то сделать надобно. Я попыталась к куаферам за прической бальной

заскочить, но там ни одного мастера свободного не оказалось, всех уже клиентки по домам растащили.

— Так, а чего тебе на голове накрутить?

Я пожала плечами.

— Да что угодно, лишь бы туда цветов натывать, девицам так полагается.

Кивнув на столик, где в чайной чашке мокли стебельки желтых бутонов, я исторгла новый вздох. Цветы пришлось хватать те, что остались. «Храм Флоры» после полудня походил на разоренное гнездышко садовых нимф.

— Садись, — велел Мишка, хватая волосяную щетку. — Шпильки какие брать? Обычные?

— Нет, блестящие, с серебряными головками, они должны с отделкой платья сочетаться. В коробочке с украшениями посмотри.

— Сочетаться еще все должно? — шерудел Мишка в шкатулке. — Так чайные розы тогда вообще ни к селу ни к городу. Погоди!

Он сбегал на кухню и щедро плеснул в чашку из пузатой бутылки.

— Это что?

— Синька. Цвет по жилам цветочным сейчас поднимется, лепестки... — Он нагнулся над столиком, стал бормотать какую-то рифмованную дребедень, простецкий огородный заговор. — Вот! Позеленели.

Я посмотрела и рассмеялась.

— Капуста! Чисто капуста. Сам такое носи.

Мишка смутился и покраснел. Отсмеявшись, я решила:

— Ладно, без цветов обойдемся, на эксцентричность столичной барышни и не такое спишут.

Присев на пуфик к зеркалу, я отдалась на волю самоназначенного куафера. Щетка размеренно двигалась, волосы потрескивали, шпильки занимали положенные места.

— Директриса там точно будет, — сказал Мишка задумчиво. — Ты с ней, Геля, поосторожнее, хитрая она баба.

— Разберемся мы с твоей Чиковой.

— Как?

— По закону. Как только смогу чин свой перед Григорием Ильичом открыть, сразу проверку в городском приюте организую. Неаккуратно Елена Николаевна делишки свои проворачивает, девушек

на панель отправляет, а у них желтых билетов не имеется. Достаточно любую из них дернуть, вся схема посыплется.

— А барыня скажет...

— Да что б ни сказала, — перебила я, — слова веса не имеют, только документы. Можешь мне как-нибудь волосами ухо прикрыть?

На бал я собиралась отправиться, вооруженной полезной «жужей». Мишка выпустил локон справа, накрутил его на палец, отпустил...

— Так?

— Перфектно. — Малец действительно справился с задачей отменно, свернул жгутами пряди от затылка, поднял башенкой, закрепил ее спирально серебряными шпильками. — Тебе не в карманники, в парикмахеры дорога.

— Или в сыскари, — улыбнулся Мишка. — Я на базаре пацанов знакомых порасспрашивал. Не бойсь, не выдадут. Так вот, слухи среди фартовых ходят про деньги немалые, которые при приставе покойном должны были найтись непременно, только не нашлись.

— Наши сто тысяч? — кивнула я на саквояж под кроватью, засовывая в тайный боковой кармашек платья футлярчик с зоринским амулетом, больше туда ничего не помещалось, ни очков, ни тем более револьвера. Оберег приказный тоже пришлось снять, в неглубоком декольте серебряная цепочка смотрелась нелепо. — Откуда они вообще появились?

— Давилов Евсей, который в приказе служит, он же пьяница первостатейный. Напился третьего дня в рюмочной и плакал, что Блохин на лапу принял, а как помер, денежки тю-тю.

— Что же он три почти месяца не плакал, а третьего дня завел?

Мишка фыркнул.

— Может, он и раньше сокрушался, только до меня прежде слухов не доходило. Тут же важно, про что спрашивать.

— А ты что думаешь?

— Брехня. Не такой человек покойный Степан Фомич был.

— Тогда почему его нашли недалеко от места, где были спрятаны деньги?

— Мне тоже об этом подумалось. — Мишка отложил щетку, заложил за спину руки, прошелся от стены до кровати. — Пятое

грудня, Параскевы день, подают у собора хорошо, от службы до заката самого.

— Ну, — азартно поторопила я. — Ты нищих опросил?

— Из наших, приютских, там вообще убогие побираются, которых к воровству пристроить не удалось. Костыль припомнил — ноги у него совсем сухие, но котелок варит будь здоров, — что видел в тот день, как пристав из приказа выходил.

Замерев, я уставилась на отрока во все глаза, а тот заключил торжественно:

— Уехал верхом на лошади неклюдской, и неклюд же, на другой, его сопровождал.

Изобразив аплодисменты, я спросила:

— Табор от города далеко?

— Ехать туда не понадобится. — Мишка театрально поклонился. — Завтра ярмарка в Крыжовене начнется, в том числе и торги лошадиные, неклюдов в город набежит преизрядно. Я Костылю рубль пообещал, если он того самого мужика заметит да мне весточку передаст. Дашь рубль?

— В сундуке сам возьми.

Доверию пацан обрадовался больше, чем похвале. За окном уже звенели санные бубенцы, я побежала в сени, набрасывая на плечи шубу.

— Еще одно скажу, — нагнал меня Мишка. — Может, оно и не к спеху, но знать ты должна. Я тут по разным комнатам шмонал...

— Значит так, — придержала я мальчишеские плечи, — нанимаю тебя, Михаил Степанов, своим временным сыскарским помощником, с жалованьем... рубль в день, и разрешаю в интересах следствия шмо... то есть проводить обыск по собственному разумению. Докладывай, что обнаружил при обыске?

— У Дуньки в горенке под матрацем пук соломы и человечков плетеных четыре штуки.

— Молодец, — похвалила я и распахнула на стук входную дверь. — Ступай, Миха, почивать, Григорий Ильич вернет меня после празднества в сохранности.

Господину Волкову пришлось отступить, столь стремительно я к нему выпорхнула. Отступать было некуда, крыльцо за его спиной кончалось ступенями. Дверь хлопнула, я ахнула, схватила мужчину за

талию, удерживая, шуба соскользнула, плечи моментально куснуло морозом.

— Ева, — шепнул интимно пристав и опустился на ступеньку, не размыкая объятий. Теперь наши лица оказались на одном уровне в самой неприличной близости.

— Грегор, — ответила я в тон и громко расхохоталась, — приберегите ваш пыл для зрителей.

Про соломенных человечков я думать перестала, одна мысль только в голове помещается. Высвободилась, попыталась присесть за шубой, и мы столкнулись лбами с Волковым, наклонившимся с той же целью.

— Примета, — сказал Григорий Ильич, ушиб не потирая, напротив, набрасывая на меня многострадальную шубу. — Берендийская примета, нам с вами, Евангелина Романовна, нежная дружба предстоит.

— По учебникам фольклор местный изучали?

Волков подхватил меня на руки и нес к саням. Предосторожность при атласных тувельках нелишняя, но...

— Я велел грелку магическую под овчину установить, сейчас отогреетесь.

Посадив меня, он устроился рядом, набрасывая на нас шкуру, велел вознице трогать. На тулупе мужика я заметила петлички и решила, что транспорт служебный. Ногам было тепло, как и прочим частям тела. Щекам вот несимметрично повезло. Правую подмораживало, в левую же горячо дышал спутник:

— По книгам.

— Что? — попыталась отстраниться я, но узость сиденья не позволила.

— И приметы, и уклад берендийский пришлось изучать мне по книгам.

— Вы в этом преуспели, — похвалила я, — Грегор.

— Грегори. В туманной столице меня называли именно так: Грегори Волкав.

— Как вам будет угодно.

— И на «ты».

— Вас там на «ты» называли?

— В британском наречии, — сообщили мне в ухо интимно, — нет дружеских форм вежливости, там все друг с другом на «вы», даже уличному псу перед пинком говорится: «Идите вы вон, блохастый попрошайка!» В берендийском все иначе, существует даже этот уничижительный словоерс.

— Ваше высокопревосходительство-с? — хихикнула я от щекотки. — Чего изволите-с?

— Перейти на «ты» со своей невестой, — сказал Григорий Ильич серьезно и, придержав мой подбородок, поцеловал в губы.

Поцелуй был понарошечный, легкий как перышко, но очень горячий и длился для понарошечного слегка... гм... Я-то в поцелуях не то чтоб собаку съела, но опыт кое-какой в столицах приобрела.

— Брудершафт засчитан, — идеально изобразила я самый противный тон шефа, на меня он обычно действовал отрезвляюще, и тут не подвел. — Грегори, ты, я отзываюсь на Еву и...

— И носишь на безымянном пальце мое кольцо.

Потолкавшись немного под шкурой, я там же оказалась окольцована. Выпростав руку, увидела поверх белой перчатки массивный золотой перстень, плоской огранки сапфир крест-накрест пересекали золотые же полосы.

— Семейная драгоценность, — пояснил Волков, — единственное, что мне на память от родителей осталось.

— Они умерли? Ох, прости, дурацкий вопрос. Мне очень жаль.

— Того, что ты дурочка? — Он шутил, но в глазах была печаль.

Я улыбнулась и пообещала:

— Непременно верну после представления.

— А твои родители, Ева?

— Тоже умерли, маменька в родах, папенька, когда я еще пешком под стол ходила. Меня мачеха воспитала.

За время, что мы ехали до белокаменных хором на Гильдейской улице, успели вполне дружески поболтать. Мне показалось, что возница направлял лошадку кружным путем, но я не стала ему на это указывать, очень уж было интересно. Григорий Ильич рассказывал о детстве, проведенном в британской школе для мальчиков, похожей больше на тюрьму, о друзьях-приятелях, о том, как поступал в столичную полицейскую школу, о работе в тамошнем приказе, почему-то не британском, а шотландском, назвался он Шотланд-Ярд. А «ярд»

переводится как «двор». Грегори объяснил, что давным-давно земли, на которых после возвели здание, принадлежали королю скотов.

Я рассказала про Орюпинск, малую свою родину, перескочила на Мокошь-град, чтоб чего лишнего пока не сболтнуть. Но и про столицу приходилось все цензурировать, прежде чем на-гора выдавать.

Бритские полисмены («мен» — это человек, а «полис» — полицейский), те, что в столице, поголовно тростями вооружены, наподобие той, что меня от навской шерсти спасала. И обучают их теми тростями бой вести.

Я сказала, что в Берендии на палках только неклюды дерутся, ну так, чтоб не просто друг друга со всей дури колотить, а искусство демонстрировать, и что ловкость Грегори с тростью еще в кабинете отметила.

Он заинтересовался, стал спрашивать. Я пообещала на днях его к неклюдам отвести, чтоб своими глазами посмотрел. А потом почувствовала, что в тепле меня начинает клонить в сон. К счастью, уснуть не успела, сани въезжали в широко распахнутые кованые ворота.

Дом поражал богатством, и это даже со скидкой на традиционную кичливость Крыжовеня. Особняк в два с половиной этажа стоял в глубине двора, рассеченного на равные половины подъездной дорожкой. Дорожкой? Целой аллеей с ярко горящими фонарями по сторонам. В большие окна виднелись человеческие фигуры, у крыльца сновали слуги в ливреях, толпились сани и коляски.

— Самое время передумать, — пошутила я, — насчет Машеньки. Помрет Бобруйский, тебе все достанется.

Грегори страдальчески закатил глаза.

Он мне решительно нравился, этот Волков. При ближайшем знакомстве Григорий Ильич оказался своим братом-сыскарем. Молодой, неглупый, расчетливый. То, что меня поначалу настораживало, объяснялось скорее его заграничным воспитанием. Но каков молодец! За каких-то полгода успел в своих Змеевичах обтесаться. Амбиции? Ну да, в нашем деле без них никак, сама грешна. А чего стоит история Грегори о том, как он, тринадцатилетний мальчишка, казенные препоны на пути в полицейскую школу преодолевал? Живо она с моим личным опытом перекликалась. Хороший парень, даже совестно на минутку стало, что я его морочу.

Но совесть быстренько в дальний уголок задвинулась, не до нее. Работаем, сыскарики!

Приказные сани остановились у крыльца, Волков помог мне выбраться, тонкие подошвы туфельек на промерзшей брусчатке доставили пару неприятных минут. Двустворчатые двери распахнулись, и я облегченно вздохнула, переступив через порог.

А лакеев-то сколько! А парики-то у них какие потешные! Оттенка жемчужный блонд. Явно конский волос в синьке полоскали, чтоб желтизну убрать. И ливреи презабавные, будто из театра одолжили после представления из жизни королевских заграничных фамилий. Эталонное дурновкусие. От погружения в столичное высокомерное самолюбование пришлось все же воздержаться, ряженные все были как на подбор: высокие, мускулистые, с широкими сильными плечами. Присмотревшись к ливреям, я заметила у некоторых выпуклости на уровне пояса. «Это, Гелюшка, не челядь вовсе, а личная гвардия господина Бобруйского, вооруженная и крайне опасная. А ты даже без оберега приказного, некого на помощь кликнуть будет, ежели в беду угодишь». На это я мысленно же возразила, что самое время научиться на себя рассчитывать, и улыбнулась Грегори, который как раз отдавал лакею мою шубу. Волков улыбку вернул сторицей, будь я простою барышней, непременно бы сердечко затрепетало.

— Наш выход, Ева, — шепнул он, предлагая локоть.

Я руку приняла и вошла в залу, даже в две, ежели посчитать. Планировка оказалась анфиладной, за танцевальным помещением виднелось следующее, с накрытыми столами. Во второй зал гостей пока не приглашали или вовсе не пускали, там суетилась орда накрывальщиков, местный же бомонд переминался в бальном, разбившись на группки по интересам. Народу было презрительно для небольшого Крыжовеня, наверное, под сотню. Купцы, некоторые с посконными бородами и стрижками под горшок, но все как один во фраках, супруги и дочери их в кружевах, перьях и драгоценностях, молодые люди из разночинцев, чиновники, чьи жены одеты были на порядок скромнее купчих, какие-то представители богемы, опознаваемые по лоснящимся на сгибах фракам, парочка отставных военных, девицы-актерки, девицы-неактерки... Заметив в отдалении бордель-маман Мишкину под ручку с томным нетрезвым юношей, я ей

кивнула. Мария Степановна окинула меня оценивающим взглядом и сделала глумливый реверанс.

— Лисица рыжая, — сказала она спутнику, — черт принес.

Слов я, разумеется, не слышала, но прочла их по губам без усилий. «Молодец, Гелюшка, перфектно учишься. Но „жужу“ все-таки при первой возможности в ухо засунь».

Музыкантов определили в межоконный проем на некое подобие сцены. Дирижировал ими знакомый мне господин Бархатов, поездной попутчик. Экая стремительная карьера. Супруги его пока видно не было. Хозяева также не показывались, любым приличиям вопреки. Еще сочла я странным, что среди гостей не было представителей нетитульных рас. Ну хорошо, положим, здесь нет купцов-неклюдов, но гнумы-то быть должны.

— Григорий Ильич, — подошел к нам господин Чиков, — наконец-то изволили лик нам свой начальственный явить! Я уж, грешным делом, боялся голодным нынче остаться. Барин велел без вас угощения не подавать.

Волков поклонился сперва даме поверенного, русоволосой и пышнотелой.

— Оплошал, Сергей Павлович, не предполагал даже своего особенного положения.

— Супруга моя, — сообщил Чиков, — Елена Николаевна, чиновная дама, директриса нашей сиротской богадельни.

Сохранить приветливо-равнодушное выражение лица мне удалось, лишь представив, как мозг чиновной дамы забрызгивает ее жемчужную диадему.

— Евангелина Романовна Попович, — ответил Волков лучезарно, — моя невеста.

Оказавшись в перекрестье злобных взглядов, я томно протянула:

— Ах, Грегори... — и поправила локон, чтобы продемонстрировать сапфир на пальце.

Отчего ярилась Чикова, было более-менее понятно — женская ревность, Елена Николаевна наверняка на всех девиц так зыркает, а вот злоба ее мужа удивляла.

— Не будем более таиться, — жених поцеловал мне перчатку, — нашу чистую любовь от мира скрывать. У меня ведь, Сергей Павлович,

едва сердце из груди не выскочило, когда Еву мою в поезде увидал. А она...

— Едва чувств не лишилась! — Поцелуи дошли до локтя, и я выдрала руку, чтоб прижать ее к груди.

Толпящийся подле нас народ внимал легенде с восторгом, нравятся народу нашему любовные истории, отклик в душах находят. Чиков, поглядывающий через плечо, перебил громко:

— А вот и Гаврила Степанович, величество наше драгоценное!

Злонамеренное устное оскорбление императорского сана фраппировало только меня. Когда Бобруйский шел через залу, прочие гости расступались и кланялись. Купец действительно отыгрывал величайшую особу. Его свита на шаг отставала, даже супруга. Как же она подурнела с момента фотографирования у Ливончика! На карточке была изображена молодая красавица, сейчас же по бальному паркету брела исхудавшая до прозрачности тень женщины. Плохо подогнанное платье, дорогое и модное, висело на ней беспомощными складками, блеклые волосы, причесанные и украшенные эгреткой с массивным камнем, казались седыми. А глаза! В них не было ничего — ни блеска, ни мысли, ни жизни. Мария Гавриловна, напротив, не изменилась нисколько. Плотная некрасивая девица, всем своим видом выражающая равнодушие и смирение. Третьей же спутницей Гаврилы Степановича оказалась актриска Дульсинья, жена Бархатова. Ее карьера, судя по всему, также пошла в гору, только по другому, если можно так выразиться, департаменту. Платье ее видела я две недели назад в витрине модного мокошьградского салона, розовый жемчуг с алмазной крошкой по подолу, жемчужный же пояс, розетки с бриллиантами, драгоценная канитель, накидка-болеро из страусиных перьев, закрепленная на одном плече.

Когда хозяин приблизился на приличное расстояние, Волков с достоинством поклонился.

— Гришенька! — Бобруйский обнял его по-свойски. — Тебя только дожидаемся, голубь наш сизокрылый.

Слуги, упредившие купца о прибытии Григория Ивановича, и про невесту донести не забыли, потому что вторичных объятий удостоилась уже я.

— Евушка, доченька, рад знакомству. Надеюсь, Крыжовень тебе родным домом станет.

В прикосновениях Бобруйский себя не сдерживал, прошелся лапищами по спине, задержался на том, что пониже, сминая турнюр, проверил упругость, остался, кажется, доволен, уж больно горячо засопел.

Я пролепетала:

— Ах, вашество, какая честь, — и, неловко повернувшись, попала коленом именно туда, куда следует целить господам, покушающимся на филейную часть надежды столичного сыска.

Извинилась, всхлипнула, переждала, пока пострадавший утрет слезы, и присела в поклоне. Грегори меня отрекомендовал, раскланялся с дамами, поцеловал ручки Нинель Феофановне и Марии Гавриловне, проигнорировав, впрочем, Дульсинею.

Бальный балаган продолжался. Некий ряженный господин громыхнул посохом о паркет и пригласил к столу. Бобруйский завладел моей рукой.

— Откушаем, детки, чем бог послал!

Мы с ним оказались впереди процессии и вошли в обеденную залу первыми.

Хозяйское место, куда меня влекли, было в центре стоящих буквою «П» столов. Подумав, что придется теперь отбиваться от страстных атак, я тяжело вздохнула, но покорно села, куда указали. Простоту обращения в обществе мог себе позволить лишь хозяин, прочие чопорно рассаживались соответственно разложенным среди сервировки карточкам. На моей стояло «Дуська», и ее немедленно выхватил слуга, другой рукой отодвигая стул для Бобруйского.

Есть хотелось до обморока, но было никак нельзя, барышням этого не полагается. Гаврила Степанович себя не ограничивал, ему-то что. Исполняющий обязанности столоначальника господин Чиков произнес тост, все выпили за возвращение крыжовеньского величества. Нинель Феофановна сидела по другую руку от мужа и смотрела в тарелку, будто на фарфоре сейчас как раз фильму показывали. Мария Гавриловна, оказавшаяся, разумеется, подле Волкова, бросала на мачеху тревожные взгляды. Сергей Павлович тостовал без пауз, мы выпили за процветание, за любовь, за здоровье, за нового пристава, за его красавицу-невесту. Здесь пришлось встать и пригубить шампанского. С дальнего конца стола кто-то нетрезво

потребовал поцелуя. Григорий Ильич поднялся, чтоб требование исполнить, но Бобруйский захохотал:

— Неча тут сиропить, в соблазн достойное купечество вводить!

Я пожевала капустный лист и сочла внедрение успешным. Господин Бобруйский относился к тому отвратительному типу посконных мизогинистов, которые женщину в принципе за человека не считают, посему разговоров со мною не заводил. Ну сидит рядом девица, и пусть сидит, и прочь уходить чтоб не смела. Она же только для демонстрации власти нужна, сизокрылому голубю Гришеньке показать, кто в городе хозяин. Нет, по коленке меня, разумеется, мазнули лапой ненароком, но без аффектации, навроде комнатную собачку приласкали между делом. Я даже протеста заявить не успела.

Внесли вторую перемену, горячее. Гаврила Степанович накидывался, как перед казнью, пил, не дожидаясь тоста, ломал руками запеченную птицу, неприлично чавкал.

«До танцев допросить его надобно, — подумала я, — после он уже вовсе не в кондиции будет».

И под прикрытием крахмальной салфетки извлекла из футлярчика «жужу».

— ...что же Анна Гавриловна, — говорил Волков соседке.

— Не ко времени занедужила, — отвечала та, — еще в дороге на мигрень жаловалась, и вот... Маменьку ее болезнь немало тревожит.

Я медленно обводила взглядом сидящих за столом гостей.

— Полюбовницу новую привез, актерку. Там же, где и прочие, вскорости окажется, под фонарем или в овраге...

— Три тысячи ассигнациями на стол бросил и поджег...

— ...пенькой торговать, а лошадиный рынок у Крыжи огородили, после полудня...

— Столичная штучка, представляет из себя всякое, а у самой из драгоценностей только колечко обручальное.

— Так перстенок непростой, гербовый. Видно, не за деньгами эта Ева охотится, а за...

— ...заперли, чтоб Волков на младшенькую не клюнул.

— Да не на что там больше клевать, от Анютки-красотки ничего не осталось, на каких таких водах ее...

— ...цена арлейского двухлетки...

Я вернула взгляд к девицам-сплетницам. Две барышни вполголоса беседовали украдкой.

— ...папенька велел, — говорила сдобная блондинка с мелко завитыми локонами, — с визитом отправиться наутро, ну я и пошла, подруженька как-никак. Ну сели в гостиной, то-сё... Я давай расспрашивать, как оно там в заграницах, она отвечает будто через силу, расплывчато так, что-де везде люди-человеки и дома-жилища. Ни обновок никаких не показывает, собачку даже не ласкает. Ах, что за прелесть! Болонка мальтезе, шерстка белоснежная, носик черный, а уж егоза... Маркиза кличка, непременно и себе попрошу у папеньки мальтезе на именины.

Барышень я запомнила, но за разговором дальше следить не стала.

— ...Фараония и скажи, — господин пошевелил кавалерийскими усами, — сто тысяч такое стоит.

— А барин? — У его собеседника на губу налипла крошка, он ее слизнул. — Заплатил?

— Ну, раз у нас нынче новый пристав, сам и рассуди.

— Однако.

— И шито-крыто все, кто может...

— Страшил-то замуж пристроят, — карминно мерцали губы Мишкиной, — ежели барин что решил, по его будет.

— А рыженькую куда? — Юный ее спутник бросил мне страстный взгляд, пришлось улыбнуться. — Себе забереешь?

— Ты, Герочка, аппетиты поубавь. Рыжая в столицы свои вернется несолоно хлебавши, хотя ежели у нее родни нет...

Противно мне не стало, ну то есть противнее, чем было до этого. Публика эта и без того хороших чувств не вызывала.

— Евушка, — обратился хозяин, дошедший до того состояния опьянения, когда женщин начинаешь замечать, — что ж ты не кушаешь совсем?

— Мигрень у меня, Гаврила Степанович. — Изобразив томное прикосновение к челу, я сняла «жужу», толку от нее было немного. — Слабый пол очень мигреням подвержен.

— Шипучки выпей шампанской, авось полегчает.

Послушно пригубив, я широко улыбнулась.

— Да вы чародей!

Бобруйский утвердительно икнул.

— И на женщин волшебное впечатление производите, — добавила я сахарку, — такого, что ни деньгами, ни властью не достичь.

— На тебя тоже?

— А то, — отодвинув колени подальше от соседа, я исторгла томный вздох.

— Ну так, может, — купец подмигнул и махнул рукой на дверь, — картины тебе свои прямо сейчас покажу?

— К прискорбию, останутся они неосмотренными, я, Гаврила Степанович, — девушка приличная, а вы вообще человек женатый. Так что страсть свою я вынуждена сдерживать.

— Экая цаца! Сережка говорил, непростая ты штука, Евангелина Романовна, репортерка столичная.

— Господин Чиков? Лестная аттестация и точная. Интервью для издания дадите?

— Чтоб мое имя старинное купеческое в листке трепали?

— Не трепали, а упоминали с достоинством. Чтоб в Мокошь-граде узнали, что в Крыжовене такой замечательный купец проживает.

Лесть цели достигла, хозяин пустился в хвастовство. Про древность своего имени позабыл, зато поведал, как самому в жизни пришлось пробиваться, как из калачевского приказчика, то есть управляющего, сам барином стал.

Время монолога я употребила с пользой, припрятав «жужу» за поясом.

— А супруга ваша, — глянула я через плечо собеседника, — того самого Калачева внучка? Мецената и филантропа?

Внучка филантропа как раз скребла по тарелке ножом и беззвучно хихикала.

— Нинелька-то? Ага. Старик на коленях передо мной стоял, чтоб я ее замуж взяла, позор...

Он запнулся и, махнув стопку водки, занюхал ее рукавом фрака.

— Понятно, — улыбнулась я скабрзно.

— Что тебе понятно?

— Что, кроме деловой хватки и ума, господин Бобруйский обладает также истинно рыцарским благородством.

— Так у себя и напиши.

— Всенепременно. А плод вашей юной страсти, Анна Гавриловна, отчего не на празднике?

— Хворает она, в матушку здоровьем уродилась, — показал Бобруйский большим пальцем себе за спину, — нервические припадки у обеих происходят.

— Так вы от припадков их на водах лечить пытались?

В мутном взгляде купчины мелькнули хитрые искорки.

— Хочешь, газету тебе куплю?

— У мальчишки за пяточок?

— Чего? — Он расхохотался. — Экая ты, Ева, забавница! Нет, у этого, как его... не важно. Целую газету, чтоб сама там хозяйничала. Нравится ты мне, рыжая. Как увидал, сразу поправилась, еще в поезде, да нет, даже раньше, когда ты на перроне с чиновными господами щебетала. А господа-то известные, портретами в газетах пропечатанные...

И Бобруйский повесил многозначительную паузу. Сглотнув горькую слюну, я холодно улыбнулась.

— Вас забавляет этот фарс?

На лице купца не было видно и следа опьянения, сейчас рядом со мной сидел готовый вгрызться в соперника хищник.

— Фарс? — переспросил он дурашливо.

Мысли в голове щелкали, как костяшки домино. Я анализировала свой вокзальный разговор с канцлером Брютом, то, как это смотрелось со стороны, кто где стоял. Есть!

— Разумеется, фарс, — серьезно ответила я. — И вы, Гаврила Степанович, в нем главную роль исполняете, притворяетесь перед всеми эдаким посконным купчиною, водку напоказ хлещете, самодурствуете на публику.

В глазах собеседника мелькнула растерянность. Он явно ждал моих оправданий.

— А вы ведь вовсе не такой, — погладила я рукав фрака. — Вы ведь умный, иначе положения своего нынешнего не достигли бы.

Бобруйский смотрел на мою руку. Я жалобно попросила:

— Григори ничего не рассказывайте, умоляю!

— Про канцлера?

— Именно. Дайте любовью насладиться. У нас с господином Волковым ренессанс в отношениях случился, в столичных моих грехах я признаться не успела, да и не нужно ему о том знать.

Это ему понравилось, очень понравилось, он решил, что полностью держит в своих руках мою судьбу. А уж управлять судьбами Бобруйский обожал. Сейчас он прикидывал, какую выгоду сможет получить в свете открывшихся обстоятельств. Я решила помочь.

— Недельку обождите. Я статью для своего издания закончу да в столицу уеду.

— Без жениха своего?

— Разумеется. Какой-то пристав мне в Мокошь-граде без надобности. Коллежский ассессор? Право слово, ерунда.

Бобруйский посмотрел на меня с уважением, Волкова же одарил взглядом победно-презрительным.

— Про что статейку сочиняешь? Про колдунства?

— О кровопийце Попове, который вашего прошлого пристава на тот свет отправил.

— Да ну?

— Ну сами посудите: молодой, здоровый мужик к проклятой усадьбе отправился и самоубился на осиновом суку. Да читатели газету с моей статьей из рук рвать будут!

В смежной танцевальной зале призывно грянул оркестр. Взгляды всех присутствующих устремились к нам.

— Ладно! — Бобруйский бросил салфетку и поднялся, давая сигнал прочим. — Наговорю я тебе интервью, проказница. Завтра приходи, с женихом, пусть, пока мы с тобою беседуем, к Маньке пообвыкнет, ему ведь с нею утешаться, когда ты в столицу упорхнешь. Канцлер! Ну ты и ловчила!

Он ушел в неприметную дверку за античной колонной, я бессильно откинулась на стуле.

«Кошмар, Геля! Ты была на вершок от сокрушительного фиаско. Все потому, что на первое впечатление положились. Забавный купчина-охламон, знакомый типаж... Хи-хи, ха-ха! А этот типаж тебя на раз-два срисовал».

Публика потянулась в соседнюю залу, столы пустели: я заметила Грегори, пробирающегося ко мне. То есть устремленного и пытающегося оторвать от своего локтя пальчики Дульсины.

— Чудовище! — вдруг произнесла Нинель Феофановна, раскачиваясь на стуле. — Он чудовище, барышня, опасайтесь его.

— Это вы мне? — Я повернулась. — Кто чудовище?

— Он! Бобруйский! Ненавижу.

Быстро пересев на ближайший стул, я взяла женщину за руку.

— Нинель Феофановна, голубушка. Скажите, вы с Блохиным дружили?

— Степан? Степушка? Хороший мальчик. Много Степанов в Крыжовене, куда ни глянь, либо Степан, либо Степанович, либо Степанов...

Совсем она мне не нравилась, то есть не она, а ее странное сумеречное состояние. На опьянение не походило нисколько. Безумие? Но почему она тогда не под лекарским присмотром, а здесь?

— Степан Фомич, — тоном, которым обычно говорят с маленькими детишками, подсказала я, — Блохин, красавец-блондин, бравый, веселый. Вы его любили?

— Я? — Женщина негромко рассмеялась. — Полноте, я Степушке в матери гожусь. То есть годилась... теперь не гожусь...

По бледным щекам потекли слезы.

— А все он, чудовище! Убийца! Мою жизнь исковеркал, за Нюту принялся! Шаг за шагом злодейства повторяет.

«Анна, Анюта, Нюта. Нюта Бобруйская либо Блохина. Что так, что эдак — „НБ“. Перфектно, Попович, работай дальше».

Но продолжить не получилось. Мария Гавриловна заботливо обняла мачеху за плечи.

— Сейчас мы в спальню пойдем, сопровожу вас, капелек выпьете, отдохнете.

— Как же так, Маша? — всхлипнула Бобруйская.

Девушка промокнула слезы женщины носовым платочком, помогла подняться, обратилась ко мне:

— Простите, Евангелина Романовна, и плохо про матушку не подумайте.

— Давно это с ней? — Встав, я придерживала Нинель Феофановну под другую руку. — Идемте, я помогу.

— К жениху своему ступайте, — возразила Мария Гавриловна непреклонно. — И прошу, забудьте этого Теодора, про которого матушка здесь рыдала, она в помутнении и... Ах, простите.

Проводив их только до дверцы за колонной, я развернулась на каблуках. Грегори все сражался с Дульсинеей. Потому что джентльмен,

вот почему. Берендийский бы мужик давно нахалку окоротил, а этот миндальничает.

Я двинулась в спасательную экспедицию с видом самым решительным и даже грозным, спросила:

— Что это тут у нас?

— А вот и Ева! — хихикнула актерка, была она навеселе и нелепости своего поведения не понимала.

Волков изобразил лицом страдание, это было забавно, обычно он богатством мимики публику не балует.

— Госпоже Бархатовой, — решила я, — умыться надобно. Мы с нею сейчас дамскую комнату отыщем.

Григорий Ильич с облегчением поклонился.

— Не задерживайся, милая.

К моему великому разочарованию, туалетные находились вовсе не за вожделенной дверцей. Актерка уверенно провела меня в боковой коридор. Снующие слуги почтительно уступали нам дорогу.

— Драться со мною хочешь?

— Не хочу. — Втолкнув девицу в какую-то попавшуюся на пути комнатенку, я заперла дверь. — Я твоему покровителю авансы раздавала, ты — моему жениху, так что квиты.

Дульсинья плюхнулась на диван, нисколько не заботясь о сохранности драгоценного наряда.

— И хорошо.

Помещение было чем-то вроде гостиной. Кроме дивана, столика на гнутых ножках и двух затянутых гобеленом кресел стояла в нем только ширма. Потянув носом, я уловила застарелую сигарную вонь, отчего немедленно переименовала помещение в курительную.

Актерка пошарила за корсажем, достала серебряный портсигар и зажгла пахитоску.

— И что тебе тогда от меня надобно? — Выпустила облачко дыма, стряхнула пепел себе на подол.

Я устроилась в кресле.

— Давно в деле? А из Мокошь-града какая нужда погнала?

— Ангажемент в провинции...

— Брось, Бобруйскому про карьеру сценическую байки трави. Ты, Дусенька, воровка, и подельник твой тем же промышляет. Я ведь его

фокусы в ресторанном вагоне лицезрела. И знаешь, никакие это не фокусы. Шулер карточный твой Бархатов.

Девушка расхохоталась картинно и зашлась в кашле, вовсе уже не картинном, а от дыма.

— Мне, барышня, ваши подозрения вовсе обидны.

— Пьесу по ходу дела не меняй, — пожурила я, — непрофессионально это. Ну так что?

— Что — что?

Она лихорадочно искала правильный тон, но опыта ей явно не доставало. Желторотая совсем барышня, и это не от молодости. Пальчики, держащие пахитоску, дрожали. Ногти коротко, по-мужски, острижены, на мизинцах только чуть длиннее.

— Машинисткой работала? — предположила я дружелюбно. — Присутственное время с восьми до шести, начальник-самодур, подруженьки-змеи, жалованье двадцать пять рублей, и то ежели за порчу бумаги не оштрафуют? Скучно. А тут Эдуард Милославович на горизонте нарисовался, мечтами о приключениях принялся соблазнять. Поначалу антрепренером представился, красотой твоею неземной очарованным. Ухаживал. Деньгами не сорил, но конфеты-букеты присутствовали. Поженились хоть или так, на веру куролесите?

Дульсинья завистливо зыркнула на мое кольцо.

— Обещал, но не женился, — решила я. — Тебе будущность посулили, что-де только финансы появятся...

— Да что ты, дура, понимаешь? — Пахитоска описала полукруг. — Эдуард...

— Тебя Бобруйскому продал.

Карминные губки растянулись но-лягушачьи, девушка заплакала. Мне стало чуточку стыдно. Девка-то в беде, по уму ее гнать из Крыжовеня надобно, обратно в столичную конторку.

— Не реви, — сказала я, — толку от женских слез мало.

— Не желала я ничего такого... Эдуард сказал, купчина кусманище жирный, ты его в два счета вокруг пальца обведешь, заморочишь, даже в койку идти не понадобится, а придется, так не убудет.

— Родители-то живы?

— Па-а-пенька только...

История ее была до того обыкновенной, что скулы сводило. Глупенькая, восторженная фантазерка, голова романтическими историями забита, там-то в романчиках с фильмами настоящая жизнь, а у нее так, проживание. Думала, в актерки ей самое то. Сначала на сцену пробьется, с ее-то красотой это раз плюнуть, после в фильмах попробуется, а там и слава всенародная, и подарки от поклонников, и полное счастье. Главное ведь протекцию получить, в лицедействе это самое главное. Бархатов ей протекцию посулил, но немедленно к делу пристроил, в хорошенькие спутницы, чтоб, значит, флиртом карточных его партнеров развлекала. Работали по мелочам, а когда на крупный куш замахнулись, тут-то ноги из столицы уносить пришлось. Эдуард Мирославович, как и она сама, дальше трех верст от Мокошь-града нигде не бывал, о жизни в провинции представление имел простое. Живет там мужичье сиволапое да купцы-богатеи, народ сплошь темный, простодушный, к столичным хитростям не приученный. Уж они-то с Дульсинеей развернутся. Бобруйского они срисовали еще в вокзальном ресторане, обработали по обыкновению. И все неплохо шло, пока в хоромы барские не явились. Здесь несчастной Дульсинее немедленно дали понять, что она никто и звать ее никак, что-то навроде болонки, пока развлекает, а после пинком под зад. Она бросилась жаловаться «супругу», тот же посоветовал терпеть.

— Тебя под замком держат?

— Все мы тут пленницы. — Девица бросила окурок на ковер. — И я, и барыня безумная, и дочери ее. Женскую половину по ночам пуще каземата стерегут. Особенно Анну Гавриловну, она буйная очень, с прислугой дерется, бежать хочет.

— Здесь уже обезумела? В Крыжовене?

— Ну да. Мне сперва обычной девицею показалась. Ну то есть я особо не присматривалась. Барышня как барышня. Нас с Эдуардом гостевать пригласили, так я рядом с нею в санях с вокзала ехала. Она молчала всю дорогу, а как на Гильдейскую улицу завернули, говорит так спокойно: «Беги, пока можешь». Я ей: «Отчего же, барышня Бобруйская? Папенька ваш ангажемент мне в театре посулил». А она...

— Первый припадок при тебе случился?

— При мне, я в гостиной ждала, пока слуги гостевые покои подготовят, Эдуарда-то сразу в пристройку отдельно определили.

Сижу, скучаю, вдруг вбегает Анна Гавриловна, глаза безумные, маменька с сестрою за ней, увещевают, она кричит: «Он обещал! Обещал, что Степана не тронет! Вы все мне обещали!» Бряк на пол и в конвульсиях забилась. Тут слуги набежали, унесли горемычную. А Марья Гавриловна передо мною за скандал извинилась.

— Странная семья, — сказала я задумчиво. — И Анну ты больше не видела?

— На следующую ночь из спальни на шум вышла, так ее по коридору волокли, горничные жаловались, что сбежать пыталась.

— А прочие дамы Бобруйские?

— Терпят, что им остается? Мария Гавриловна очень за маменьку переживает, трясется над нею, что курица над яйцом, чуть что — соли под нос, чтоб нервы успокоила.

— А что за Теодор?

— При тебе тоже бредила? Тетка совсем головою слаба, Мария Гавриловна объяснила, что воображаемая персона этот Теодор. Бобруйская иногда звать его принимает, иногда плачет и крестится, иногда...

Здесь благотворное действие исповеди подошло к концу, и Дульсинея хитро прищурилась.

— Тебе-то какое дело до фамилии Бобруйских, Евангелина Романовна?

— Репортерское любопытство, — вздохнула я и поднялась из кресла. — Колонку о провинциальных нравах в газету хочу предложить. Ладно, заболтались мы с тобой.

— Может, поменяемся? Ты себе барина забирай, а я...

— А ты беги отсюда, пока можешь. Супруг твой фальшивый, скорее всего, уже на пути из города.

— Ерунда.

— У него к фрачной паре дорожные ботинки на ногах были, когда он оркестром дирижировал, примета верная. Спорим, музыканты сейчас без руководства исполняют?

— Врешь, он меня любит и никогда...

— Не любит, Дульсинея, когда любят, свою женщину под всяких встречных-поперечных не подкладывают. Эдуард твой быстро скумекал, что в неприятности встрял, и тебя оставил, как ящерка

хвост. Он хитрый. Охрана нынче с ног сбивается, при таком-то обилии гостей, время для побега выбрано идеально.

Девушка хлопала глазками и прерывисто дышала.

— Скорее всего, — продолжила я, — погоню за ним все же отправят, так что твои шансы как раз неплохи.

— Нет!

— Как знаешь, — пожав плечами, я отперла дверь и вышла.

Господина Бархатова в танцевальной зале, разумеется, не оказалось. Грегори немедленно увлек меня вальсировать.

— Как продвигается репортерская работа?

— Не хуже твоей полицейской. Мне даже личную газету уже посулили.

— Ты выиграла, мне, судя по всему, предстоит качаться на осиновом суку.

— Прямо вот такими словами сообщили? И не боишься?

— В отличие от тебя я в смертельные заговоры не верю нисколько.

— Зря, они существуют.

— Не в нашем случае.

Волков танцевал прекрасно, вел уверенно, не забывал о языке тела, склонялся призывно к моему лицу, смотрел в глаза, не отрываясь.

— Блохина убили не чародейством?

— А сама как думаешь?

Шаг, поворот.

— Думаю, колдовство все же было и недешево заказчику обошлось.

— Каков мотив?

— Убийства?

Шаг, поворот.

— Заказа.

— То есть мотив убийства ты для себя уже определил?

— Вот откуда у тебя, милая, эта глумская манера отвечать вопросом на вопрос?

— От воспитания, — ответила я честно. — Ты первый.

— Почему же?

— Потому что я барышня, и, ежели чего желаю, не получу, устрою тебе такую сцену ревности при всем честном народе с

демонстрацией окончательного разрыва, что ты еще до ближайшего поста под венцом с Машенькой стоять будешь.

— Попробуй, — сказал Грегор и поцеловал меня в губы, основательно так, по-хозяйски.

На поцелуй я не ответила, но сердечко пару тактов пропустило, нечего перед собою врать.

— Не делай так больше, — попросила жалобно.

— Обещать не могу, — Волков облизнулся, — особенно ежели ответа на вопрос не получу.

— Ладно. — Мы продолжали вальсировать. — Анна Гавриловна с покойным Блохиным в связи состояла. Вот тебе и мотив.

— И какими уликами сия связь устанавливается?

— Косвенными, — призналась я.

Тут музыка закончилась, пришлось благодарить партнера реверансом.

— Продолжим? — Грегори придержал меня за локоть.

— Два танца подряд неприлично. Угости даму шампанским, давай в уголке полюбезничаем.

Уединиться немедленно не удалось, с господином приставом желал перекинуться словечком каждый встречный-поперечный. Меня приглашали, Григорий Ильич всем от моего имени по-хозяйски отказывал.

Мне подумалось, что увлекся он излишне своим предсупружеским статусом и что пора бы признаться, чтоб недопониманий не множить. Авось к чиновнику классом себя выше с поцелуями больше не полезет. Я ведь тоже не из железа, у меня в голове мутится от эдаких вольностей.

Наконец вручив мне бокал с шипучкой, Грегори прислонился к колонне в тени бархатной драпировки.

Хорошая позиция, никто со стороны не подслушает, зала как на ладони. Перфектно в их Британиях специалистов обучают.

— В квартире покойного Блохина, — сказал негромко Волков, — обнаружен дамский револьвер с гравировкой «НБ», так что твою версию про Анну Гавриловну можно сразу вычеркивать.

— Ньюту, — усмехнулась я. — Это одно из уменьшительных прозвищ от имени Анна: Аня, Анюта, Ньюта.

— Предположим.

— Ее именно так в семейном кругу и называют.

— Дальше?

— Бобруйский оскорбился, решил пристава извести, нанял для этого небезызвестную мадам Фараонию, чародейку неслабую, как мы уже убедились. Цену она заломила несусветную, сто тысяч рублей, и ее получила. Только что-то не так пошло, не сработали плетеные куколки...

Тут у меня в голове что-то щелкнуло. Дурында, как есть дурында! Бокал звякнул о паркет, забрызгивая нас шампанским.

— Гришка! Мне домой срочно надо!

— Куда?

— На Архиерейскую. По дороге объясню.

До десерта из дома Бобруйских было велено никого не выпускать, ливрейные мужики объяснили это довольно нагло. Мне объяснили, пока я вестибюле Грегори со своею шубкой дожидалась. Я не спорила, мысли другим заняты были.

«Опростоволосилась ты, Попович, сложила сто тысяч с Фараонией да вывод получила, что-де мадам чародейством своего не достигла, поэтому собственноручно пристава ухайдокала, чтоб денежки отработать. Но куколки плетеные Мишка у Захарии нашел. Губешкина убила? Старушка квелая? Нет, не сходится».

— Что происходит? — осведомился Григорий Ильич, набрасывая мне на плечи шубу.

Лакей повторил то же, что до этого мне докладывал, но иным, гораздо более почтительным тоном.

«Соломенные человечки... Фараония использует глиняных. Какая разница? Что глина, что солома, главное, похожую форму придать. Для смертельных кукол девочке Лизе чародейка использовала... понятно что, соломенных же напиткивали любовными эманациями, ну то есть напитали бы, предавайся пристав страсти, где ему положено было, а не бегай по приличным девицам».

Волков закончил монотонное перечисление всех непотребств, которым предаст в своих приказных подвалах всякого, дерзнувшего нам дорогу заступить.

Сани наши с промерзшим возницею стояли в самом конце вереницы транспортных средств. Туфельки увязли в снегу, Грегор привычно подхватил меня на руки, велел:

— Рассказывай!

— Хозяйка моя пропала. — Слова вылетали облачками пара и застывали на каштановых кудрях моего телоносителя. — Провидица Зара. А у нее, представь, целый выводок соломенных куколок обнаружился. Девушки нетяжелые сказывали... Ну, знаешь, на углу площади бордель «Храм наслаждений»? «Д» и «ж» еще в вывеске перепутаны. Вот умора.

— Не отвлекайся. — Григори сунул меня под полог, придвинулся, пытаюсь согреть, велел вознице трогать. — На Архиерейскую!

— Нет! — воскликнула я. — Сначала мадам Фараонии визит нанесем.

Адрес подчиненному был известен, Григорий Ильич приказал править туда, обнял меня за плечи.

— Ну, милая, не томи.

Интимность позы я проигнорировала, не до того.

— Подозреваемых у нас двое. — Про солому уже забыла, но Волков и не уточнял. — Зара и Фараония. Одна плетенками зловещими балуется и пропала странно. Другая через гомункула способна со свету сжить и цену даже назначила. Сто тысяч.

— Что ж тебе сумма эта покоя не дает?

— Ты ведь не знаешь! Я ведь эти «тыщи» нашла... Девяносто девять восемьсот...

Щелк в голове.

— Двести рублей недостает. Эх, Дуняша, отольются нам...

Волков меня поцеловал, не иначе в чувство привести пытался. Зашипев на него рассерженной кошкой, я оттолкнула мужское тело.

— Исчерпал ты, мистер Григори, свои авансы. Ни словечка более от меня не дождешься, пока свою версию не расскажешь.

Он явно сдерживал раздражение, втягивал ноздрями шумно воздух.

— Приехали, вашбродь, — сообщил возница.

Руки мне спутник не предложил, пришлось самой из саней выбираться.

— Здесь обожди, — велело начальство приказному и гордо прошествовало к двери с медной табличкой «Фараония».

Дом богатый, как все в городке, окна темны, трубы числом три дымят в морозном воздухе.

— Погоди, — нагнала я спутника.

— Что еще?

— Ты без трости.

— И что с того?

— Значит, мы с тобою супротив чардейства зловредного вовсе беззащитны.

— Отступить предлагаешь? — протянул Григорий Ильич глумливо. — Весь задор растеряла?

Смутившись, я топталась на месте. Эх, будь при мне оберег приказной, я бы вообще не опасалась. Коллеги-товарищи эту Фараонию на раз-два бы развеяли, если бы до дела дошло.

— Револьвер хоть прихватил?

Волков фыркнул и вдавил рукой выпуклую образину под табличкой, в доме разнесся птичий щебет и перезвон колокольчиков.

Мы подождали. Грегори забарабанил в дверь кулаком.

Эк его разобрало, темперамент холерический.

Наконец створка раскрылась наружу, заспанная девица куталась в шаль.

— Полночь скоро. Барыня почивают.

— Полицейские мероприятия для прилежного разыскания, — подвинул в сторону Грегори горничную. — Зови барыню без промедлений.

След в след за ним я прошла через сени в гостиную. Григорий Ильич сбросил верхнюю одежду в кресло, сел в другое, мне разоблачиться не помог. Не очень-то и хотелось. Натоплено было в доме жарко, но в шубе мне пока было в самый раз.

Хозяйка явилась минут через десять, все это время мы с Волковым молчали, последний еще и моего взгляда избегал. Прикинув, что, если дойдет до дела, оконную раму можно будет и дернуть, чтоб стеклом чародейство нейтрализовать, представлять, как в этой же раме меня Фараония запечатает на манер вареника, я не стала. Расслабилась, чуть присела, разрабатывая колени, прикинула, что вон ту напольную вазу можно швырнуть, а золоченого скарабея со стены вдогонку, что Грегори руку на колене прямо держит, поэтому у него револьвер небольшой в рукаве припрятан. Тут как раз десять минут истекли.

— Григорий Ильич? — Мадам поправляла тюрбан, а надо было бы шлафрок запахивать, очень уж меж полами все женское выпирало. — Что за надобность?

— Драгоценнейшая госпожа Фараония, — карие глаза джентльмена обшарили плотоядно массивную фигуру, — простите столь поздний и неожиданный визит.

Эманации свои мужские Грегори разбрызгивал щедро, рикошетом на меня немножко даже попало. Воспоследовали поцелуи чародейских ручек и новые извинения.

— Ну, будет, юноша, — подобрела хозяйка и потрепала каштановые кудри паучьей лапкой.

— Эта вот барышня... — распрямился Волков, кивая на меня.

Фараония посмотрела, пришлось присесть в книксене, а ведь такую позицию уже получилось перфектную занять, в слепой зоне, чуть позади, даже без револьвера скрутила бы тетку.

— Евангелина Романовна!

— Добрый вечерочек, — сызнава книксен.

— Присаживайтесь, — повела Фараония рукой.

И мы с ней рядышком опустились на диван. Грегори свое кресло занял на приличных десять секунд позже. Эманировать не прекратил, его корпус был развернут к хозяйке, колени к ней же направлены, плечи подались вперед, вроде как от невероятной заинтересованности в объекте. Любопытно, он рассудком картину просчитывает или уже мимо воли?

— Итак? — улыбнулась кокетливо гадалка.

— Барышня Попович явилась вас в убийстве пристава Блохина обвинять, — сообщил ей легким тоном Грегори и подмигнул.

Они расхохотались.

Я ослабила ворот шубы, жарковато, принюхалась... жженым сахаром не пахло, и на том спасибо.

— И что же Гелюшку на эти мысли натолкнуло? — веселилась тетка.

Григорий Ильич развел руками, дескать, у нее и спросите.

Фараония повернулась ко мне. Глаза у нее были грустные и очень старые, как у вековой черепахи в столичном зверинце. Таким глазам врать нельзя.

— Можно мне сначала один вопросик вам задать? После ответа, клянусь, все вам расскажу.

— Даже если ответ тебе не понравится?

Она перешла на «ты», я втянула воздух ноздрями, чардейством не пахло.

— Даже тогда.

— Ну задавай, рыжая.

— Да или нет? Вы на пристава Блохина порчу навели?

— Нет.

— А убили?

— Это уже второй вопрос.

— Справедливо, — пришлось согласиться. — Что ж, извольте. Мне удалось вызнать, что некий толстосум желал от пристава избавиться и что вы за избавление сто тысяч потребовали.

Фараония махнула рукой.

— Ну был такой разговор за картами. Бобруйский спросил, сколько стоит Степку беспутного со свету сжить, я и ляпни по дурости.

— А он?

— Крякнул только, деньжищи даже для него неподъемные.

— Когда разговор был?

— Да не помню, в жовтне, что ли, точно до заморозков. — Мадам нахмурилась. — Ты, свиристелка, темы не меняй.

На «свиристелку», которая не «свиристелка», я покраснела.

— А люди по-другому говорят. Говорят, взяла Фараония сто тысяч, да и уморила пристава.

— Врут люди.

— Куколками человекоподобными уморила.

— Врут.

— Но куклами-то вы чардеите? Не отпирайтесь. Знаю, как вы девочке, от надругательства пострадавшей, из глины гомункулов налепили, через то насильники ее в дерьме захлебнулись.

Уголкем глаза я заметила, что Грегори после этих слов напрягся, но прямо смотрела на собеседницу. Черты ее дрогнули, складываясь в гримасу беспомощности, она прошептала:

— Лизонька, бедное дитя.

По морщине к губам скатилась слеза.

— Что ж, господа сыскари, — наконец фомко сказала Фараония, — ваша взяла — вяжите старуху, тащите в каземат. Моя вина, не сдержалась, колдовство черное, смертельное сотворила. Только вернись время вспять, сызнова бы ту глину вымесила, ни на миг сомнений не испытал. Звери эти, что над девчонкой-сиротой надругались, всего этого заслужили.

— В оплату вы у девочки жизнь ее взяли?

— Что? — Чародейка подняла воспаленный взгляд. — Ничего я с нее не брала, с Лизоньки, она сама так решила, что жить дате не стоит. Я ведь предлагала со мною остаться, заместо дочери.

— Когда предлагали?

— Да как только она на моем пороге истерзанная появилась. Это уже потом я разобралась, что случай с Лизаветой не случай вовсе, что всех приютских сироток спасти надобно. Бедное дитя. Она ведь пропащей себя после всего считала. — Из рукава появился носовой платок и Фараония трубно высморкалась. — Гнилой город, гнилые людишки.

— Степан Фомич про то знал? — спросила я осторожно.

— Разумеется!

— И про то, что вы тех куколок изготовили?

— Про это не знал.

— Вы сейчас пристава прикрываете, — сказала я дружелюбно. Эх, как второго допросчика недоставало! Волков, вместо того чтоб помогать, сидел соляным столбом и пялился, будто представление презанятное наблюдал. — Не нужно. Предположу, что вас, мадам Фараония, за какое-то чародейское преступление в Змеевичский уезд сослали.

Хозяйка бросила взгляд на Григория Ильича.

— Грегори-воин моего личного дела тебе не показывал? Правильно предполагаешь. Ссылная я, поднадзорная, оттого что набедокурила по молодости изрядно.

Ей было восемнадцать, возлюбленный имелся в дополнение к прекрасной будущности и чародейским талантам. И род ее был старинный боярский, и все к свадьбе шло. Только не дошло. Изменщик возлюбленный оказался, да еще и настолько глуп, что позволил невесте себя с другою застать в самой недвусмысленной позиции.

— Убила, — вздохнула хозяйка, — обоих, на месте, и плод во чреве моем от чародейства сторел. Меня за такие дела собирались сил полностью лишить перед ссылкой. Да батюшка все связи свои на помощь бросил, оставили. Лишенный сил чародей не жилец вовсе, я поклялась, что чардейство никогда не буду, только не забирайте. Сейчас иногда думаю, лучше бы тогда все закончить.

— Тогда бы вы Лизавете отмстить помочь не смогли, — сказала я твердо, — так что правильно жизнь ваша обернулась. Но не о том узнать хотелось. Блохин знал о глиняных куколках, потому как имел предписание ваше колдовство наблюдать. Знал, но простил, по инстанциям отчета не направил. Он под Чикову копал? Под дела ее приютские?

— В том числе. Степан быстро разобрался, что в нашем болоте рука руку моет.

— Какие аресты готовил?

— Не знаю, — всплеснула руками Фараония.

— Еще один вопрос. Почему вы нынче на балу у Бобруйского не присутствовали? Неужели не пригласили?

— Представь себе, нет.

— Спасибо. — Я поднялась с дивана. — И простите за ночное вторжение. Мы с Григорием Ильичом...

Тут моих ноздрей коснулся запах жженого сахара.

— Еще о чем-то хотела спросить, Гелюшка.

Я перекинула мысли в голове, как карточную колоду.

— Точно! Ничего от вас не укроется. Про стекло. Оно ведь чардейство полностью блокирует, так как же вы стаканы узлами закручиваете?

— Это просто. — Она пошевелила пальцами. — Надо за объект не стекло брать, а воздух, который его окружает. Нагреваешь воздух огненным арканом, от этого жара стекло и плавится.

«Действительно просто, — подумала я. — Тюрьмы для чародеев придется срочно видоизменять, до этой простоты кто угодно додумается, это вопрос времени».

— Благодарю вас, мадам Фараония. Господин Волков, пойдете.

Холерический темперамент Григория Ильича выразался на его лице нервным тиком: глаз дергался, желваки на скулах напрягались и опадали, будто от истового пережевывания.

По уму надо было бы мужчинку успокоить, но времени на то не было. Ни минуточки.

С крыльца Фараонии я слетела кубарем, запрыгнула в сани.

— Гони на Архиерейскую!

Служивый тронул, не стал лишнюю бодягу разводить, что-де без пристава это никак не возможно, тем более что сам Волков уже торопился. А хорошо в Британиях личный состав тренируют, любо-дорого поглядеть на бег молодого здорового мужчины по зимним берендийским просторам. И для темпераменту сплошная польза, весь в физическую активность испарился.

— Рыжая идиотка, — похвалил мистер Грегори меня, наконец перевалившись через борт.

— Торопиться надобно, Гришенька, — укрыла я шкурой его колени. — Опростоволосилась я, получается, не на ту гадалку подумала. А ежели пока я с Фараонией политесы разводила, преступники на мою Миху покусились? За Губешкиной пришли, да, не застав, горничную стращать принялись? Не прощу ведь себе.

Волков тяжело дышал, то ли от бега, то ли от того, что я шептала ему на ухо...

— Молодец, Гелюшка, — повернул лицо, поймал губами мой рот.

Ах, как же великолепно, когда хвалят. Но, даже зажмурившись, не получалось представить подле себя другого хвалителя, поэтому я мягко отстранилась.

— Полноте, ваше высокоблагородие, поберегите пыл для невесты настоящей.

— Ты-то себя бережешь.

— Не в том дело, просто голова моя так устроена, что лишь одну мысль вмещает. Сейчас только о преступлении думать могу.

«Перфектно, Попович! Не в том дело. Конечно, нисколечко. Ты же авансы натурально раздаешь! Не стыдно, кокетка приказная? Размякла от мужской ласки? Страстного кавалера с крючка не желаешь упустить? Коллекцию собираешь?»

— Да никто на твою Миху не покушается, — сообщил Волков уже спокойно.

— Расскажи про свою версию.

— Изволь. — Он посмотрел на возницу и придвинулся еще ближе ко мне. — Блохина твоего свои же приказные жизни лишили из-за

денег.

Прикинув и так и эдак, я фыркнула недоверчиво. Грегори продолжал:

— Оттого и дознания вести не стали, прикопали за оградкой, а сами деньги искать принялись.

Мы уже повернули на сонную Архиерейскую.

— Глупости, Гриня, — шепнула я, — искали бы, нашли непременно. Мне четверть часа всего на поиски понадобилось. В камине между скульптур запрятаны были под крышкой задвижной, я туда вместо денег беличий труп определила.

— А куда перепрятала?

— В том-то и дело, в спальне под кроватью саквояж валяется.

— Под опись сдашь.

— Разумеется. Только что это за деньги?

— Взятка.

— Нет! Сам рассуди. Предположим, Блохин шел в усадьбу Попова именно взятку получать. Да не шел, верхом мчался.

— Ну?

— Примчался, получил, двести рублей, предположим, неклюду за услугу отслуживил... Хотя что это за услуга должна за две сотни быть?

— Какому еще неклюду?

— После рассказа, — отмахнулась я, размышлять вслух было удобно и привычно. — Неклюд захотел больше, убил Блохина... Нет, не сходится.

— Это оттого, что ты свою версию отринуть не желаешь, а к моей наживо шьешь.

— Справедливо. Тогда давай свою поподробнее.

Ночное безмолвие разорвал звук револьверного выстрела, за ним последовали еще четыре. Грегори сорвался с сиденья, приземлился у калитки, перемахнул через нее и скрылся за стеною дома. Я побежала к парадному крыльцу. Выбить дверь не получилось, не в атласных бальных туфельках. Крикнула вознице:

— Мужик, подсоби!

Служивый высадил ее боком, наши работнички тоже не лаптем щи...

— Мишка!

Он стоял в гостиной у стола, из револьверного дула вился дымок, сам в моем чиновничьем мундире.

— Геля! — Оружие упало на ковер. — Геля-а...

Обняв рыдающего мальчишку, я гладила его по волосам.

— Ну-ну, успокойся, болезный... Первый раз в человека всегда страшно.

— В ноги целил, — всхлипнул Мишка.

— Не попал, — решила я, заметив две нетопырьи половинки, на ниточках свисающие над головой, и изрядную дырищу в потолке. — Это тебя отдачей подбросило, ты впредь не в ноги цель, а под ноги, как раз в корпус куда-нибудь угодишь.

Возница прошел на кухню, звякнул посудой, вернулся с жестяной кружкой, полной воды, сунул Мишке.

— Пей.

Зубы страдальца отбили дробь по жестяному краю, неярный еще кадык спазматично дернулся.

Приказной зажег обе настенные лампы, присвистнул.

— Однако!

— Молодец, Ржавый, — похвалила я с преувеличенной радостью, — подстрелил-таки разбойника.

Кровь блестела на полу лужицей, от нее капельками шла кровавая дорожка, а дверь пятнали веерные брызги. Плечо, либо предплечье правое, тело развернуло на полшага, а это вот я каблуками в лужу наступила. Значит, Мишка стрелял оттуда, от кресла?

Я обернулась к вошедшему с черного хода Волкову.

— Погоня завершилась сокрушительным фиаско, дворами злодей ушел, — сообщил пристав, изучая наряд «горничной», потом посмотрел на пол, — на снегу тоже кровь.

И воцарилась пауза. Возница стоял почтительно у порога, мальчишка всхлипывал, я лихорадочно соображала, как опишу сегодняшние события в официальном протоколе. Григорий Ильич поднял мой револьвер, щелкнул проверочно затвором, Мишка уронил посуду на ковер.

— Позвольте отрекомендоваться, господа, — проговорила я веско. — Надворный советник Евангелина Романовна Попович, сыскарь чародейского приказа Мокошь-града. — И добавила другим тоном: — Миха, ступай переодеться да постарайся мундир мой

аккуратно сложить. А вы, господа, располагайтесь. Зовут тебя как, служивый?

— Федором, вашбродь, — принял он мою шубу. — Дозвольте поинтересоваться, в столицах, что ли, баб в полицию нанимают?

Пожав плечами, я присела в кресло у стола, кивнула Волкову.

— Григорий Ильич, прошу простить мне этот вынужденный маскарад. Как вы уже, наверное, догадались, горничная моя тоже под личиной.

Мишка как раз вернулся в гостиную в моем шлафроке.

— Михаил Степанов, вольнонаемный.

Волков рассеянно посмотрел по сторонам, положил револьвер на стол.

— Чайку? — предложил Мишка.

— Не откажусь. — Григорий Ильич стряхнул с другого кресла штукатурку и сел. — Но сначала расскажи, что приключилось.

— Хозяйничал я, Евангелиночку Романовну с бала дожидаячись, притомился да туточки задремал.

— В мундире ее и с револьвером?

— Ну да, — покраснел Мишка. — Воображал себе всякое. Ну, соплю себе, сны уже смотрю про сыскные мероприятия, тут холодком подуло, я пробудился натурально и свет пригасил.

— Молодец, — поддержала я своего вольнонаемного. — Татей сколько было?

— Один был, с черного хода вломился да дверь, заметь, ключом отпер, даже без шума. Я затаился, за подлокотьем кресла меня от порога заметно не было. Он дом обошел, спальню за спальней. Бесшумно ступал, что на лапах кошачьих. Ну, думаю, пронесло, уйдет несолоно хлебавши. Но он в гостиную вернулся. Стоит, носом тянет, принюхивается. Рожи не видать, личина на ней черная, чулок или что-то вроде. Я дышать даже перестал. А он говорит: «Не прячься, милая». И ножик поднимает.

— Этот? — спросил вдруг Федор и достал из-за тумбы охотничью «щучку».

— Наверное, — пожал Мишка плечами. — Мне ж только силуэт видно было, из сеней свет в спину разбойнику светил. Ну я и выстрелил. Три раза. Первый еще целил, а после палил куда придется.

От этого «куда придется» придется мне ремонт мешанке Губешкиной оплачивать. Кроме потолка дырами от выстрелов украшены также и стены.

Федор вызвался помочь с самоваром, и они с Михаилом ушли на кухню.

— Грегори, — сказала я жалобно, — не сердись. Я собиралась тебе вот-вот признаться.

— Вы, Евангелина Романовна, определитесь, — холодно предложил он, — на «ты» мы или на «вы». Или желаете мне, к примеру «тыкать», а от меня вежливого обращения ожидаете? Класс ваш немногим моего выше, но берендийское чиновничество неистребимо.

— Как вы пожелаете, — исторгла я виноватый вздох, даже не заступившись патриотично за наши обычаи перед иностранцем, вот какую вину ощущала.

Григорий Ильич выдержал театральную паузу и по-мальчишески улыбнулся.

— А хороша ты, Попович, в допросах!

Зардевшись от похвалы, я ответила улыбкой:

— Ты, Волков, тоже молодец.

— Не утешай, — отмахнулся он. — Был бы молодец, с поцелуями к надворному советнику не совался.

Покраснев для разнообразия смущенно, я тряхнула головой.

— Проехали и забыли. О другом думать надобно. Но прежде поверь мне, пристав крыжовеньский, что мешать ни в чем тебе не буду, а только помогать по мере сил. И к слову, когда мне бумаги о назначении из столицы пришлют, твое имя в документах проставлю с огромным удовольствием.

Грегори изменение своего статуса воспринял вполне гладко, эманации мужские пригасил, стал деловит и собран. Вестимо, посулами должности обрадовался.

Парни смели со стола сор, убрали нетопырьи останки, накрыли к чаю. И мы вчетвером устроили рабочее сыскное совещание.

Начальник чародейского приказа Семен Аристархович Крестовский устроил форменный переполох на благочинной Цветочной улице. Он колотил в двери зоринского особняка не менее

четверти часа, пока заспанная горничная Марта (их обеих одинаково кличут, не перепутаешь), наконец не впустила ночных гостей.

— Удержу Семка не поддается, — оправдывался перед Иваном Мамаев, не забыв потрепать девичью щечку. — Меня тоже из постели выдернул.

Иван Иванович обитал в особняке с недавнего времени. Поначалу, когда супруга его Серафима в свои сновидческие пределы удалилась учебу продолжать, вернулся молодожен на холостяцкую квартиру. Привычнее ему так было. С недельку примерно все своим чередом шло, но в один прекрасный день в приказ статскому советнику Зорину телеграмму доставили.

«ты что творишь вскл смерти моей хочешь впр артемидор ума сходит тчк домой ступай вскл абызов».

Иван Иванович телеграмму зачел трижды, последний раз даже вслух.

— Серафима Карповна, — расшифровал умный Мамаев, — учуяла, что ее супруг молодой не на месте, отчего тревожится и науке в полной мере не отдается, вот блаженный учитель Артемидор и явился во сне господину Абызову, чтоб он тебя к порядку призвал.

Зорин вздохнул тяжело, отбил ответную депешу: «Будет исполнено» и переехал на Цветочную со всеми вещами.

Семен Аристархович бросился к другу:

— Ванька, с Гелей беда!

— Разберемся, — зевнул Зорин. — Марта, голубушка, прими одежду у господ сыскарей. Мы в кабинете побеседуем.

— Кофею подать?

— Непременно подай. — Мамаев плотоядно улыбнулся. — С коньячком. Семен Аристархович у нас в ажитации пребывает, надобно подлечить.

Горничная сделала книксен, пристроила мужские пальто на вешалке и ушла в кухню. Вскоре в том же направлении протопала еще одна пара женских ножек. Вторая Марта спешила на помощь, лакея они, видимо, решили не будить.

Кабинет у Зорина был основательный, ему под стать. Дубовая полированная мебель, обширный письменный стол с лампой под

зеленым абажуром, на стене портрет супруги верхом на крылатом коте. Эльдар Давидович на портрет мельком посмотрел и сесть попытался спиной, чтоб не отвлекаться на грустные мысли.

— С восьми вечера, — сказал Крестовский, — оберег Гелии не отвечает.

— Сняла? — предположил Зорин.

— И я говорю, сняла. — Мамаев насильно усадил Семена в кресло.

— Зачем?

— Ну мало ли, может, чтоб в декольте ее «ять» видно не было. Может, светить перед какими чародеями опасается. Ты знаешь, сколько в Крыжопене этом чародеев? Вот и я не знаю. Иван, ну хоть ты скажи!

— И скажу. — Зорин включил и выключил настольную лампу. — И наверное, Семушка, нечто неприятное тебе.

Включил сызнава и убрал руку.

— Ты, господин Крестовский, сейчас не как начальник себя ведешь, а как обыкновенный ревнивый мужик. И в этой своей ипостаси точно так же все контролировать желаешь. Это плохо. Евангелина Романовна — сыскарь, она в Крыжовень с заданием поехала и исполняет его по своему разумению. Пригляд и контроль ей без надобности. Будь какая нужда в нашем участии, Геля отправила бы призыв, и вся недолга. Дурацких амбиций за ней не замечено, так что недоверие твое ничем не подкреплено, зато обидно.

В дверь легонько постучали, и вошла Марта с подносом, другая горничная придержала створку и помогла с сервировкой. Пока девицы хлопотали, сыскарки хранили молчание. Мамаев налил в две рюмки янтарного коньяку, пригубил кофе, изобразил лицом удовольствие, подмигнул Мартам. Девушки удалились, Зорин взял рюмку.

— За наших женщин! И за доверие.

Крестовский тост поддержал, глотнул коньяку, взболтнул остаток, глядя на янтарные блики.

— До утра подождем. Если Геля оберег обратно наденет, значит, все в порядке, если нет...

— Отправишь меня по жиле земляной. — Эльдар подхватил с блюдца кружочек лимона. — А я весь этот Крыжопень по бревнышку размечу. Хотя... Погоди, если Геля не наденет оберег, он будет неактивен и навести не получится.

— Во-от, — протянул Семен, опрокидывая в себя рюмку. — И тогда в Крыжовень отправлюсь я тихим ходом, и через три дня, когда доберусь, от этого Крыжопеня даже пепелища не останется.

— Метки нам надо вводить повсеместно, — сказал Зорин, — чародейские, навроде маяков. Это я не о нынешней ситуации, а на будущее. В каждом уездном городе неплохо бы такую иметь на всякий случай.

— Предположим, сняла, — не слушал друга Крестовский, — предположим, декольте. Восемь вечера. Сейчас у нас час пополуночи. В два гости обычно начинают разъезжаться...

— Геля может остаться обыск учинить.

— Соваться без защиты? На Попович не похоже.

— А вдруг?

— Сыскарики, — перебил друзей притихший было Зорин, — все с Евангелиной Романовной в порядке. Я ее чую.

— Как?

— Оберег она сняла, а артефакт мой для чтения по губам с собою прихватила.

— Перфектно, — обрадовался Мамаев. — Отставить переживать! Если до рассвета приказной «ять» не вернется на девичью шейку, Семен отправит меня десантом на Иванов губочитательный маячок.

— Как-то так, — подтвердил Иван Иванович, — и если уж времени до рассвета у нас много, а спать нам Семен Аристархович все равно не даст, давайте над письмом покойного Блохина поразмыслим. Есть у меня одна забавная идея.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в коей версии приобретают стройность, аресты не производятся, а расклады и обстоятельства меняются

Карта Книга в позиции прошлого говорит о том, что вы владеете всеми необходимыми знаниями и можете на них опираться, в позиции будущего указывает на скорое изучение чего-то нового, а в позиции настоящего — на поступление важной информации. Обретая знания, вы обретаете власть и силу.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Чаепитие в разоренной мещанской гостиной надолго не затянулось. Мальчишка зевал в полный рот, возбуждение отступило, его клонило в сон.

— Ступай, Михаил, — велела Геля, — отдохни.

Вольнонаемный без возражений удалился. Федора тоже отправили в пустующую горницу губешкинской девки, толку от него было немного. На все вопросы чиновной барышни мужик бормотал «не могу знать».

Евангелина Романовна, невзирая на позднее время, демонстрировала бодрость и недюжинный аппетит. Откушала щей с хлебушком, варенья с хлебушком и просто хлебушка, запивая сладким чаем.

— Оголодала на балах ваших хуже собачонки бездомной!

Ела она, к слову, вовсе как кошка, а не как собака, аккуратно, небольшими кусочками и мурлыкала от удовольствия, щуря зеленые кошачьи глаза.

Грегори тоже хотел спать, но спать ему было нельзя. Где-то там за морем великие чародеи Ордена Мерлина уже ощутили полонку артефакта и стремились утащить Волкова в свое колдовское забытье. Если он сейчас поддастся, болтаться ему в туманном хороводе неделю, а то и больше. Что за эти дни успеет натворить Евангелина Романовна, вообразить страшно. Бойкая какая сыскарка. Сыскарка! Слово-то какое нелепое. Даже наречие берендийское к эдаким феминитивам приспособлено мало. Наречие — мало, зато Попович к ремеслу — изрядно. Хороша, чертовка! Особенно в допросах. Волков же ею любовался, когда она мадам Фараонию на шестеренки разбирала. За двух полисменов работала, и за злого, и за доброго. Расслабила старуху, заморочила, на откровения вывела, все вопросы заколотила один к одному. Интуиция у нее скорее женская, оттого на чародейке сработала без ошибок. Любопытно будет посмотреть, как Ева с сильным полом на допросах управляется. Хотя какая она, к черту, Ева? Геля и есть. Простая, как новый гривенник и такая же блестящая. Всех желаний, чтоб похвалили. Забавно, но комплименты красоте своей девичьей игнорирует, мимо ушек пропускает. Григорий Ильич это быстро уразумел, потому на мастеровитость барышни в восторгах налегает. А она и рада слушать, краснеет мило, глазищи смущенно прячет. Ох обломится Грине женских прелестей надворной советницы, непременно обломится.

Воспользовавшись тем, что Евангелина Романовна увлеклась сооружением очередного сэндвича с берендийским малиновым желе, Волков достал из своей бонбоньерки пилюльку, прикрыл глаза, ощущая холодок во рту. Средство было верное, часов десять бодрости подарит, после придется дозу увеличивать.

— Не нравится мне, Григорий Ильич, твоя версия.

— Отчего же? — Волков наклонился и стер салфеткой малиновую капельку с уголка девичьего рта.

Хорошо получилось, интимно, но без излишеств. Гелюшка тихонько охнула, но не отшатнулась. Привыкает кошка к хозяйской ласке.

— Оттого что... Не нравится, и все. Своим доверять надобно.

— Вот Блохин и доверился на свою беду.

Красная капелька на белой ткани нравилась Грегори чрезвычайно, возбуждала даже. Он не удержался, пальцем по ней провел; ощущая,

как от руки к животу бежит по нервам горячий ручеек, предложил:

— Давай я завтра приказ на эксгумацию покойника выдам? Вот сама и посмотришь, как приказные людишки изворачиваться будут, чтоб только того не делать.

— Перфектно! С этого и надо начинать. Осмотрим, определим причину смерти. — Геля откусила от чудовищного сэндвича. — Только этим Бобруйского не прижать.

— А ты с крыжовеньским величием собралась сражаться?

— Со злодейством, Григорий Ильич, просто так получается, что купчина-богатея самое главное здешнее зло и есть.

Как она была в этот момент прелестна, рыжая восторженная дурочка, размахивающая в воздухе бутербродным огрызком. Справедливость, законность, отвага. Глаза горят, грудь вздымается, локоны вокруг лица подпрыгивают. Такими вот прекрасодушными созданиями прочие пользоваться обожают, которые сами по расчету живут и в гадкой человеческой природе не заблуждаются. Гриня как раз из последних.

Совещания у нас не получилось из-за позднего времени и низкого качества сыскарской подготовки половины совещательных персон. Григорий Ильич только меня радовал, был любезен, холерического темперамента не демонстрировал, с поцелуями не лез. Идеальный напарник, право слово. Толково пересказал мне допрос письмоводителя Старунова, практически по ролям, снабдил выводами. Версию его я в мыслях крутила и так и эдак. Со счетов ее списывать, разумеется, не следовало. Но моя версия мне нравилась гораздо больше. Бобруйский хотел смерти пристава. Бобруйский заплатил сто тысяч, в жовтне еще. Пристав помер. Все. Перфектно. Дальше начинались неясности. Сто тысяч превратились в девяносто девять тысяч восемьсот, упрятались в камине проклятого дома. Когда? До или после смерти? Двести рублей. Столько заплатили Захарии Митрофановне за какой-то смертный расклад. Совпадение? Куда исчезла гадалка? На встречу с кем сопровождал Блохина неклюд? Ну, последний вопрос я завтра же и разрешу. Нужно будет всего среди пяти тысяч населения человека с огнестрельным ранением вычислить.

— Гриня, — позвала я, подавив зевок, — а давай спать? Утро вечера мудренее.

— Почивай, — разрешил он, — я на страже покараулю. Вдруг ваш ночной разбойник вернется?

— Подстреленным? Нет, его точно можно не ждать.

— Ты поняла, за кем он приходил?

— За провидицей Зарой. Я нынче Бобруйскому наплела, что статью о смертельных колдунствах против пристава покойного писать буду, вот он и велел подручным все ниточки, что могут к нему привести, обрубить.

— Мещанку Губешкину?

— Нет, прямо так не говорил, разумеется. Сдается мне, что его подручные на руку нечисты оказались. Он денежки отвалил, чтоб Фараонии передали, а подчиненные сэкономить решили. Заплатили двести рублей провидице Заре за соломенные чучелки, а прочую сдачу припрятали до исхода дела. Точно спать не хочешь? Просто в хозяйской спальне свободная кровать имеется.

— Вот на ней и расположись. Не стоит Мишку твоего хождениями среди ночи будить, умаялся парень. — Волков придержал мой локоть, помогая подняться. — А я рядом в кресле устроюсь, побеседуем заодно, пока тебя не сморит.

Ко сну я решила не переодеваться, туфельки только скинула и забралась поверх покрывала на высокую постель. Грегори подвинул к кровати большое кресло и стал в нем походить на дежурящего у одра больного родственника.

— Соломенные чучела, провидица Зара, — напомнил он вполголоса.

— Ах да... Началось все еще в жовтне. Соломенных кукол стали регулярно подкладывать под постель приставу в «Храме наслажде...» Буковки перепутаны! Умора! Я тебе... уже говорила. Прости. Только действия эти гомункулы не оказали, то ли от слабости колдовства, то ли оттого, что Блохин не в борделе развлекался, а к Нюте на свидания бегал. Там же от Сливовой до Гильдейской дворами всего ничего. А в грудне что-то произошло, что-то, заставившее дело ускориться. Барин на воды засобирался и, видимо, велел в свое отсутствие от Блохина избавиться.

— Заснула? — через какое-то время раздался шепот.

— Что? — встрепенулась я. — Нет-нет. Он велел и отбыл, а подручные закончили дело уже по-простому, безо всяких смертных

обрядов. Славная ведь версия? Все в ней сложилось одно к одному.

— Молодец, Гелюшка.

Хорошо, в темноте Грегори моей улыбки видеть не мог. Позорище какое, расплылась Попович сиропной лужицей.

— Поэтому сегодня, когда Бобруйский сказал следы подчистить, один из помощников решил Губешкину на тот свет снарядить. Не потому даже, что след от нее ведет к барину, а оттого, что от гадалки тот про всего двести заплаченных рубликов узнать мог. Подчищалы...

— А другой?

— Какой другой?

— Ты говорила, подручные.

— Говорила? Говорила... Много их в Крыжовене. Гнилой городишко какой, от верхушки до основания. И не боятся же никого, ни бога, ни черта, ни императора. Потому что все далеко... — Семен перебирал своими длинными пальцами мои волосы, я прижалась губами к прохладной ладони. — Все далеко, а местное начальство близко. Закон себе отдельный придумали, исконно-посконный, дедами-пращурами завещанный. Только деда от того закона в гробах вертятся, на дела отпрысков глядячи. Приют сиротский в скотный двор превратили, детишек что поросят на продажу разводят, лиходеи. Мишка мне такие страсти рассказывал... А Блохин твой столько лет это все наблюдал и мер никаких не принял.

— Может, мой Степан Фомич большую операцию готовил? — шепнули мне в ухо.

— Тоже об этом подумала. Но тогда хоть что-то от его планов остаться должно было. Но Волков все документы в кабинете просмотрел. А он мужик вострый. Эх... Листок, что я в квартире покойного пристава обнаружила, должен немного свету пролить, а я ни строчки углядеть не смогла. Вот за это вас, чародеев, и не обожаю, все у вас не по-простому, все с колдунствами... Ты же Степану чародейских стекол посылал... погоди, мне эту мысль обдумать надобно.

— Успеется, Гелюшка. — Жаркий близкий шепот, от которого кровь по жилам бежит искристыми ручейками. — Расскажи мне побольше о городишке этом уездном, обо всем, что прознать успела.

— Расскажу, все расскажу...

Проснулась как по команде. Открыла глаза. Светало, Грегори сопел рядом на подушке. Перфектно. У него к холерическому темпераменту в комплекте еще и сомнамбулизм идет? Фрак Волкова висел на спинке кресла, сорочка же, распахнутая на груди, позволяла любоваться гладкой смуглой кожей до самого пупка. То есть позволяла бы, если бы у меня было на то желание. Не было. Осторожно, чтоб не разбудить, спустилась я с кровати и побрела во двор. По утрам человечество посещают другие желания, определенные и неотложные. Единственное, на что отвлеклась, в спальню заглянула, чтоб оберег приказной из шкатулки достать.

— Доброго утречка! — По пояс голый Федор растирался снегом из свежего сугроба.

Мишка дрожал рядом с мужиком, но тоже отважно елозил ладошками по своей цыплячьей груди.

— Геля! У нас гимнастика!

Поздоровавшись, я продолжала путь, шаркая валенками, найденными в снях. Из-за двери с сердечком мне были слышны басовитые хеканья, мальчишеский визг и прочие звуки, сопровождающие обычно утренний моцион берендийского сильного пола в зимнее время года.

— Геля! — позвал Мишка весело. — А у Федора фамилия тоже Степанов! Представляешь?

Вот почему приличная девушка должна себе что-то представлять именно в местах уединения? Я промолчала.

— Геля!

Ни минуты покоя.

— Геля!

— Ну чего разорался? — вполголоса сказал Федор. — В дом пошли, завтрак соорудим, воды согреем. Барышня Попович умыться и переодеться пожелает.

— Геля! — заорал пацан. — Мы в гостиной накроем, чтоб кухню тебе для омовения освободить. Я платье и белье разложу на табуреточке, и чулки, и пантало...

— Умолкни! — не выдержала я. — Что ж ты меня, балбес, при коллегах-подчиненных позоришь?

— Мундир, что ли, она хочет? — спросил Степанов-младший у старшего.

Донесшийся в ответ звук я определила как подзатыльник. Двор наконец опустел.

Вернувшись через четверть часа в дом, я нашла кухню для своих нужд подготовленной. Партикулярное платье висело на стенном крючке рядом с банной пушистой простыней, белье стопочкой лежало на табурете. Стол придвинут к стене, на полу бадья и два полных ведра, на плите котелок с закипающей водой. Мыло, волосяная щетка, пучок шпилек, все разложено на другом табурете. Военный такой порядок, отчего-то смутно знакомый.

Кольцо с пальца сниматься не желало. Я дергала его и так и эдак, намылила даже тканую перчатку, но не сдвинула ни на вершок. Вот ведь чертобесия!

Сняла левую нитянку, бросила на пол, потянула правую, она тоже снялась. Кольцо осталось на пальце. Я проморгалась. Золотой крест на синем фоне. Сапфир, такие же у шефа моего в ушах какие-то чародейские функции исполняют. И глаза у Семена Аристарховича точно такого же оттенка, жалко, что во сне я их не видела. Нет, стоп, об этом не думать! Почему я кольцо снять не могу?

Через мгновение я рассмеялась, хлопнув себя по лбу. Это ведь обручка, старинная фамильная драгоценность. Григори его на меня давеча именно как на невесту надел. То есть номинально мы с ним обручились, значит, и снять его только с отменой обряда получится. Сейчас переоденусь и попрошу коллежского асессора меня обратно раскольцевать.

Плескалась я минут двадцать, еще двадцать приводила в порядок волосы и одевалась. Грязную одежду свернула тючком, после отсортирую, что в стирку, что в чистку, и вышла в гостиную. Оба Степановых при моем появлении вытянулись во фрунт.

— Вольно, — улыбнулась я. — Григорий Ильич почивает?

— Никак нет, — ответил Федор. — Господин пристав на службу отправились, велели мне при вашем высокоблагородии оставаться и транспортом обеспечивать.

— Перфектно.

Я прошла в хозяйскую спальню. На подушке, придавленный футлярчиком с «жужей», лежал бумажный лист.

«Ваше высокоблагородие, Евангелина Романовна, — написано там было витиеватым аристократическим почерком, — дела служебные вынуждают меня покинуть вас немедленно. Приказной Степанов остается в вашем полном распоряжении. Саквояж с деньгами, девяносто девять тысяч восемьсот рублей ассигнациями, номера которых будут немедленно внесены в список младшим письмоводителем Старуновым, я изымаю. Жду вас с победою. *К. а. Волков Г. И.*»

И размашистая завитушечная подпись.

Итак, Григорий Ильич дает мне карт-бланш на личные сыскные мероприятия, не утруждает советами и снабжает даже помощником, демонстрируя лестное доверие. Придется его оправдать. Хороший он мужик и приставом станет превосходным. Деловитый, аккуратный, «жужу» вон даже мою с пола подобрал и вернул. И сохранностью саквояжа озаботился.

Вернувшись в гостиную, я села к накрытому столу.

— Давайте завтракать, служивые.

Федор приглашению последовал с опаской, Мишка же, не чинясь, плюхнулся напротив.

— Ярмарка же нынче начинается, я Федору уже все обсказал, он с нами неклюда искать пойдет.

Сдобрив творог ложкой сметаны, я принялась есть. Пацан оживленно болтал, я исподволь поглядывала на приказного возницу. Обычный мужик под сорок, эталонный такой берендеец, сероглазый, русоволосый, нос уточкой, подбородка, разумеется не видно, потому что борода. Ну, то есть в нашем случае, довольно густая и неопрятная щетина.

— Давно в приказе служишь? — спросила я.

— Так с травеня.

— А раньше где проживал?

— Новоградские мы, — отвечал Федор обстоятельно, — артельщики бывшие по пеньковому делу. Артель того, по миру пошла, вот мы в Крыжовень и перебрались.

— С артелью?

— Почему? — испугался мужик. — Сам я, один.

— Понятно, — произнесла я шефово паразитное слово противным шефовым голосом.

— Что понятно?

— Что врешь.

— Вот вам крест.

— Не святотатствовать! — прикрикнула я, погрозила ложкой. — Шрамы на боку тебе конопля оставила? На пеньку отмачиваться не захотела? Прямо шрапнелью в бочину — ба-бах!

— Собака подрала? — предложил Федор неуверенно. — Вот такенная зверюга, чистый волк.

— Не похоже, — сообщила я с оттенком печального сочувствия. — Боевые у тебя шрамы, человеке, и борода свежая, ты толком даже не разобрался, как ее запускать. Потому что брился до этого регулярно по-военному. Это я сейчас даже армейскую твою склонность все по ниточке раскладывать в расчет не беру.

Федор потупился.

— Пристав Степан Фомич не велел нам про службу военную откровенничать, когда в приказ брал. Отставные мы лейб-гренадирского полка Новоградской дивизии.

— Вот и славно, — вернулась я к трапезе. — Не терплю, когда за дуру держат. Да ты, Федор, ешь, не стесняйся, нам за неключом, может, до следующего утра гоняться.

Мишка переводил восторженный взгляд с меня на своего однофамильца, будто не силах решить, кто из нас двоих более восхитителен, барышня-сыскарка или солдат отставной.

Федор будет нам очень кстати. В имперских войсках гренадиры используются для штурма вражеских укреплений и служат там парни физически крепкие и сметливые, в противном случае служат они недолго и до сорока Федоровых лет не доживают.

— Значит, так... — прятала я в муфту револьвер через час после завтрака и убеждалась в наличии в кармашке шубы чародейских очков. — Мишка, не высовываться, пальцами в объект не тыкать. Ведешь Костыля под ручку, пока он на нужного неключода не укажет.

Федор тоже почтительно внимал инструктажу, он успел уже запрячь лошадку (то, что с ночи он ее успел не только распрячь, но и определить в сарай к соседям через улицу, вообще стало для меня

приятным сюрпризом, толковый мужик, чего уж там) и теперь ждал нас в сенях, распахнув тулуп.

— Костыль неклюда показал, ты помечаешь объект и уходишь.

— Чем помечаю?

— Вот, — передала я пузырек. — Бриллиантовая зелень, краска заграничная, нив жизнь не отмоеся. Брызгани ему... Не открывай! Там пимиочка на пробке специальная. Не здесь! Во дворе тренируйся! Говорю же, не отмывается оно.

Бесславно прервав инструктаж, я еще несколько минут Любовалась сугробами в нарядных зеленых разводах.

Погрузились в сани. Утро было уже в разгаре, рыночная площадь наполнялась многолюдным гомоном. Любит наш народ ярмарки и прочие увеселения, ни минуты праздника упускать не желает. Мишка, обряженный привычно девицею, спрыгнул у балаганной карусели, убежал за товарищем.

— Вашбродь, — спросил меня Федор, — пометит парень нужного неклюда, дальше-то что?

— Мы с тобой меченого в укромное местечко заведем и произведем арестование.

— За что?

— Неправильный вопрос. Не за что, а для чего. Для последующего допроса. Право такое нам законом дадено, отвезем в приказ, запрем в камере и... Ну там я и без тебя справлюсь. Ты мне лучше вот что скажи: в тот день, когда труп Блохина обнаружили, сам ты где находился?

— Не могу... — начал свое «не могу знать» отставной гренадир, но замолк, не договорив. — Так я ведь Давилова с парнем к проклятой усадьбе повез, ну и покойника, стало быть, с ними после.

— Погоди... — Я даже на облучок пересела для удобства беседы. — Мне другое рассказывали. Прибежал в присутствие мужик в тулупе.

— Тулуп помню, — кивнул Федор. — И лошадку его тоже, основательный такой арлеец-трехлетка.

— Рысак в санной упряжке?

— Не было такого, даже вообразить невозможно. Мужик в тулупе верхом прискакал. Я еще подумал: откудава, интересно знать, неклюды эдакого трехлетку умыкнули?

Неклюд? Не крестьянин? А как же тулуп? Это-то при чем? Тулуп кто угодно носить может, самая удобная по зимнему времени одежда.

Федор меж тем продолжал:

— Кинул мне поводья у привязи, глаза пучит, спрашивает: «Начальство твое, служивый, где?» Я только ответить, что не могу знать, собрался, а он перекрестился и к крыльцу пошел.

— А дальше?

— Через немного времени выбежали из приказа уже втроем, Давилов велел мне сани запрягать, а парню, Старунов который, лопаты из сарая прихватить.

— Неклюд с вами поехал?

— Да, но верхом на своем арлейце. Приехали, Давилов сразу к приставу бросился, парень рыдает, на коленях ползает, я подсобил покойника в сани грузить, неклюд тоже помогал.

— А веревку кто резал?

— Которую? А, висельную. Не могу знать, неклюд, наверное, перед тем как на помощь скакать.

— То есть Блохина вы не на суку обнаружили?

— Под деревом лежал, холодный уже совсем.

— Рядом никого не было, никаких подвод либо саней крестьянских? Никаких мужиков?

Федор отрицательно дернул головой.

— Один Степан Фомич нас дожидался.

Перфектно. Версия событий приказного извозчика с вариантом юного письмоводителя вовсе не совпадала.

— Дальше что?

— Обрато поехали.

— В приказ?

— Почему в приказ? Обрато в Крыжовень, то бишь на погост.

«Что?! — мысленно возопила я. — Они даже не оставили тело в мертвецкой? Даже не осмотрели?» Возопила мысленно, уточнив вслух:

— На городское кладбище?

— Тоже не совсем. Неклюд что-то там про освященную землю бормотал, а Давилов сказал: «Самогубцев за оградой хоронят». Ну и зарыли.

— В смысле?

— Чего в смысле, лопаты-то при нас были, по очереди яму копали чуть не до рассвета.

— А как же... — Я пошевелила в воздухе пальцами. — Как же положенные всякие атрибуты? Гроб, например.

— Домовина? Домовина была, мы ее во дворе погостном у сторожа выменяли на бутылку водки.

«Охохонюшки, дело-то начинает версии Волкова соответствовать. Как собаку зарыли, чтоб все концы в воду. Кстати, а концы-то эти что собой представляют?»

— И тебя ничего в этом спешном захоронении не удивило?

— Никак нет. Начальство... то есть Давилов, он ведь в отсутствие Степана Фомича главным стал, велел обо всем помалкивать, что-де господин пристав позора не вынес, руки на себя наложил, а мы, приказные, имени его позорить не должны. Потому что все по роду своей службы братья названные... и сестры, — включил меня Федор в семейный круг приказных.

Беседу пришлось сворачивать, Мишка уже тащил к саням хромящего на костылях оборванного мальчишку.

— Это Костыль, Костик то есть, — представил он спутника.

— Евангелина Романовна, — подмигнул черным глазом калека, — Ржавый много хорошего про вас говорил.

— Про репортерские расследования, — уточнил Михаил. — А это Федор Степанов, Евангелиночки Романовны жених... Да не пялься ты так! Не он! Федора наш жених для охраны и транспорта приставил.

— Сани-то приказные, — забросил в них костыли Костыль и ловко перемахнул через борт. — Разборчива твоя Евангелина Романовна в женихах.

— Мы тебе рубль цельный не за похвалы глумливые платим, — ответил Мишка гордо и сел рядом с калекой.

Я поехала на облучке с гренадиром. Мальчишки сзади болтали о своем, Костик делился приятскими новостями, Мишка хвастался, что ест три раза на день, спит на кушетке и даже горячей водой моется.

Жалость болезненно полоснула по сердцу. Несчастные дети. Бедные дети. Во сне я пыталась объяснить Семену, что с беззащитными созданиями так нельзя, что непременно спасти всех надобно, всех их голодных, избитых, развращенных, разуверенных и убогих. Говорила, что, если не смогу по закону поступить, утворю

беззаконие, но всех чудовищ местных накажу. Семену? Ах, если бы мой львиногривый Крестовский действительно мог ко мне явиться! Но не сновидец он у нас ни разу. Так что говорила я сама с собою, оформляя в мыслях преступные, в сущности, решения. Забавно, но воображаемый Семен Аристархович со мною соглашался. «Гелюшка, — шептал он, — в человеческом мире понятия закона и справедливости совпадают не всегда. Мы стражи закона и по нему действовать обязаны. Но ежели справедливость вопиет...» Как-то так. И обнимал нежно, отчего косточки мои плавилась в янтарным жаре.

Воспоминания о последнем отделились истомою в теле, пришлось даже поерзать, чтоб в себя прийти.

Широко раскатанный пригородный тракт был запружен нарядными санями и не менее нарядными прохожими. Лошадиные загоны, возведенные на берегу Крыжи, манили дельцов, как продавцов, так и покупателей. А ледяной каток на речке — прочую публику. Неподалеку от конного рынка образовался небольшой сопутственный со всяческой упряжью, кожевенными изделиями, кузнечными услугами, подковами и сеном. Еще дальше пестрели разноцветно шатры неклюдов. Потому что где много лошадей, там много неклюдов, примета верная берендийская.

— Только на ярмарку в город их допускают, — сообщил Федор. — Начнется теперича: «Позолоти ручку, яхонтовый, всю правду скажу, что было, что будет, на чем сердце успокоится».

Оставив сани у привязи, мы заплатили какому-то смуглому пацаненку гривенник, чтоб за ними присмотрел. Тот покосился уважительно на Федоровы приказные петлички, но монетку взял.

— Значит, так, — сгребла я за ворота своих малолетних помощников. — Никаких театров чтоб мне устраивать не смели. По ярмарке гуляете чинно, внимания к себе не привлекая. Мы с Федором будем за вами в отдалении следовать. Нашли нужного неклюда, Мишка его для меня пометил, вы, не задерживаясь, в город пешочком. Все понятно?

— Понятно, — кивнул Мишка. — На Архиерейскую или в приказе тебя ждать?

— Неча меня ждать, тем более в присутствии. Оба домой ступайте. Покорми там Костика, хозяина доброго изобрази. И вот

еще... — Я достала из муфты ассигнацию. — Одежду нормальную купи, не могу уже на тебя в дамских нарядах любоваться.

Мальчишки дружно уставились на радужную бумажку.

— Бобровый воротник себе справишь, — сказал Костыль с притворной завистью, — и тросточку. На паперти ребятам расскажу...

— На паперть возвращаться не смей! — перебила я резко. — Лохмотья твои чтоб к моему приходу уже в печи догорали, а ты меня в новом и чистом ждал.

— Приют сиротский как же?

— Никак.

— Геля, — протянул Мишка жалобно, — второго беглеца Чикова тебе не спустит.

— И чего сделает? В приказ жаловаться прибежит? Пусть попробует.

— Фартовых натравит.

— Вы запритесь изнутри, — решила я, — с фартовыми мы тоже разберемся со временем. Все, сыскарики, работаем. Сопли подобрали и вперед, на задание.

Мальчишки неторопливо побрели прочь, Мишка вытирал лицо рукавом хозяйской шубки.

— Она у тебя кто? — спросил его Костыль приглушенно.

— Не у меня, паря, теперь у нас.

— Вашбродь, — сипло пробормотал Федор, — чего прикажете?

Я вздохнула, азарт уже вибрировал в позвоночнике.

— Разделяемся! Я слежу за пацанами, ты за мной. Все время на меня не смотри и, избави боже, не заговаривай. Когда объект к укромному месту направится... Не перебивай! Какое решу, то и укромное. Знак тебе подам, рукою вот так, — я показала, — помашу. Тогда беги со всех ног на выручку.

Отставной гренадир кивнул. Я нашла глазами яркий Мишкин платок и двинулась в том направлении, один раз только обернулась, чтоб убедиться, что Федор положенной для слежки дистанции придерживается.

Мальчишки гуляли: поглазели на ручную обезьянку шарманщика, купили у разносчика леденцовых петушков на палочке (я и себе один взяла для интересу), прошли сквозь кожевенный ряд, поотирались у дощатых загонов.

Неклюдов вокруг было преизрядно, и баб неклюдских, и детишек их вороватых. Мне уже не единожды приходилось чумазые ручонки у кармана отбивать. Бабы приставали с гаданиями. Одна молодуха с кудрями до середины спины, повязанными алым шелковым платком, наскочила из-за лавчонки, крикнула звонко:

— А вот тебе, красавица!..

— Прочь, — велела я.

Неклюдка отпрыгнула обратно. Костик стоял, прислонившись спиною к деревянной перегородке, сосал рассеянно петушок, держа оба костыля в одной руке. Посмотрел на меня, кивнул, повел головой в сторону. Мишка как раз шел к нему, поправляя под подбородком платочный узел.

Готово дело?

За Ржавым обнаружился пожилой неклюд в распахнутом тулупе и алой под ним рубахе. Зеленая полоса шла от рукава к воротнику, продолжалась даже по щеке, заканчиваясь жирной точкой на седом виске.

Перфектно.

На незадачливую гадалку я все-таки обернулась. Странненько, они-то, бабы их, бойкие обычно, а эта от одного «прочь» улепетнула. Успела заметить, как неклюдка скрылась под пологом одного из шатров.

Ладно, обождет.

Меченый мужик мечености своей, кажется, пока не заметил. Его полное внимание приковал вороной жеребец, выгуливаемый под уздцы конюхом.

Мальчишки быстрым шагом удалялись в сторону тракта. Калека управлялся с костылями умело и ловко.

Мой выход. Теперь главное — торопливости не проявить. Народу вокруг много для хорошего арестования, вдруг на помощь барышне бросятся, ценного неклюда повредят.

Объект закончил любоваться жеребцом, обернулся к парням с гитарами. Те веселились громко, показывая на бриллиантовую зелень. Мужик что-то отвечал, зубы сверкали в улыбке, наклонился зачерпнуть снегу, попытался оттереть рукав, после щеку. Мог бы не утруждаться, дней десять с него это зеленоцветие не сойдет, а с тулупа и вовсе никогда.

Неклюдь, продолжая хохотать, гурьбою пошли от загона прямо в мою сторону. Меня как раз невероятно заинтересовали липкие прелести моего леденцового, уже безголового петушка. Экая чудовища потешная.

— Мэ ничи на джином, — говорил меченый.

«Я ничего не знаю». Неклюдским я перфектно не владела, но кое-какие обороты понимала. Парень с гитарой скалился:

— Дядька Шандор... — Дальше не разобрать, вроде как подшучивает.

Объект беззлобно отбрыкивался от молодых спутников, последние, поравнявшись со мною, не преминули подмигнуть, прицокнуть языком и прочими доступными средствами выразить восхищение.

— Зовут-то тебя как, солнышко? — позвал один.

Посмотрев задумчиво вдаль, я сунула в рот леденец.

Федор показался в конце торгового ряда, стал прицениваться к хомутам. Неклюдь прошли наконец мимо. Шандор откинул полог гадательного шатра, пропустил выходящую из него девицу, по виду клиентку, гортанно бросил спутникам: «Тэ явэн бахталэ! Счастливо пребывать!» (попрощался, значит) и скрылся внутри.

Ладно. Я кинула под ноги петушок, махнула условленным махом и, не дожидаясь Федора, последовала за объектом. Пальцы привычно обхватили револьверную рукоять. Кольцо непривычно вжалось в кожу.

— Берем? — шепнул гренадир, нагоняя меня.

— Рано. Там еще кто-то может быть, гадалка, может, с клиенткой даже. Занимаем позицию снаружи, я у входа, ты позади шатра, на случай, если кто-нибудь через разрез в ткани скрыться попытается. Вариант первый: объект выходит первым, тогда мы его скручиваем и тащим в сани. Вариант второй: выходит, наоборот, клиентка. Я немедленно вхожу и действую по обстоятельствам, ты охраняешь периметр снаружи и ждешь прямых указаний. Понятно?

Федор утвердительно кивнул и отправился на свою позицию.

Прошло несколько минут. В шатре велась негромкая беседа, слов не разобрать, но, кажется, по-берендийски, голосов два, мужской и женский. Ждать дальше бессмысленно.левой рукой с муфтой я отодвинула полог, держа в другой револьвер на уровне пояса.

— Чародейский сыск, всем оставаться на местах!

Завизжала женщина. Светильник качнулся, я уклонилась с траектории, пропустив его слева. Стрелять вовсе не хотелось. Неклюд даже не поднялся с табурета, так и сидел. Гадалка же — это она бросила в меня лампой, металась из стороны в сторону, старалась расцарапать ногтями тканую стену, вжималась в нее всем телом. Федор снаружи, вспучивания заметив, видно, прихлопнул ладонью, потому что девка взвизгнула, для разнообразия возмущенно.

— Смолкни, — велел гадалке неклюд. — Видишь, чародейский сыск не палит в нас почем зря, авось обойдется.

— Приказной чин Степанов, — сказала я громко, — сюда ступай да прихвати с земли светильник, там где-то валяется.

Все замолчали; Федор скрипел снаружи сапогами, чертыхался под нос; звякнула железная ручка фонаря, полог отошел, впустив сначала косой луч дневного света, после массивную фигуру помощника, вернулся на место. Под пологом разлился теплый свет чародейского светильника.

Женщина стояла, низко опустив голову, вороные кудри почти скрывали лицо. Я присмотрелась внимательнее. Именно она мне гадать пыталась. Взгляд от нее почему-то уходить не хотел, держался, видно, чем-то неявным, но необычным. Что-то не так. Что?

— Доброго денечка, — поздоровался невпопад Федор, поднимая фонарь над головою. — Вот ведь одно к одному получается. Вашбродь, это ведь тот самый тулуп, нешто не признали?

Как? Как я должна была признать тулуп? Легион их в Берендии, неклюдов, кстати, тоже немало, а то, что пристава один и тот же тулуп, то есть неклюд... Тьфу!

— Господин Шандор, — начала я веско, — вы арестованы.

— Не так начала, красавица, — пропел мужик, — не с того. Мы люди мирные, завсегда навстречу служивым идем, законы имперские чтим и соблюдаем, но, ежели хоть одного из нас бесчестно в казематы потащат, все поднимемся.

— Ты, милоч, только что бунтом мне угрожать вздумал?

— Избави господи, — веселился неклюд. — Сказал же — бесчестно.

Ситуация вырисовывалась патовая. Будь с нами человек пять подкрепления для солидности да имей я на руках хоть какие-то приказные бумаги, можно было бы и настаивать. А так... Не войну же

в отдельно взятом таборе устраивать, право слово. Я постреляю, неклюды разъярятся, городские в ответку поднимутся, нам же только повод дай. Ладно, изобразим временное отступление.

— Хорошо, — притворно вздохнула я, — придется первый допрос немедленно провести. Не обессудь, если по результатам решу тебя с собою забрать...

Строевым шагом пересекла я шатер, положила револьвер поверх карточного расклада, села к столу, кивнула помощнику:

— Степанов, лампу сюда поставь, будь любезен, и снаружи покарауль, чтоб нам не мешали.

Федор отправился выполнять, неклюдка бочком попыталась прошмыгнуть следом за ним.

— Куда собралась? — рявкнула я начальственно, девка застыла. — Здесь оставайся, с тобою после разберусь. Сядь в уголке да бежать не пытайся.

Гадалка опустила на какой-то сундучок, потупилась, сызнава пряча лицо. Поздно, милая, сыскарка Попович уже все, что нужно, в твоей персоне разглядела, но говорить пока про то не будет, изъян у сыскарки в головушке, только одно дело за раз делать может и одну мысль думать. Так что сиди пока, мучайся неизвестностью, свиристелка.

Очень не хватало мне в этот момент приказного самописца либо какого завалящего допросного формуляра. Когда за допрашиваемым сразу все записываешь, оно удобнее и уважение у собеседника вызывает.

Шандор смотрел на меня черными блестящими глазами, молчал, рожу скорчил высокомерно-глумливую: давай, мол, чародейский сыск, выкручивайся, а мы поглядим. Я собрала со столешницы колоду, перемешала ее не особо ловко, сняла левою рукою к себе, вытащила карту, положила в круге света. Туз пик.

— Рассказывай, дядька Шандор.

— Что именно, красавица?

— Почему пристава в освященной земле не похоронили?

Вторая карта тоже была тузом, червовай масти. Что это значило, я не имела ни малейшего понятия.

— Что да почему, — протянул неклюд напевно. — Ты об этом лучше сослуживцев своих допрашивай, мое дело маленькое, сказали

копать, я и копал.

На столетию лег трэфовый туз.

— Сказали Блохина на смерть отвести, отвел? Или, может, сам поспособствовал?

— Что за нелепица?

Перфектно! Передо мною лежало рядом четыре туза, а собеседник начал нервничать.

— Я прострелю тебе оба колена, — проговорила я мечтательно. — Регенерация у тебя, разумеется, не человеческая, неклюдская, но пару часов непременно промаешься, а то и дней. Соратникам твоим доложу, что ты не только имперские законы презрел, но и ваши, человека безвинного на тот свет отправил. Ох они не обрадуются, грех это для неклюдов, страшный грех. Знаешь, что дальше произойдет? Тебя изгонят, Шандор, непременно изгонят, станешь гаджо, сгниешь, как все они.

Я картинно принялась. Мой хороший приятель Бесник об обычаях своих соплеменников меня некогда просветил, он сказывал, запах гаджо далеко разносится. Но это для неклюдов, я же их органами чувств не обладаю, а сейчас просто ломаю комедию.

— Откуда ты только взялась такая разумница?

— Из Мокошь-града, — картинно удивилась я. — Чародейский приказ, надворный советник Попович. Ну так что? Бросим ваньку валять или пойдем сразу барону твоему жаловаться? Времени у меня не особо много, но уж выделю денек, полюбуюсь, как тебя сперва батогами отходят, а после... — Я понизила голос до едва слышного шепота: — «Печать отвержения» в оборот пустят, чтоб твоего внутреннего зверя запечатать.

Шандор помертвел лицом, зыркнул в сторону сидящей на сундучке девки. То, что я сейчас с такой легкостью ему сулила, было большой неклюдской тайною, со стороны в нее мало кого посвящали. Неклюды, как известно, двуипостасны, некоторые из них и наяву могут в зверя перекидываться, особенно при полной луне, но другая половинка, животная, есть у всех. Когда преступника изгоняют (преступление действительно должно быть серьезным для такого наказания), неклюдский барон запечатывает ему эту вторую половинку, или, скорее, лишает ее. Откуда я про то прознала? Так

охотились мы с товарищами сыскарями-чародеями за таким вот гаджо. К слову, не без успеха.

Сразу будто постаревший на десяток лет Шандор устало сказал:

— Не убивал я Степана и на смерть не вел, не знал, на что веду.

— Пятое грудня. Ты за ним в Крыжовень прискакал.

— Не за ним, — вздохнул неклюд, — торги в тот день были лошадиные, я арлейцев пару удачно прикупил, ну и пошел в приказ, чтоб мне на купчей печать поставили, чтоб, значит, сделку заверить. У нас же уездный народ как думает: неклюд с лошадьё, стало быть, украл. Вот и приходится за каждой малостью в присутствии порог обивать.

Выразив сочувствие хмыканьем, я поторопила:

— Дальше?

— У заставы, торжище, как обыкновенно, за городом шло, мальчишка какой-то из наших за стремя уцепился. Помоги, говорит, дяденька, по-свойски. Неклюдов-то в Крыжовень не пускают обычно, а ему нужно было Степану Фомичу письмо какое-то передать.

— Что за мальчишка? Из вашего табора?

— Наверное, — хмыкнул Шандор, — ежели тебе понадобится и мальчика допросить, так я попробую поискать. Только пустое дело. Подошел к нему какой-то господин в бобровой шубе, дал денежку и велел немедленно приставу послание передать. Ну я все равно в приказ направлялся, захватил эпистолу. По позднему времени Блохин один в присутствии сидел, хороший мужик, не стал кочевряжиться, что-де завтра приходи за печатями, сам шкапчик отпер, ляпнул мне по одной на каждой купчей. А пока я на чернила дул, чтоб быстрее подсыхали, конвертик распечатал.

— Что там было?

— Письмо, — подивился неклюд моей бестолковости. — Даже два. Потому что один лист красивый такой, знаешь, наврде грамотки, хрусткий, беленький, с вензелями по краю, а другой вообще обрывочек от обертки бумажной с ладонь величиной. Блохин все прочел, застонал, будто зубы разболелись, и говорит: «Помоги, Шандор, ради бога, подвези, одолжи арлейца». Ну, я рассудил, что не жалко для хорошего человека, тем более что приставу только туда, до места, лошадка нужна, а крюк и вовсе небольшой получается.

— Понятно, — сказала я точно как шеф. — А дальше?

— Поскакали по тракту к нечистой усадьбе; пристав коня гнал, мне тоже пришлось не отставать. К ней не подъезжали, за полверсты где-то Блохин спешился, поблагодарил и попрощались. — Шандор помолчал немного, вздохнул. — Пока я в табор ехал, все думал, что не по-людски поступаю, бросил хорошего мужика одного, даже помощи не предложил. И так меня эти мысли разобрали, что оставил лошадушек уставших на помощников да свежую себе снарядил. Думаю, вернусь, гляну, что к чему. Ну и вернулся.

— Сколько времени прошло, пока скакал до табора и обратно?

— Часа два, может, больше, я ведь домой не торопился особо, арлейцев не гнал. Прискакал, а Блохин... Ночь на исходе уже была, самое темное небо, луна яркая, что монета золотая, снег тихонько так падает, а на суку осиновом пристав в петле болтается. Я его снял...

— Как? — переспросила я быстро. — Подробно давай, по шагам. Спрыгнул из седла... Дальше?

— Подошел к осине. Посмотрел. Высоко. Тулуп скинул, нож в зубах зажал, да и полез по стволу. Сверху чикнул по веревке, покойник упал, я нож за ним бросил, спустился, нож подобрал, в ножны спрятал. Грех на земле верный клинок оставлять. Тут Блохин застонал.

— Он жив еще был?

— Ага. Только совсем уже плохой, отходил.

— Что он тебе сказал?

— Что не жилец, чтоб я не медлил, а в приказ отправлялся, кого-нибудь из служивых сюда привез, что болван он первостатейный, потому как от бабы опасности не ждал... Ах да, велел приказным передать, чтоб зарыли его без отпевания и за погостом. Я все исполнил. Полкан этот, Евсей, что ли, который приказной, меня выслушал и все по завету начальственному сделал. Мы когда с санями уже вернулись, Степан Фомич совсем закоченел, душа его покинула.

— Раны какие на теле заметил?

— А то. Выше живота прокол был, навроде как от ножа. Евсей сам осматривал, никого не допустил, но я видел, когда он рубаху на покойнике задирает. Здесь. — Шандор уверенно ткнул себе в солнечное сплетение, после суеверно подул на ладонь. — И карманы он обшарил тщательно, никаких писем не нашел.

Толковый какой неклюд этот Шандор и сердоболен.

— Спасибо, дядюшка, — проговорила я чистосердечно, — и за рассказ подробный, и за помощь, что ты товарищу моему покойному оказал.

— Теперь-то что?

— Никаких чужих следов ты около висельного дерева не заметил? Копыт, к примеру, лошадиных либо полозьев?

— Ничего такого. Человечьи были, изрядно. У холма натоптали и вроде ходили к развалинам либо от них. Парень все порывался дом обыскать, только Евсей не позволил.

— Понятно. Что ж, господин Шандор, не смею тебя более задерживать. Ежели вопросы какие возникнут, я за тобою младшего чина какого в табор отправлю либо сама в гости явлюсь.

— Вот и славно. — Неклюд поднялся с табурета. — Девчонку с собою заберу?

— Эту? — Я посмотрела на гадалку с хищною улыбкой, девица всхлипнула, Шандор сызнава сел. — Никак нет.

— Тогда и я обожду.

— Не стоит. Разве что это ты лично поручился, чтоб в табор не неклюдку допустили.

Вот как же я театральные эффекты обожаю, неприлично даже. Пауза возникла тяжелая, густая, любо-дорого, на сцене такие выстрелами заканчиваются либо дамской истерикой в партере.

— Не я, — сказал наконец Шандор, — но, раз она уже с нами, отвечаю наравне с прочими.

— Что ж, — я пожалала плечами, — в своем ты праве, мы законы нетитульных берендийских народов уважаем, когда они в разрез с общими имперскими не идут. Дозволяю тебе и на этом допросе присутствовать, только будь любезен свой табурет даме уступить, чтоб мы с нею через шатер не перекрикивались.

Рокировка проходила в молчании. Девица пошатываясь приблизилась, села по кивку, ее колотила дрожь, даже плечи ходили ходуном. Неклюд подвинул сундучок поближе к столу.

Продляя паузу, я собрала колоду, перетасовала ее и протянула гадалке.

— Снимешь?

Она подчинилась, пальцы с обгрызенными ногтями, костяшки шелушатся, рабочие руки.

— Итак... — вытащила я карту не глядя. — Вопрос первый. Куда ты труп мещанки Губешкиной дела? А, Дунька?

Девушка лишилась чувств, тело стукнулось об пол.

А все твои эффекты театральные, Гелюшка! Допрыгалась?

— Вашбродь? — заглянул на звук Федор.

— Полог придержи, — велела я, стоя на коленях перед сомлевшей девушкой, — света мало. Ежели эпилепсия...

— Да обморок это. — Неклюд достал из-за пазухи запечатанный сургучом шкалик казенки. — Горазда ты, Попович, жилы тянуть.

Резкий водочный запах ударил в нос. Шандор наклонил горлышко, струйка ударила в плотно сжатые губы девушки, волосы мешались, я сняла их вместе с платком. Под вороним париком обнаружилась типичная берендийская русая коса, закрепленная вокруг головы.

— Вашбродь! — ахнул Степанов.

— Держи, служивый, — протянул шкалик неклюд, — поправься.

И, освободив руку, ляпнул по девичьей несколько рябой щечке.

— Ну же, милая!

Федор булькал за спиной, поправляясь. Дуняша закашлялась, разбрызгивая водочные слюни.

— Ну вот и славно. — Шандор придержал ее за плечи. — Экие вы, бабы, созданья нежные. Давай барышню из себя строить переставай, отвечай сыску чародейскому, мне даже самому любопытно, что и куда ты прикопала.

— Полог-то держать, вашбродь? — икнул Федор.

— Не нужно уже.

— Так я пойду? Или позволите тут посторожить?

— Без разницы.

Раздражение мое было вызвано тем, что я допросного преимущества лишилась. Шандор со своею казенкой главным стал. Все беды от водки. От нее, а не от моих эффектов, истину говорю.

Вернувшись к столу, я села. Приказной Степанов спросил с излишней развязностью:

— А кличут как нашу убивцу?

— Евдокией, — ответила я. — Она горничной у провидицы Зары служила.

— И до сих пор служу, — пискнула Дунька, — потому как, что бы вы, Евангелина Романовна, ни надумали, жива моя хозяйка и в отменном здравии пребывает.

— Вот и славно. — Шандор достал еще бутылочку. — За здоровье.

— Где пребывает? — зыркнув на Федора, чтоб пить не смел, задала я вопрос.

— Так в таборе. — Дунька в ту же сторону взгляды кидала, заинтересованные такие, бабьи, гренадир мой от них явственно краснел. — Приютили нас с нею неклюды. Захария-то Митрофановна на весь уезд славу имеет.

— То есть вы из Крыжовеня сбежали? Зачем?

— Так расклад смертный у нас с хозяйкою получался, что так, что эдак. Она уж и меня снимать заставляла... Говорит, плохо дело, не выживем с тобою, в городе оставаясь. Надо место сменить, тогда, может, обойдется. Потому как кинжал-карта в комплекте с племянницей мокошьградской идет, а раз от Гелюшки мы избавиться никак не можем...

— Понятно.

— Нынче только расклад сменился, кинжал из него пропал, вот хозяйка и дозволила на ярмарку мне поехать, чтоб денюжек немного заработать.

— Двести рублей уже потратили?

— Каких еще двести... — начала было девка развязно, но смутилась. — И про то прознали, барышня. Те деньжищи мы в храм отнесли, в ящик для пожертвований вбросили, еще когда про смерть пристава слухи дошли. Потому как поганые две сотенки, бесчестные.

— Смертное заклятие на Блохина вы навели?

— Получается, что да. — Дуняша разревелась. — Не думали даже, что так обернется, бес попутал.

— Как наводили? Кто заказал?

— Не знаю-у-у... Хозяйка меня к обряду не допускала, только велела куколку из соломы сплести-и-и...

Сердобольный неклюд подсунул ей шкалик.

— В солому что вплетала? — вбросила я наобум.

— Волосы-ы-ы...

Шандор отобрал бутылочку, дал баранку с маком. Цельная лавка у него в тулупе, что ли... Я сглотнула слюну, хотелось есть.

— Собирайся, поехали, — поднялась с табурета.

— К-куда?

— В табор, с хозяйки твоей допрос снимать.

Возражать никто даже не подумал. На случай, если проблемы с неклюдским начальством возникнут, пригласила я с нами и Шандора. Дуняша напялила обратно свой парик, я спрятала револьвер в муфту, на этом сборы и закончились.

До саней шли парами, я держала под руку девку, позади мужики. Федора слегка развезло, сколько шкаликов из бездонных запасов неклюда было выпито, я не считала. Править ему не доверю, пусть Дуняшу сторожит. Упустит, невелика беда, Зара-то уже никуда не денется.

— Возьмешь вожжи? — предложила я Шандору. — Дорогу знаешь лучше прочих. — И уселась подле неклюда на облучок.

Тронулись, выехали по тракту, свернули на бездорожье. Приказной Степанов любезничал с девицею, та не отставала.

— Дело-то нехорошее, — пробормотал Шандор.

— И подсудное. — Вечерело, мороз пробирал до костей, снег шел с неба густой, мягкий, не должно при таком подмораживать.

— Обеих баб в тюрьму закроешь?

— Получается, что да, — зябко поежилась я. — С одной стороны, обряд их к смерти не привел, с другой... Там посмотрим. Мне бы только имя заказчика у Зары узнать.

Мыслишка у меня в голове крутилась очень подлая: «Узнаю персону да отвернусь вроде как случайно, и если обе преступницы в тот момент побег устроят, так вины на мне не будет. Я не я и лошадь не моя».

Табор расположился ниже по речному течению у редкого лиственного перелеска. Обустроен был наскоро, без ограды либо частокола, шатры соседствовали с распряженными кибитками, последних было даже больше. Шандор гортанно здоровался со встречными, направил лошадку к общему загону. Народу было мало, большинство на ярмарке промышляло, но кому принять поводи́я нашлось. А провидица Зара нашлась в одной из крайних кибиток.

— Барыня! — обрадовала ее Дуняша. — А племянница-то ваша нас отыскала.

Та радоваться не спешила, выбралась на снег, подслеповато щурясь, поздоровалась с Шандором, по имени его, впрочем, не называя. Оглядела Степанова, горестно вздохнула и протянула ко мне руки:

— Вяжи, надворный советник, старую злодейку.

— Погодите сдаваться, тетушка, — предложила я дружелюбно. — Нам бы с вами закуток какой для беседы найти сперва.

Для допроса нам отвели большой шатер. В центре его в выложенном камнями углублении горел костер, а у стен стояли дощатые столы с дощатыми же лавками. Неклюдская старуха, сюда нас сопроводившая, велела у входа отряхнуться. По-берендийски она не говорила, Шандор перевел, а также объяснил, что баба эта что-то навроде матри арха, обращаться к ней надобно «бабушка» и оказывать почтение.

Я, отряхнувшись, почтительно поклонилась, сказала по-неклюдски:

— Найс тукэ, мами (спасибо, бабушка).

Ноздри старухи раздулись, она приняхалась, глаза же, скрытые бельмами слепоты, остались без движения. Она быстро что-то заговорила.

— Мами говорит, — перевел Шандор, — что ты хорошая девочка и баешь чисто. Спрашивает, какой парень тебя по-нашему учил.

— Бесник прозывается, — не стала я врать, — Вольского барона сынок, я с ним в столице познакомилась.

Старуха свистнула пронзительно, в шатер вошла девочка, бабушка ей что-то велела.

— Вечерять будем, — перевел неклюд, — вы с Зарою пока в уголок ступайте.

— Наис тукэ, — повторила я и обернулась к Губешкиной: — Идемте, Захария Митрофановна.

Мы устроились у стены, Шандор с Федором занялись костром, Дуняшу определили в помощь по хозяйству, накрывать стол с другой стороны.

— Давайте, тетушка, — предложила я дружелюбно, — без утайки мне все рассказывайте.

— Да какие утайки ужо... Ты-то, лисица рыжая, времени зря не теряешь, про все прознала.

— Не про все. Например, кто вам Блохина извести заказал?

— Не извести.

— Сызнова юлите, заказ-то был. Лично вам, госпожа Губешкина, пристав ничего плохого не сделал, чтоб колдовать против него.

— Ну был. Только не на смерть. Это уже после я раскумекала, к чему моя соломенная куколка привела. Дура старая. Двести рублей! И не пришло же в голову, что деньжищи услуге не соответствуют. Жадность глаза застила.

— Кто?

— Да Манька Мишкина.

— Мария Степановна? Мадам Мими из «Храма наслаждений»?

— Она, сто лет ее, охальницу, не видать... Прибежала в слезах, спаси-помоги, рыдает, а у самой синячина в пол-лица, совсем пристав с катушек слетел, еженощно девиц моих мучает, за меня вон принялся. Спрашиваю натурально: «С меня-то какой спрос, иди, говорю в управу, жалобу строчи». Она: «Да нешто его приказ против начальства пойдет? Спасай, драгоценная провидица, наколдуй, чтоб Блохин зловерный мужской силы лишился, ну хоть не совсем, а вполовиночку. Знаю, есть такие способы, через гомункулов». Я: «Гомункулами не балуюсь, неча напраслину возводить». Она: «О прошлом годе давала ты плетенку купчихе Олялиной, чтоб супруг ее по девкам ходить перестал». Я...

— Уговорила, короче?

— Ну. И главное, мерзавка вперед заплатила, чтоб, значит, с крючка мне не соскочить. Кликнула я Дуньку, у самой-то пальцы уже стариковские, заскорузлые, велела куколку вертеть да волосья, Манькой поганой оставленные (она их в борделе своем с гребешка собрала), чтоб приплести не забыла.

— Обряд над куклой какой был?

— Обычный, на связь. Тело к телу, волосок к волоску, все такое прочее.

— В купели не нарекали, святую воду из церкви не пользовали?

— Да как можно? — Губешкина испуганно перекрестилась. — Это ведь черное колдунство безбожное, нежить в купели нарекать.

Перфектно! Если тетка не врет, а мне отчего-то верить ей невероятно хочется, на тюрьму она пока не наработала.

— В жовтне это было с Манькой?

— В половине где-то, числа пятнадцатого или четырнадцатого.

— Что подумали, когда про самоубийство Блохина прознали?

— Что убийца подумала, что грех на мне несмыываемый, пошла даже, дура старая, к Мишкиной двести рублей возвращать. В «храм» ее, тьфу, прости господи, в распутный дом. А она надо мною посмеялась. «Денежку-то, провидица Зара, — говорит, — трать, не сумлевайся, лишила ты пристава мужской силы до конца и полностью». А после, отсмеявшись, зашипела змеюка: «Про заказ мой забудь и болтать о нем не смей, за заклятия смертные пойдем на каторгу в одной связке, не поверит никто, что обманом у тебя куколку требовали». Ну я и пошла восвояси, велела Дуняше деньги проклятые в церковь снести как пожертвование, а когда узнала, что Степана Фомича без отпевания зарыли да за оградкою, каждодневно за помин молиться стала. Только не замолишь смертного зарока, никак не замолишь. С тех пор мне этот мученик почитай еженощно во снах являлся. Так что вяжи меня, Гелюшка, авось карою совесть свою успокою.

Губешкина опять протянула мне запястья.

— Погодите сдаваться, — взяла я ее за руки. — В смерти Степана Фомича другие люди повинны.

— Какие еще другие?

— После расскажу. А вот пристав покойный вам во снах как является? К примеру, одет он всегда одинаково? Просит, может, чего?

— Просить не просит. Стоит и смотрит с укором. А одет... Ну наверняка одежда какая есть, мне ж не двадцать лет, чтоб голых мужиков грезить. В мундире он, точно. Из груди еще ножик торчит.

Любопытненько. Может, и не совесть по ночам гадалку мучает, а призрак Блохина? С покойниками, конечно, ничего наверняка знать нельзя, но знающие люди говорят, что иногда душа не сразу на ту сторону отходит, скитается среди живых. Держит его что-то? Дорогу найти не может? Ну ладно, перезахороним останки по людским обычаям, на земле освященной, душа и облегчится. А ежели Степану Фомичу мести возжелалось? Ну, месть не месть, но справедливость будет установлена непременно. Мне только Мишкину прижать осталось, имя сообщника выпытать, чтоб обоих по закону запереть, а после по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных»

светит им даже не каторга, а казнь через повешенье. Потому как преступники гражданские, а жертва, напротив, при чине.

Захария Митрофановна все не унималась, каялась, волосья себе принялась драть. Я посмотрела жалобно на Шандора, неклюд намек понял.

— А не выпить ли по рюмочке для успокоения? — и поднес чарку старухе.

Та опрокинула, хекнула, закусила квашеным огурчиком. Прочие уже расположились у другого, накрытого к ужину, стола.

— Давайте, девицы-красавицы, откушаем степенно, — бормотал Шандор, помогая Губешкиной пересесть. — А после попросим провидицу Зару картишки раскинуть, бабы сказывают, мастерица она в гаданиях, что неклюдка урожденная.

Лесть старухе по нраву пришлось, да и водочка свое действие оказала. Кормили наваристым гуляшом, называемым бограч, пахучим и невероятно вкусным. Я спросила рецепт и дословно его запомнила, пригодится. Водку, кроме меня, пили все, даже древняя мами и малолетняя Дунька. Последняя вовсе разомлела, обстреливая Федора столь мощными по страстности взглядами, что мужику кусок в горло не лез.

— Дуняша, — спросила я с фальшивым добродушием, отхлебнув какой-то анисовый узвар из своей кружки, — а лет тебе сколько?

— Осьмнадцать, — отвечала пигалица.

Я посмотрела внимательнее. При первой встрече я дала ей всего пятнадцать. Сейчас, в ярком неклюдском наряде, Дуня выглядела гораздо взрослее. Да уж, если девица половозрела, шансы приказного Степанова на холостую будущность стремятся к нулю. В оборот его взяли резво.

— А с Антипом-извозчиком давно гуляешь?

Этот вопрос был вызван вовсе не бабьей ревностью. Конечно, можно было бы и наедине его задать... Ладно, кого я обманываю? Немножко и ею, совсем чуть-чуть, захотелось с кокетки спесь сбить.

— Больно надо, — не смутилась девица. — Гулять еще! Это Антин волочился, что псина бездомная, а я только успевала отвороты давать. Он уж и у дома меня подкарауливал, и возле рынка. Одним вечером ветрел в Сапожном проулке, я из храма возвращалась, прими, говорит, Дуняша, подарочек да бусики мне сует. Чистый ужас, а не

подношение. И не бусики вовсе, а навроде ленты змеюка разноцветная. Он только ее из мешочка достал, я в крик и домой побежала. Так неслась, что валенок даже с ноги слетел, босая к хозяйке явилась, а она меня за то заругала.

Губешкина кивнула.

— Было дело.

Стало быть, этот Антип не только с одинокими пассажирами свой фокус навий проворачивал? Однако. Завтра же велю Волкову... то есть попрошу меня в камеру отвести, побеседую с незадачливым Дуняшиным поклонником.

После трапезы мами закурила маленькую деревянную трубочку, велела:

— Пусть гадалка человеческая свое искусство покажет.

Шандор перевел, Захария Митрофановна достала из-за пазухи колоду. Неклюдка раздула ноздри.

— Бабушка спрашивает, какие арканы пользуешь.

Провидица Зара фыркнула.

— У чародеев арканы, у нас все по-простому. Дунька, сними.

— Девочка тебе зачем?

— Дар у нее, посильнее моего будет. Теперь ты, мами.

Неклюдка шелкнула по картам загнутыми черными ногтями, сбила.

— На грядущее гадать не буду, — журчала Губешкина, — его сразу не проверишь, а мне похвастаться охота. Значит, мужей у тебя, мами, было два, детишек... четверо, все мальчики. Трое уже не с тобою, четвертый...

Я отвлеклась на размышления.

Мишкина. С ней понятно. Вернусь в город, немедленно в бордель отправлюсь. Что еще? Бобруйский. Я же должна была нынче ему визит с женихом нанести для интервью. Перетопчется купчина. Мне в нем интересу пока никакого. Мишкина назовет подельника, скорее всего, это Сереженька ее драгоценный, господин Чиков. У Чикова я узнаю имя заказчика, запротоколирую все тщательно и с этим протоколом уже к Гавриле Степановичу явлюсь для ареста. А он плюнет мне в глаза и отопрется. Я тогда косвенных улик подсыплю. Беседу с Фараонией и сто тысяч ассигнациями. Скажу, все номера в банке

конторщик переписал, прежде чем на руки выдать. И не так прямо скажу, чтоб на вранье не попасться, а вроде как намеками.

А ведь завтра вечером неделя истекает, сызнова с вокзала мокошьградского поезд в Змеевичскую губернию отправится. Время-то как бежит. Как там мои товарищи? И отчего я до сих пор документы о назначении нового пристава не получила?

Неклюдская старейшина уже удалилась, Губешкина гадала Шандору, он хмыкал недоверчиво, седой башкой мотал. Сулили ему прибыток да новость о казенном человеке. Федору выпала любовь. Кто бы сомневался, Дунька так тщательно для него колоду мешала.

— Тебе, Гелюшка, раскинуть? — спросила старуха.

— Не нужно, я еще с кубками и котами обещанными не разобралась.

— Так, может, сменился расклад, сплошь и рядом такое бывает. Снимай!

Я послушалась, только чтоб отстали. Провидица Зара лихо разложила веер картинок, сообщила:

— Сердечко твое разбитое никуда не делось, не склеил пока никто.

Какая глупость, право слово.

— Заступник у тебя появился, — сказала гадалка.

— Вот и славно.

— Черный человек, недобрый.

— Захария Митрофановна, — предложила я, — вы бы себе раскинули. Можно ли вам уже в Крыжовень возвращаться?

Интерес к моим сердцам немедленно испарился. Дунька потасовала, отдала хозяйке колоду.

— Значит... — начала Губешкина. — Это сызнова смерть выпадает. Еще одна? Погоди, погоди... Три? Вот эта вот мужская карта и...

Она собрала картинки, смешала задумчиво, раскинула не глядя, вздохнула и опустила глаза к столу.

— Чего там, барыня? — испугалась Дуняша.

— Собирайся, загостились мы.

— Чего?

— Того. Смертей три, и ни одна из них к нам касательства не имеет.

— А они уже произошли? — полюбопытствовала я.

— Того не скажу, не близкие люди.

— Так я мигом, — подскочила служанка, — тогда и Федор Федорович нас в Крыжовень отвезет.

— А мне нужно с неключами, что нас приютили, попрощаться.

И женщины вышли из шатра, придерживая друг друга под руки. Потому что водка зло!

Приказной Степанов, будто избавленный от морока, схватил со стола горбушку и стал хлебать свой остывший уже бограч. Шандор набил трубочку, затянулся, выпустил к потолку колечко дыма.

— Деревенский мужик какой-то твоих баб в табор привез, гадалка в ноги барону упала, упросила оставить, от смерти неминуемой сберечь. Это мне мами рассказала.

— Всем в Берендии неключское свойство беглецов принимать известно.

— Законы у нас такие.

— Да я не в укор.

— Хорошо, что ты их назад заберешь, — пыхнул дымком Шандор. — Мами говорит, гадание у твоей Зары вовсе чудное, на наше непохожее, опасается бабушка, что эта инаковость неприятности принести нам может.

Мы помолчали. От сытости клонило в сон. А неплохо было бы покойного Блохина во сне увидеть, ножик его рассмотреть, спросить про всякое. К примеру, как его листочек из кисета прочесть или куда он чародейские стекла от Крестовского приспособил?

— Стекла? — спросил вдруг Федор, откладывая облизанную ложку.

Неужели я вовсе вслух размышляла? Перфектно.

— Не простые, чародейские.

— Так любые плавить можно, — сообщил приказной Степанов, как я пару минут назад выяснила, Федорович. — Ходил я к стеклодувам за эдакой работой. Только крестов там никаких не было.

— Погоди. — Сон как рукой сняло. — Блохин тебе эту работу поручал?

— Ну да, то есть короб дал берестяной, увесистый, велел на Вокзальную свезти, там мастеровые — те, которые не в артели, проживают. Гнумы то есть.

— Как мастера кличут?

— Так стеклодув он. И короб бренчал по-стекольному, и после, когда его открыли...

— Что велел Блохин?

— Письмо передать до купы и ответа дожидаться. Ох, доложу вам, и любопытное это ремесло! Гнум из короба все в чугунок такой хитрый пересыпал, меня к мехам определил, чтоб жар, значит, надувал.

— Когда это было?

— Точно не помню, снега еще не было, но листва с деревьев сошла.

— Дальше что? В какую форму стекло переплавили?

— Ничего такого, я даже удивился неприятно. Шишечка малая получилась. — Федор отчеркнул большим пальцем на ладони. — Вот такусенькая.

Подбежав к очагу, я подобрала уголек и, вернувшись, сделала рисунок на столешнице.

— Похоже?

Степанов внимательно посмотрел, кивнул.

— Похоже, только та белая была.

Тихонько зарывав, я стукнула себя по лбу.

«Дурында ты, Попович! Забыла, с кем дело имеешь? С чародеями! А у этой публики ничего просто так в клозетных бачках не валяется. Это ведь ручка от цепочки, которой ты так легкомысленно при обыске пренебрегла. Ты всем пренебрегла, и самой цепочкой и кисетом. Рун ты не заметила своими очками слабосильными? Стекло сквозь стекло не разглядела? Нет тебе прощения!»

Художества со столешни я стерла ладонью, плевать, что примета плохая, я и без примет маху даю будь здоров. Поклонилась Шандору:

— Спасибо, дядька, за помощь, благодарность мами своей от меня передай и от лица всего берендийского сыскного департамента.

Федор тоже махнул поясной поклон и вышел к саням.

— Чудная ты барышня, Попович, — сказал неклюд. — Не в обиду, на воительниц древних похожа, но не воин ни разу, по-крестьянски проста, но хитра сверх меры, хороша, но красотой не дорожишь. Как в тебе только эти противоречия умещаются?

— Перфектно, — гордо расправила я плечи.

— Вижу, что идеально. Бесника своего увидишь, привет от табора на Крыже передай.

— Всенепременно.

— И не морочь парню голову.

— Чего?

Шандор шевельнул ноздрями.

— Пахнешь ты больно вкусно, непременно он вокруг тебя кругами ходит.

— Ваши мужчины, дядюшка, ни единой девицы не пропускают, чтоб не обнюхать.

— И то правда.

Мы вышли из шатра, Федор уже устраивал в санях Губешкину с Дуняшей.

— Ну, прощай, сыскарка столичная. — Неклюд обнял меня и поцеловал троекратно по берендийскому обычаю. — Поймай и накажи всех тутошних злодеев, если уж у нас кишка тонка оказалась.

Поцелуи я стерпела, хотя были они далеки от отеческих. Неклюд, а туда же. Седина в бороду, бес в ребро. Пахну я ему! И поделом Мишка его озеленил. Заблаговременно, можно сказать, рассчитался.

Ехали уже глубокой ночью. Женщины в санях дремали, я воздерживалась, а ну как засну и на дорогу свалюсь, приказной Степанов понукал лошадку без злобы. Мело. Наверное, последняя в этом году метель.

Лед на Мокоши перед рассветом стал потрескивать, примета верная, скоро начнется ледоход, а с ним придет в столицу настоящая весна.

Семен Аристархович любовался речным пейзажем из окна своего кабинета, за его столом Иван Иванович сосредоточенно дул на чай в огромной кружке. После бурной ночи чародею требовалось обильное питье. Хмель Зорин блокировать умел лучше прочих, но накануне время упустил, хорошо сидели, душевно, беседовали интересно под коньячок, а после уже поздно стало, задачка с преизбытком чародейских сил забрала. Теперь терпеть приходилось да обычными средствами похмелье лечить.

— Столько времени теряем, — пробормотал Крестовский. — Трое суток дороги.

— Сызнова страдаешь? — Иван отхлебнул, вытянув губы трубочкой, чтоб не обжечься. — Не умеешь ты, Семка, расслабляться.

— Отправил, — хлопнул дверью Мамаев. — Телеграмму отправил, билеты лично в кассе заказал, в семь вечера поезд через Змеевичи.

— Билет, — поправило начальство. — Ты с Иваном в приказе останешься.

— Вот еще! — воскликнул Эльдар Давидович.

— Тише, — попросил Зорин, зажмурившись. — Башка трещит.

— Плохие вы люди. — Мамаев тон все-таки снизил. — Пользуетесь тем, что я хмельного в рот не беру, гоняете, как курьера малолетнего, в Крыжовени с собою не пускаете. А между прочим, именно я вашу задачку разгадал.

— Я тебе благодарность в приказе выпишу, — простонал Крестовский и, взгромоздившись на короткий диванчик у стены, перекинул ноги через подлокотник, устроив на другом многострадальную голову. — И премию...

Обещания прервались молодецким храпом.

— Чайку? — предложил Зорин Мамаеву.

Тот ответил в рифму и неприлично.

— Шли бы вы по домам спать, страдальцы.

— Семка один оставаться не хочет, знаешь ведь, ждать для него пытке подобно, он до вечера еще сотню дел придумает и себе и нам.

Мамаев присел к столу, набросал в чайный стакан колотого сахара, размешал осторожно, чтоб ложкой не звякнуть.

— Плохо получится, если Геля успела покойника раскопать, тогда вообще зря Крестовский к ней едет.

— Три дня у нее было на все про все.

— Ну, для Попович и того достанет, не удивлюсь, ежели убийцы у нее уже по камерам расфасованы.

В дверь осторожно постучали, секретарь заглянул, бросил взгляд на спящее начальство, прошептал начальству бодрствующему:

— Иван Иванович, велите мне в канцелярию департамента сходить!

— Зачем?

— Евангелина Романовна просила ей вослед документы о назначении нового пристава отправить.

— Мы не отправили еще?

— Там заминка какая-то бюрократическая образовалась.

— Какая удача, — сказал Зорин; поднялся, пересек кабинет и увлек секретаря за дверь для продолжения разговора. — Ты вот что, Митрофан, их не торопи с этим пока, а подготовь официальное представительское письмо для Семена Аристарховича, и Попович там укажи со всеми чинами. Ну там, как положено, для всяческого содействия и взаимодействия со всеми уездными службами и прочим населением. Заверь его у наших крючкотворов да попытайся побыстрее успеть, мы еще в имперской канцелярии печать испросим.

— Так точно. — Секретарь щелкнул каблуками. — Иван Иванович, а позвольте полюбопытствовать, отчего его превосходительство на поезде едет, а не чародейским своим манером, по жиле земляной?

Поморщившись на щелчок, Зорин ответил дружелюбно:

— Оттого, Митрофан Митрофанович, что обычная манера сил требует много чародейских, а Семену Аристарховичу в сложившейся ситуации каждую малость беречь надобно.

Секретарь серьезно кивнул и, уже отправляясь выполнять приказ, спросил сочувственно:

— Дозволите рассолу вам с его превосходительством предложить? Из «Жарю-парю» доставили.

— Дозволяю. Мысль-то какая замечательная, господин Губешкин. Даже обидно, что не мою голову посетила, средство-то верное, народное.

Эльдар Давидович на народные средства, когда емкости с оними появились на начальственном столе, аристократично поморщился и счел за лучшее удалиться из кабинета. Потому что Крыжовень Крыжовенем, а прочих служебных обязанностей никто не отменял.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в коей возникают два новых трупа, а Евангелина Романовна принимается за дело в официальном своем статусе

Карта Развилка указывает на выбор жизненного пути — профессионального, личного. Она может предвещать что-то новое и значимое. Вполне естественно, что вас ждут сомнения и опасения. Но выбор все равно придется делать.

Карта Развилка может указывать также на неясную ситуацию, в которой то, что лежит на поверхности, не совпадает с истиной.

Таро Марии Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Если Григория Ивановича на страшном суде спросят, какая ночь в твоей беспутной жизни была самая тяжелая, Гриня укажет именно сегодняшнее число. Потому что, господа, трудно, невероятно трудно в одной постели со страстной девицею оказаться и свою личную страсть не удовлетворить. Геля такая нежная была, такая податливая. Протяни руку да возьми. Он не взял. И вовсе не потому, что она Семеном его величала, Гришку как только не называли в процессе, список целый составить можно, а оттого, что боялся Волков девичью разговорчивость спугнуть. Ах, насколько сонный допрос оказался продуктивен, никаких артефактов не понадобилось. Ай да Попович, ай да пронира! С тем погутарила, с другим словечком перекинулась, здесь удивилась, там дурочкой прикинулась, и вот уже четкая картинка в рыжей головке. Волосы какие мягкие и кожа гладкая, горячая, жилка у виска бьется птичкой. Поцеловать. Это можно, Геля не против. И в

губы. Разочек всего. Стоп. Достаточно. Она проснется. Дыхание успокоить, стон сдержать. Она немало в деле продвинулась, за шаг от победы всего. Найдет неклода, через него на преступника выйдет. Свои же? Григорий Ильич в этом уже не столь уверен. Сослуживцы, разумеется, в чем-то замазаны, но это вряд ли убийство. То есть точно не оно. Гнилой городишка, шатается уже на подгнивших подпорках, только подтолкнуть, и полетит все в тартарары. Подтолкнуть?

Сон Гели стал глубже, Волков отстранился, обнял ее, прижал к боку, рыжая головка уютно устроилась на его плече.

Можно и подтолкнуть. А можно позволить сыскарке Попович по закону действовать. Она дело в два дня закончит. А дальше? Уедет в Мокошь-град своим проклятым товарищам победою хвалиться? Отпускать ее вовсе не хочется. Помешать? Евангелина Романовна, ежели про препоны поймет, а она поймет, доверие к Григорию Ильичу утратит абсолютно. Нет, Гриня, рыжая твоя идиотка барышня непростая, и действовать с нею нужно по-особому. С прочим же поступать в обычной своей манере. Подтолкни, одно только звено в цепочке надломи, она рассыплется на десяток полицейских дел. То-то Евангелине Романовне будет где разгуляться!

Волков встал с кровати, стараясь не возбуждаться девичьими прелестями, произвел личный обыск спящей. В темноте он видел прекрасно. За кушаком платья обнаружился футляр с какой-то резной мраморной безделушкой. Григорий Ильич опустил находку в карман, бесшумно переместился в гостиную, заглянул в горницу служанки, где храпел приказной извозчик Степанов. Тоже мужик непростой, отыгрывает деревенщину сиволапую, но явно отставной вояка. Покойный пристав отменных работничков себе подобрал, ежели поразмыслить. Судя по личным делам, большинство были приезжими, родственниками в Крыжовене не обремененными. Некоторые с женами и детьми, но тоже не из местных. Не права Геля, готовил что-то Блохин давно и основательно.

Мальчишка тоже спал, свернулся калачиком на кушетке, попискивал жалобно. Волков укрыл его толстым ватным одеялом с кровати, припомнив, как сам страдал от холода в школьных дортуарах. По сравнению с жизнью этого сироты Григорий Ильич в истинно райских куцах обретался. Вспомнились Гелины слова: «Как поросят

на продажу...» Что ж, поступим по справедливости, а не по закону. Госпожа директриса получит то, что ей за злодеяние причитается.

Волков обыскал сундук Попович, отметил насечки на дамских шпильках и высокое качество нижнего белья. Мундир висел в углу комнаты на плечиках. Григорий Ильич не отказал себе в удовольствии представить, как поверх чулочков с подвязками и прочих кружавчиков надевается строгое чиновничье одеяние, и испытал острое, как клинок, возбуждение.

Бумагу, о которой упоминала Евангелина Романовна, изъятая ею в квартире покойного пристава, заметьте, незаконно, Волков опознал по девственной чистоте. Изымать не стал. Без трости чародейский лист тайн своих не откроет, потому пока интереса не представляет. Что еще? Очки? Чародейские стекла. Григорий Ильич нацепил их на нос, посмотрел на бумагу, достал из кармана коробочку с безделушкой. Здесь рун было изрядно. Водные арканы и воздушные переплетаются плотно мерцающими косицами. Артефакт довольно мощный, функционала пока непонятного. Но раз Попович его с собою на бал прихватила, вещь полезная.

Очки и лист Волков вернул на место, прихватил с пола под кроватью саквояж (сто тысяч денег просто так у нее валяются!) и вернулся в комнату к Геле.

До рассвета оставалось не более часа, времени на вылазку к одному известному погребу не оставалось, и посвятить его Григорий Ильич решил приятному ничегонеделанию. Поставил саквояж, сбросил на спинку кресла фрак и пристроился «к милке под бочок». Милейшее времяпрепровождение. Плоть вот только восстает, продолжения требует. Ну ничего, плоть мы пока усмирим поджентльменски, после награду еще потребуем за свое благородство. Расскажем, в зеленые глаза глядя со страданием, каких сил нечеловеческих нам это стоило. Потом расскажем, даже и не завтра.

Попович во сне беседовала уже не с Семушкой, цирроз ему в печень, а с мачехой своей. Вроде как письмо писала. «Женихается к тебе господин Ливончик Соломон Леевич, пришлось для виду согласиться...» Григорий Ильич этой информации удивился изрядно. Гнум? Экий мезальянс. И матушка гнум? Это стало отчего-то последней каплей. Волков бессильно откинулся на подушку, сдерживая хохот.

Когда рассвело, Григорий Ильич без труда изобразил глубокий сон, дождался, пока Евангелина Романовна выйдет на двор, и быстро собрался. Написал вечным пером на найденном в бюро листе деловое послание, положил его на подушку, придавив футлярчиком. Хороший жест, дружеский. Попович решит, что на полу артефакт нашелся.

Степанов с мальчишкой хозяйничали на кухне, Волков приказал Федору оставаться в распоряжении надворного советника и вышел на Архиерейскую. Погреб находился на соседней улице, во дворе заброшенного бревенчатого дома. Пришлось обходить, не лезть же через заборы. Ночной снегопад прикрыл все следы, Григорий Ильич решил новых не оставлять, поглядел издали на чернеющий провал у голых кустов и отправился через Сапожный переулок к базарной площади. Там, не заходя в приказ, взял обычного извозчика, велел везти к господину Чикову. Апартаменты последнего располагались на Гильдейской, но в противоположном от хором Бобруйского конце. У Чиковых было беспокойно, слуги метались по дому, как потревоженные в курятнике несушки.

— Барин отсутствуют, — сообщил ливрейный лакей.

— А барыня?

Слуга потер свежий синяк на скуле.

— Не принимают.

Григорий Ильич кивнул, стукнул лакея по другой для симметрии и, втолкнув того в дом, возопил:

— Елена Николаевна, голубушка! Это Волков, вашего супруга товарищ!

Чикова спустилась по мраморной лестнице, запахивая парчовый необъятный шлафрок. Глаза толстухи были красны от слез.

— Что с Сережей?

Григорий Ильич увлек барыню в ближайшую комнату, оказавшуюся гостиной.

— Полноте, Елена Николаевна, все хорошо с Сергеем Павловичем. Я как раз его по одному служебному делу разыскиваю, вот и решил ранним утром вас потревожить. А он, что же, после бала домой так и не явился?

Чикова, вспомнив долг хозяйки, предложила гостю кресло, велела лакею на пороге не торчать. Разговор пошел приличный, осторожный. Григорий Ильич пытался выяснить местопребывание господина

Чикова, жена его отвечала, что представления о том не имеет, что с бала приехала одна. Волков спросил, чем тревога ее вызвана. Елена Николаевна сказала, что никакой такой тревоги, что господину приставу показалось. Чаю гостю не предложили, уход восприняли с облегчением.

Надевая в прихожей пальто, Григорий Ильич пробормотал, будто про себя:

— Придется в другом месте Сергея Павловича поискать.

— Там и найдете! — взвизгнула хозяйка. — Непременно! В этом самом непотребном месте!

Волкова дамская истерика несколько не фраппировала, он светски поклонился и вышел к поджидающему извозчику.

— В «Храм наслаждений», любезный.

Публичный дом принимал клиентов круглосуточно. Мадам еще не ложилась и приветствовала Григория Ильича с радостной сердечностью.

— А Сереженьки здесь нет, — ответила удивленно. — Он и не собирался к нам даже.

— Экая досада.

— Подождете? — подмигнула развязно Мишкина. — За утехами время бежит быстрее.

Волков посмотрел на нее, хмыкнул.

— Знаете, драгоценная Мими, а ведь не откажусь. Девушки-то у вас свободные имеются?

— Вам наилучших предоставим. Чего еще пожелаете? Ночка у вас, судя по виду, та еще была. Завтрак, ванну?

— Ничто от вашего взгляда не ускользнет. И то и другое, и пошлите кого-нибудь на мою казенную квартиру сменное платье прихватить.

До вечера новый пристав оставался в «Храме наслаждений», предложенная ему девица трудилась не покладая рук, то есть вовсе не рук, но не суть. Загранично воспитанный господин оказался сверх меры горяч и изобретателен.

Клавка пожаловалась хозяйке:

— Будто год цельный бабы не имел, все ему мало. Вас даже спрашивал. Клаудия, говорит, а мадам ваша клиентов вовсе не принимает?

— Всех уже перепробовал? — улыбнулась Мишкина.

— Зинку не захотел и Тайку тоже отправил. Молоды слишком, сказал, девочек совсем не желает. Зрелых форм ценитель.

— Ну, тобою-то не побрезговал.

— Два раза уже не побрезговал, — вздохнула Клавка, — и опять зовет.

— Ступай отдохни. — Мими приспустила с плеча кружево пеньюара. — Посмотрим, насколько со мною скакуна нашего горячего хватит.

Хватило изрядно.

— Невеста ваша как же? — спросила Мишкина после, без сил откидываясь на подушки. — Не ревнует?

— Ах, Маня... — Пристав похлопал женщину по плоскому животу. — Видишь ведь, до чего Ева меня довела? Вовсе до кипения. Разгорячит, заморочит, целовать разрешит, а больше ни-ни. А я ведь не железный. До того дошло, что на любую бабу броситься готов был. Вот нынче, ты только не смейся, чуть было с Чиковой в связь не вступил.

— С этой квашней? — расхохоталась Мими, поворачиваясь боком, чтоб обрисовать четкую линию бедра.

Волков загорелся, по бедрышку пальцем заелозил.

— Огромная такая туша в парчовом халате, под ним телеса колышутся. Шепчет: «Озолочу, Гришенька, ничего для тебя не пожалею». Мне противно, а внутри натурально бурлит. Едва сдержался, извинился пристойно, о долге супружеском напомнил. Она в крик, одежду на себе рвет, безделушку мне на колени обронила, так я даже отдать не смог, так спешил откланяться.

— Озолотит она! — хищно улыбнулась Мими. — Чиков ей только на расходы выдает неотложные. Интересно все-таки, куда он подевался?

— Тебе это интересно? — Пальцы Волкова без усталости исследовали женское тело. — Может, еще какую-нибудь даму сердца себе присмотрел, кроме тебя со своею великаншей?

— Еще одну? Сереженька вовсе не... А что за безделушка?

— Я не разобрал, в карман по рассеянности сунул. Да вон она, на столике глянь.

Мими поднялась с постели, расчетливо покачивая бедрами. Карие глаза Григория Ильича расчетливость оценили, зажглись восхищением. Женщина взяла со стола бледно-зеленую нефритовую трубочку с нефритовой же чашечкой.

— Это Сергея Павловича вещь.

— Неужели? Тогда можно в дом к Чиковым с нею не возвращаться, лично ему отдам. Иди ко мне, чаровница.

— Погоди... — Мими незаметно для себя перешла на «ты». — Сережа со своею трубкой не расстается. Откуда она у Ленки?

— Не знаю. Отдал, подарил. — Волков раздраженно махнул рукой. — Не желаешь меня развлекать...

— Что еще тебе Чикова сказала?

— Да ничего. Кричала, что Сергея Павловича у тебя не найду, что подарочек тебе приготовила, про белку что-то.

— Какую еще белку?

Григорий Ильич поднял очи горе, будто припоминая.

— Дохлую белку сколопендра эта получит, а не деньги. Ты понимаешь, о чем это она?

Мишкина покачала головой, замерла в задумчивости, наконец решительно проговорила:

— Гришенька, сокол мой ясный, совсем забыла, дело у меня неотложное, не обессудь, я Клавку к тебе пришлю.

И, не слушая возражений, удалилась, сжимая в руке нефритовую опиумную трубку.

Явившаяся вскорости Клавдия сказала, что хозяйка уехала по какой-то надобности, получила от клиента распоряжение оставить его почивать до пяти часов пополудни, после подготовить ему ванну и легкий ужин.

В шесть вечера «выспавшийся» (четыре пилюльки для бодрости и противодействия засыпанию) и сытый Григорий Ильич покинул «Храм наслаждений» («д» и «ж» перепутали, вот умора!). Он нанес визит господину Ливончику, где заказал себе портрет невесты Евангелины Романовны, попросив ярко его не раскрашивать, приобрел в «Храме Флоры» бутоньерку из бледно-зеленых подснежников, рынок чутко среагировал на модные веяния, торговля именно зелеными цветами шла бойко, прогулялся по площади. Посетил приказ, отдал подчиненным некоторые распоряжения, велел искать его, ежели нужда

возникнет, в доме Губешкиной на Архиерейской улице, и отправился туда, дожидаться свою рыжую идиотку. Упражнения в обители порока несколько его успокоили, все это было, конечно, не то, замена, эрзац, даже не удовольствие, а часть комбинации. Но обе девицы, и Клавка, и бордель-маман, дело свое знали. Клавдия, правда, продемонстрировала нелепую бабью сентиментальность, принялась в перерыве ябедничать Григорию на хозяйку-стерву, на то, что она Сергея Павловича к зелью заграничному приучила, отчего тот совсем по мужской части ослаб. Потому-то Волков Клавку и отослал, не было желания сызнова жалобы выслушивать. Прочие же девушки были слишком молоды, непристойно и незаконно. Его распоряжения Давилону именно этого касались. Сейчас отряд стражей порядка уже проводит проверку в «Храме наслаждений», арестовывая работниц без желтых билетов. Евсей Харитонович приказ воспринял с радостью.

— Пусть девчонки хоть за решеткой выпялятся.

Удивил Волкова письмоводитель Старунов, неприятно удивил. Григорий Ильич как раз спускался к выходу, закончив свои служебные дела, и заглянул случайно за конторскую перегородку. Старунов сидел там, сгорбившись за своим столиком, и прищелкивал пальцами, набрасывая на документы не видимые простому глазу чародейские метки. Парень чародей! Волков его не опознал! Не опознал, применил против него свой артефакт. Старунов притворился, что колдовство на него действует. Какая нелепая ошибка, частично оправдываемая недостатком опыта. Островная империя чародеев на службу не допускала, да и в Змеевичах в приказе их не было, вот Гриня и сплоховал. Пометить их надо. Всех чародеев обязать знак какой-то на себе носить, чтоб не вводили приличных людей в заблуждение.

Открытие свое Волков затаил. Пусть пока мальчишка думает, что его провел. При случае сквитаются.

В окнах на Архиерейской горел свет, но на стук сперва никто не отозвался, только шторка отъехала. Григорий Ильич махнул рукой. Щель исчезла. Волков подождал, штора сызнова двинулась.

— Ваше высокоблагородие! — проорал Мишка сквозь стекло. — Костыль вас не признал. Сейчас!

Дверь распахнулась. Мальчишка был бос, подол какого-то сарафана, явно не Гелиного, завязан на бедрах.

— Прибираемся мы, Евангелину Романовну ожидаючись.

В гостиной царил разгром. На покрытом дерюжками полу стояло корытце с жидкой извешткой, другой пацан в такой ветхой рубахе, что она почти спадала с него лохмотьями, держал в руке кисть.

— Это Костик, Гея велела ему с нами пока пожить. А это, — Мишка повел головой, — жених наш — Григорий Ильич. Понятно? Ой, ваше высокоблагородие! Мы же неключа того самого нашли! И для Гели пометили алмазной зеленухой, или как ее там.

Григорий Ильич в меру восхитился и поздоровался.

— Побелка ваша не один день сохнуть будет.

— Да нет, — Мишка прыгал, как приветливая собачонка, — Костыль колданет, пары минуточек достанет.

— Меня огненная стихия призвала, — гордо сообщил Костыль.

Волков вздохнул — одни чародеи в этой вашей Берендии. Пошел в спальню, снял сюртук с жилетом, обул войлочные дамские шлепанцы и, вернувшись к мальчишкам, сказал:

— Давайте тогда поторопимся, чтоб до полуночи управиться.

Я все-таки задремала, очень уж мягкий ход был у приказных саней, да и уморилась я за день знатно. Проснулась уже у заставы, когда Федор зычно командовал стражам в город нас допустить. Степанова признали, с вопросами не лезли.

— Приехали, вашбродь, — пробормотал возница, когда мы остановились у калитки на Архиерейской. — Дальше что прикажете?

— Свободен, — разрешила я благостно.

— Какое еще свободен? — Дунька вытаскивала из саней баул. — Федор Федорович, подсобите девушке.

— А дома-то кто? — Губешкина с опаской посмотрела на освещенные окна.

Я всплеснула руками.

— Забыла вас упредить, Захария Митрофановна, в ваше отсутствие у нас жильцов прибавилось. Мальчишек двух я себе в помощь наняла. Вы уж простите великодушно за самоуправство.

— Мальчишек?

Хозяйка поднималась на крыльцо, Степанов тащил баул и узел с вещами, другой узел несла Дуняша.

Старуха новости явно не обрадовалась, а это я еще про дыры в стенах и испорченное нетопырье чучело не рассказала. Надеюсь,

Мишка с Костиком успели переодеться и предстанут в наилучшем виде.

— Если вас наше присутствие стеснит, я в отель вполне прилично переселюсь, хоть даже и немедленно.

Губешкина отперла дверь ключом, который скрежетнул в разболтанном отмычками замке. Сворка распахнулась, наружу вырвалось облако густого горячего пара.

— Мальчишек...

Гостиная выглядела идеально, стены и потолок белели, мебель сверкала, ковер под ногами ворсился, будто новый. Над столом вместо нетопыря висела медная трехрожковая люстра.

— На чердаке нашли, — сказал Мишка вместо приветствия. — Чудовищу-то, бабушка, мы тью-тью, прострелили...

— Мальчишек трое! — Губешкина схватилась за сердце.

Я пересчитала, тоже прижала руку к груди. Волков был неузнаваем — лохматый, грязный, в шлепанцах на босу ногу, сорочка незаправлена, рукава закатаны по локоть. Беспорядок в одежде коллежскому ассессору шел необычайно, чем и была вызвана моя легкая агитация.

Он отрекомендовался. Хозяйка, отчего-то испугавшись, пошатнулась.

— Бабушка, — подскочил к ней Мишка, — вы присядьте, мы сейчас с Костылем чайку вам соорудим, только умоемся. А сарафан я постираю, мы новую одежду пачкать не хотели.

Дуньку вообще ничего не удивляло, она командовала Федором, чтоб баул нес вон туда, а после на кухне ей помог, потому что подозрительных сорванцов она в свою обитель ни в жизнь не допустит. Все говорили одновременно. Мишка усаживал Губешкину в кресло, ворковал, как они с Евангелиночкой Романовной ее, провидицу Зару, не покладая рук разыскивали, да какое счастье, что хозяйка сама нашлась. Костик хвастался, как успешно колданул, а Григорий Ильич снял с меня шубу и шепнул интимно:

— С пустыми руками вернулась, сыскалка?

— Отчего же? — улыбнулась я. — Вполне с уловом.

— Ну, пойдем, расскажешь. — И Григорий Ильич увлек меня в другую комнату, по случаю оказавшуюся моей спальней.

— С чего бы начать? — Проверив револьвер, я спрятала его в сундук и присела на краешек постели, Волков занял Мишкину кушетку. — Неклюда зовут Шандор...

— Геля! — заглянул в приоткрытую дверь пацан. — Бабушка велела нам в бане мыться.

— Ты у меня разрешения спрашиваешь?

— Да нет, я его высокоблагородию то же самое хочу предложить.

К моему огромному удивлению, Григорий Ильич согласился.

— Я кликну, как протопится, — пообещал Мишка и исчез.

— Шандор, — напомнил мне собеседник.

Я заморгала растерянно. Такого мистера Грегори я еще не видала, свой в доску парень, дружелюбный, расслабленный. Это его Костыль колданул?

Услышав мой вопрос, Волков рассмеялся:

— Нет, мальчик плел какие-то чародейства, чтоб просушить стены. Мы неплохо с ними поработали, с твоими беспризорниками. Так что с неклюдом?

Пересказав подробно допрос, я закончила выводом:

— Блохина выманили из города запиской, пырнули ножом, на осину повесили с помощью зачарованной веревки, скорее всего, ординарного каната, используемого для подъема тяжестей на купеческих товарных складах.

Грегори кивнул.

— Молодец. Приказчиков опрашивала?

— Между делом, третьего дня еще. Работник один сказывал, что родобные канаты через блок на потолке перекидывают, чтоб тюки сподручнее было один на другой ставить.

— Умница, Гелюшка.

Я зарделась. Вот ведь дурища!

— И кто же убийца?

— Их было минимум двое. Одна, скорее всего, бордель-хозяйка Мишкина. На нее провидица Зара указала, как на заказчицу соломенного гомункула. Другой предположительно господин Чиков. Во-первых, он Мишкиной любовник, во-вторых, подручный Бобруйского. Он получил от купца сто тысяч на оплату черного колдунства, но решил в свою пользу сэкономить. Двести рублей они заплатили Губешкиной. Та со смертными заговорами не работала, но

могла обеспечить связь куклы с объектом. Видимо, Мишкина решила, что нужное действие сможет через гомункула и сама оказать.

— Пока все складно.

— Деньги они спрятали в проклятой усадьбе, не опасаясь, что кто-нибудь из местных их найдет.

— Когда?

— Еще в жовтне. А в начале грудня произошло что-то, что заставило нашу парочку поторопиться. Я пока не выяснила, что именно. Они убили Блохина, неловко изобразили самоубийство... И это тоже странно, Гриня. Почему так неаккуратно?

Грегори оскалился.

— Одно из последствий употребления опия, кроме эйфории, ощущение своего всевластия и абсолютного ума. И мадам Мими и Сергей Павлович до зелья этого весьма охочи.

Припомнив постоянно бегающие глаза господина Чикова, я хмыкнула.

— Логично. Еще мне кажется, что Блохина убила именно Мишкина. Он успел сказать Шандору, что «опасности от бабы не ждал», а мадам наша ловко с ножом управляется, говорят, обоих своих котов прирезала самолично. Теперь немедленно надобно нам эту мешанку Мишкину арестовать и допросить пристрастно.

Зевок я прикрыла ладонью, но Григорий Ильич его заметил.

— Немедленно? Ты совсем без сил, утром уже займемся.

— А эксгумация?

— Тоже завтра, распоряжения служивые от меня получили, отмашки только ждут.

— Перфектно. У нас будет труп с колотой раной и арестантка для допроса. Через нее дернем Чикова, от него ниточка тянется к заказчику Бобруйскому. На каторгу последнему пока не хватит, но...

— Барышня, — заглянула в спальню Дунька, — сейчас мужики париться пойдут, мы во вторую очередь. А вас, вашбродь, уже просили в баньку проследовать.

Волков притворно вздохнул.

— За границей все абсолютно уверены, что берендийцы парятся в своих срубках совместно, без разделения на мужеский и женский пол, предаваясь блуду.

— А сами... — искала я в памяти что-нибудь, чтоб уязвить инородцев, и не нашла.

— Лягушек жрут! — пришла на помощь Дунька. — Тьфу! Пакость.

Григорий Ильич согласился, что да, пакость, поклонился и ушел, шлепая задниками тапок.

— Вот еще, барышня... — Девушка достала из кармашка передничка картонный прямоугольник. — Костик говорит, еще утром почтальон доставил.

Телеграмма была из Мокошь-града, отправленная не из приказа, а с городского почтамта. Разобравшись со всеми «вскл», «тчк» и «зпт», я уяснила, что эксгумировать тело Блохина мне строго-настрого запрещается и что через три дня ожидается в уездный Крыжовень визит еще одного столичного сыскаря. Судя по подписи Мамаева, именно его мне в помощь снарядили.

Захотелось расплакаться от обиды. За что же такое недоверие? Потому что о результатах до сих пор не отчиталась? Так неделя всего прошла, минус дорога. Они же сами велели осторожничать, сразу быка за рога не хватать, сперва осмотреться. К открытию на телеграф пойду, гневный ответ посылать. Не нужны мне здесь надсмотрщики!

Настенные часы показывали четыре часа утра. Попарюсь и пойду.

Я снова посмотрела на циферблат. Эльдар Давидович уже рассыпал в вагоне-ресторане вечернюю порцию «букашечек» попутчицам и поживает под колесный перестук. Прибудет в Крыжовень он вечером на третий день. Запоздали мои гневные отповеди. Ну и ладно, и пожалуйста. А эксгумацию запретили, потому что знают, что я покойников боюсь? Какое гадкое мужское высокомерие! А еще коллеги!

Настроение мое настолько испортилось, что от бани я отказалась и даже легла спать, то есть притворилась спящей глубоким сном, лежала с закрытыми глазами и злилась. В гостиной до самого рассвета чаевничали, дружески беседовали, отправив мальчишек в горницу Дуняши. Провидица Зара гадала всем на картах, Волков травил байки из заграничной жизни, а когда до меня донесся гитарный перебор, я накрыла голову подушкой. Наверное, от духоты меня наконец и сморило.

Проснулась поздно, почти в полдень, с гудящей как с похмелья головой и пересохшими губами. Зеркало отразило мое иссиня-бледное лицо, покрасневшие глаза и, будто мало всего этого, парочку веснушек чуть ниже переносицы. Ну правильно, весна, к концу березня у меня этого добра на лице изрядно появится.

Отставить, Попович. Внешность тебя интересовать несколько не должна. Главное — дело. К приезду Эльдара у тебя это дело закрыто быть должно. Собирайся, умывайся и приступай к работе. Мишкина должна быть немедленно арестована. Грегори говорил — утром? Вдруг он уже запер бордель-мадам, тебя не дожидаясь? А вдруг и эксгумацию провел?

По дороге на двор я отметила пустую прибранную гостиную, чистоту на кухне и отсутствие в прихожей как пальто Волкова, так и тулупа его подчиненного.

Утренняя рутина показалась мне нынче еще отвратительнее, чем обычно.

— Ушли все, — сообщила Дуняша, сгребая с дорожек снег деревянной лопатой. — Служивый из приказа за его высокоблагородием явился, Федор Федорович начальство повез. А пацаны, как про смерть директрисы услышали, сразу в приют побежали. А барыня почивает, а...

— Смерть?

— Ну да. Захария Митрофановна еще вчера нам труп нагадала.

— Директрисы?

— Ну да. Говорит, еще два покойника предстоит. — Лопата размеренно шаркала.

— Кто говорит?

— Да барыня! Расклад...

— Евдокия! — отобрала я лопату. — Кто умер? Почему? Когда?

— Чиновная дама Чикова. — Дунька опустила руки, отчего казалось, что она стоит по стойке смирно. — Зарезана в своем доме. Кем, не ведаю, о том приказной не говорил. А когда, так нынче под утро. Слуги ее нашли, в приказ прибежали, а дежурный немедленно за Григорием Ильичом явился, потому как пристав оставил адрес, где его разыскивать, у невесты, стало быть.

Вихрем бросилась я в спальню, умылась, заколола волосы, надела мундир, сунула в кармашек очки.

— Экая вы, барышня, — умилилась Дуняша, — надворная советница.

Посмотревшись в зеркало, я увидела привычную Гелю Попович, без следа ночных слез, зато с горящими азартом глазами.

— Откушаете перед выходом?

— Некогда, в городе перекушу.

Разглядев петлички под распахнутой шубой, постовой отдал мне честь. Волков привстал, когда я без стука вошла в его кабинет.

— Ваше высокоблагородие, — улыбнулся он, — какой неожиданный визит.

Был он тоже в мундире, пуговицы блестели, воротничок крахмально топорщился.

— От высокоблагородия слышу, — огрызнулась я. — Почему не разбудил?

Грегори снял с меня шубу.

— Ты так сладко спала.

— Григорий Ильич! — Вывернувшись из неуместных объятий, я топнула ногой.

— Ну хорошо. — Он вздохнул и пристроил шубу на вешалке. — Прости, не подумал. Усаживайся, я все расскажу.

Елену Николаевну Чикову обнаружила горничная, когда явилась в хозяйскую спальню раздвигать шторы. Было восемь утра. Горничная закричала, на крик прибежали лакеи, один из них немедленно отправился в приказ. Григорий Ильич был на Гильдейской улице в доме Чиковых без четверти девять.

— Тело лежало на кровати на спине, одеяло сбилось к ногам, сорочка задралась, судя по всему, женщина не пыталась сопротивляться, а билась в конвульсиях, — перечислял Грегори монотонно, — по эластичности мышц и малому окоченению можно предположить, что смерть наступила не ранее шести часов утра. Причиною же послужили многочисленные ножевые раны, особенно та, что пересекала живот от реберной дуги до подбрюшья. Картина, доложу тебе, неаппетитная. Рыбу так вспарывают, что с одного удара кишки наружу.

Сглотнув горькую слюну, я спросила:

— Оружие обнаружил?

— Нет.

— Следы борьбы, кроме постельного беспорядка?

— Присутствуют. Туалетный столик сдвинут, пуфик на боку, угол ковра завернут. Шума никакого слуги не слышали или внимания не обратили. Барыня грузная была, неловкая, мебелью громыхала часто.

— Муж ее где?

— Его с позавчерашнего дня никто из слуг не видел.

— Что-нибудь странное?

Грегори ухмыльнулся.

— На лицо покойницы дохлую белку положили. То есть я эту падаль уже на подушке увидел, но горничная рыдала, что сбила ее с барыни, когда над нею наклонялась.

— Это же моя белка! — ахнула я.

— Прости?

— Помнишь, я говорила, что вместо саквояжа трупик звериный положила?

— Теперь вспомнил, — протянул Волков. — Однако это меняет дело.

Григорий Ильич подошел к двери, запер ее, вернувшись к столу, на место не сел, наклонился ко мне.

— Получается, некто своих денег не нашел, озлился и к Чиковой за ними отправился?

— Почему к ней? Она в деле была? Не муж ее, а она?

— Либо не Мишкина, а она? — Грегори явно дразнился.

— Тогда подозреваемых двое? Чиков и мадам?

— Это бандерша.

— Почему ты так уверен?

— Потому, Гелечка, что Сергей Павлович этого сделать никак не мог.

— Его с бала никто не видел!

— Слуги не видели, но, например, Мишка твой Степанов видел, но под маской чулочной не опознал.

Нет, все-таки мы с Грегори родственные души, вон как тоже театральные эффекты обожает. Пришлось восторженную публику изображать, глаза пучить, бровями шевелить.

— Господин Чиков, а точнее, его труп бездыханный, лежал с позапрошлой ночи в погребке дома на соседней с Архиерейской улице.

А нынче, доставленный по моему приказанию младшим чином Степановым, находится в приказной мертвецкой.

Если Волков ждал аплодисментов, то не дождался.

— Какая же ты скотина!

— Что за вокабуляр, Евангелина Романовна? Стыдитесь.

— Ты его догнал все-таки? Догнал, а мне сказал, что не удалось.

— Я должен был во всеуслышание заявить, что мальчишка до смерти человека пристрелил? Ты воображаешь, какой вред душевному здоровью ребенка был бы нанесен?

— А мне потихоньку?

— Чтоб ты немедленно поскакала труп осматривать? Чтоб Мишка все понял?

Недовольно посопев, я признала правоту собеседника.

— Прости, погорячилась. Можешь меня в ответку как-нибудь обозвать, обещаю не обижаться.

— Рыжая идиотка.

— Не обиделась. Квиты. Когда ты Чикова догнал, он уже помер?

— Хрипел в агонии. Одна пуля в плечо попала, другая в живот. Откуда только на беготню сил нашел!

— От опия, — сказала я уверенно. — Он и боли, верно, не ощущал.

— Пожалуй. Хочешь труп осмотреть?

— А то я трупов не видела, — отмахнулась я с фальшивым высокомерием. — Твоему заключению доверяю. А смотри, как ладно получилось. Бобруйский велел следы подчистить, и Чиков немедля к гадалке явился. Значит, правильно я предполагала — он подручный и есть.

— Умница! — Волков чмокнул меня в нос до того, как я успела отшатнуться. — А теперь, дражайшая надворная советница, нам с тобою осталось только новостей ждать. Служивых я на вокзал и к заставе отправил, разыщут преступницу.

— То-то в управе пусто, недостача у вас с работниками, господин пристав, — подпустила я шпильку. — Упустят. Тем более у Мишкиной фора была. Что застава говорит? Уезжала мадам из города?

— Нет, санки у нее приметные, одноместные беговые, на них внимание бы обратили.

— Она пешком выйти могла. Ярмарка же, многолюдие. По уму, нам человек сорок на прочесывание снарядить надобно. Мишкина, скорее всего, в толпе затеряться пробует, чтоб вечером к торговцам отъезжающим прибиться, или у знакомых схоронилась.

Григорий Ильич пожал плечами:

— Знакомые не приютят, она ведь не просто человека убила, а важную городскую чиновницу.

— Блатные?

— За такое не впишутся, — сказал Волков с сомнением и, подойдя к вешалке, взял мою шубу. — Проверим.

— Куда? — скользнула я в рукава.

— Корольку местному визит нанесем.

Приказ мы оставили на городского. Сколько у нас Мишкину ищут? Человек пятнадцать всего. Мало.

— А давай-ка, Григорий Ильич, прежде в приют заглянем!

— Как пожелаешь. — Волков предложил руку, я приняла. — За мальчишек тревожишься?

— И за девчонок. Видишь, ни одного карманника в торговых рядах и нищих на паперти негусто.

Богадельня располагалась неподалеку от храма и была двухэтажным темным доминою с решетками на окнах.

«На тюрьму похоже», — решила я, пока Грегори колотил в дверь. На стук никто не выглянул.

— Черный ход еще быть должен. Попробуем там?

Но тут дверь отворилась. Пацаненок в наброшенном на плечи одеяле посмотрел удивленно на чиновничьи мундиры.

— Здрасьге.

— К начальству веди, — сказала я строго. — Зовут как?

— Так нет никого... — начал мальчишка, но мы с Грегори уже вошли в темный вестибюль. — Митькой кличут.

Вестибюль был парадный, пол отделан мраморной плиткой, стены украшала лепнина, у мраморной же лестницы стояла огромная ваза в два, не меньше, человеческого роста. Люстра выпирала из потолка наподобие чудовищного созревшего фурункула.

— А меня Евангелиной Романовной, а это — пристав Григорий Ильич Волков.

Дмитрию было лет десять, голодных, грязных и вшивых лет.

— Тетенька Евграфьевна, — протянул пацан, — а правду говорят, что барыня того, преставилась?

— Правду.

— Совсем?

Я кивнула. Митька подпрыгнул.

— Побегу наших обрадовать, скажу, точно-преточно, совсем-пресовсем!

— Обожди, — придержала я его за край одеяла. — Хоть кто-то из взрослых с вами есть?

— Никого. С утра разбежались все, и классные дамы, и охранники, кухарка последней ушла, харчи с кухни на сани сгрузила и тю-тю. Да сами посмотрите. Там, — он махнул рукой на лестницу, — кабинеты начальственные и классы, пусто.

— А дети где?

Он махнул куда-то в сторону.

— Побег я, тетенька!

Пацан зашаркал по плиткам, Волков сказал:

— Верхний этаж осмотри, — и последовал за ним.

Много времени осмотр у меня не занял, пустые классы явно не использовались по назначению, доски были девственно чисты, аккуратно разложенные на полочках кусочки мела идеально квадратны. Пахло холодной затхлостью и немножко мышами. Учительская гостиная, напротив, выглядела обжитой, здесь был даже камин с прогоревшими до золы, остывшими уже дровами. Кабинет же директрисы, отделанный в аляповатом стиле с обилием позолоты, подвергся совсем недавно разграблению. Дверца стенного сейфа распахнута, ящики стола валяются на полу. Крысы сбежали с тонущего корабля, не забыв прихватить корабельное имущество.

— Геля!

Обернувшись на возглас, я едва удержалась на ногах. Мишка Степанов бросился обниматься.

— Малый сказал, ты пришла!

Одет помощник мой был пристойно: в справный шерстяной костюмчик, штаны заправлены в сапожки, из-под ворота тужурки выглядывал воротничок чистой сорочки.

— Экий ты франт!

— На гимназиста похож?

— Изрядно.

Мишка покрутился из стороны в сторону, я изобразила восторг.

— Его высокопревосходительство там порядка наводят, пошли.

К мраморной лестнице возвращаться не пришлось, Мишка провел меня через какую-то комнатенку, мы вышли в темноватый коридор, доски пола скрипели под шагами. Мишка рассказывал:

— Мы с Костылем как про директрису услышали, сразу в приют бросились. А здесь тарарам форменный происходит. Начальство все подряд хватает да деру. Саней уйма, грузят на них. А спальни-то никто и не отпер даже. Ну, мы Митьку нашли, он у нас блаженненький слегка, бродит безнадзорно, его и не трогают. Митька как раз шапчик с ключами нам показал.

Мы спустились по шаткой лестнице не на первый даже, а в подвальный этаж, в носшибанул запах гнилой капусты.

— Там кухня, — показал Мишка, — здесь карцер и охранников закуток, тут спальня девчонок.

Я заглянула в приоткрытую дверь. Многоярусные дощатые нары, оконце у самого потолка забрано решеткой, настенный светильник едва теплится. Какой кошмар.

— Нам с Костылем, когда мы про Чикову рассказали, сперва не поверил никто. Некоторые даже собирались на промысел отправляться. Но после обговорили, решили обождать, чем дело кончится. Я говорю, непременно... — Он толкнул створку и заорал: — Говорил вам, надворная советница Евангелина Романовна придет?

Я вошла. Эта спальня была гораздо больше девичьей. Те же многоярусные нары, но в центре стоял длинный стол с лавками, на которых сидели сироты. Было их много, человек пятьдесят, совсем крохи и подростки, мальчики и девочки. Оборванные и грязные, с нечесаными головами, с какими-то болячками на лицах. Отдельно сидела группка нарядных девиц, но под румянами и сурьюмою просматривалась та же болезненность, что и у прочих.

Постаравшись, чтоб голос не дрогнул, я поздоровалась. Мне ответил нестройный хор.

— С нами-то что теперь будет? — звонко спросила девица с папильотками на голове.

— Разберемся. — Я обернулась к Михаилу. — Возьми пару ребят в помощь, отправляйтесь в булочную, скажи там, чтоб вам свежей

сдобы упаковали на всех, а счет пусть в приказ занесут, я после оплачу.

И заговорила громко, перекрикивая возбужденный гул:

— С сегодняшнего дня на промысел никто выходить не будет, ни карманники, ни форточники, ни подручные фартовых, ни... девушки. Понятно? На паперти стоять тоже запрещено.

Если бы Чикову можно было второй раз убить, я бы сделала это с превеликим удовольствием. Хотя будет мне с кем потешиться, не одна она злодейства творила, все приютское начальство в доле с нею было. Всех разыщу и накажу поименно. Всех.

— Волков где? — спросила я Мишку.

— Так разбирается, — отмахнулся пацан. — Танька, слышь, ты б организовала баб, чайку чтоб...

— Где? — перебила я.

Танька, та самая барышня в папильотках, уже подняла с мест девичью стайку.

— На дворе, — объяснил Михаил, — через кухню выход. За бабами ступай, не ошибешься.

— Еще раз девочек бабами обзовешь... — показала я кулак. — Понял?

Кухня была просторной, предполагалось, что здесь ежедневно готовится на пятьдесят человек, но посуды столько даже не было. Десяток жестяных кружек, ведерный котел на плите и стопка щербатых тарелок.

— Живем! — воскликнула Танька, встряхивая мешочком. — Заварка.

Я посмотрела на распахнутые дверцы пустых шкафов. Девочки хлопотали, разводили огонь, наливали в котел воду, замурзанная малышка собирала в кружку рассыпанную на полу крупу.

Кухарку я выпорю самолично. Надо немедленно закупить продуктов, человека приставить к готовке. Ах, неплохо бы еще Мишкину арестовать. Но это даже неважным сейчас мне показалось. Скажу Григорию, чтоб кого-нибудь из приказа сюда отрядил.

Поднявшись по ступенькам, я очутилась в сенях с водяным бочонком в углу, толкнула дверь и вышла на хозяйственный двор. Аршинах в десяти от крыльца у коновязи Григорий Ильич беседовал с неким нарядным господинчиком в блестящих штанах, клетчатом пальто и сапогах гармошкой. Чуть позади приставы под стеночкой

прислушивался к разговору Костик. Мальчишка тоже приоделся, и если бы не костыли, я бы с первого взгляда его не признала даже.

— Евангелина Романовна, — заметил меня Волков, — я как раз пытаюсь объяснить господину Обуху, что сироты этого заведения нынче в распоряжение его не поступят.

Обух сплюнул мне под ноги.

— Баба?

— И вам доброго денечка. — Я нащупала в кармане рукоять револьвера. Уголком глаза я заметила, что Грегори напрягся, как обычно бывает у кулачных бойцов. — Так что кому непонятно?

— Баба!

Вот ведь заладил.

— Ну что ты, мил-человек, баб, что ли, не видал? И потому не уверен? Так баба, точно баба, Христом-Богом...

Это я зря, в правой руке у меня револьвер, им креститься неудобно. Этот-то фартовый хлипкий, его на раз-два уделать можно, а вот те, которые за калиткой отираются, противники посерьезнее. Их четверо, а может, больше, мне только четверых с этого места видно.

— Глумишься? — Собеседник продемонстрировал в оскале золотую богатую фикса. — Над Обухом посмела...

— Мадам Мими, — перебила я, — Манька которая из «Храма наслаждений»...

— Чего?

— Она Чикову прирезала, от нее все твои беды. Сам рассуди, не пришей она директрису, все бы своим чередом шло. А теперь, вишь, допросы, розыски, следственные мероприятия. — Меня несло, натурально вдохновение захлестывало. — Хотели бы на тормозах спустить, не получится. До самых верхов дело дошло.

— И чего?

— Того! — напирала я, почти вжав мужика между кольями ограды. — Манька чиновную даму зарезала, и, пока мы ее не арестуем, не будет никому из вас малолетних помощников.

— И когда вы ее повяжете? — трепыхнулся собеседник, даже пихнул, то есть попытался, я успела уклониться.

Горестно вздохнув, я призналась:

— Ох, мил-человек, не скоро. Ярмарка же нынче, многолюдье, а в приказе служивых, сам знаешь, негусто.

— Работнички! — Фикса победно блеснула. — Да мы бы эту Маньку в два счета...

— Неужели? — Изобразив недоверие, я отодвинулась на приличное расстояние. — Ну да хвастать — не мешки ворочать.

— К вечеру!

— Ну-ну...

— Не веришь? Обуху не веришь?

— Изловишь мне мадаму, — присела я в шутейном реверансе, — поверю и благодарность в приказе выпишу.

— Ваших полканских приказов недоставало!

— Была бы честь предложена. — Обернувшись, я встретила восхищенный взгляд Грини. — Засим, сударь мой драгоценный, мы с тобою прощаемся. Окончен разговор.

— Как окончен? — Обух придержал меня за рукав. — А как же уговор? У нас с этою богадельней уговор был.

— Не с богадельней, а лично с директрисой. Обожди с полгодика, нового человека на ее место назначат, сызнова уговоришься.

— Полгода? Слышь, как тебя...

— Ваше высокоблагородие.

— С тобою, может... того?

Развернувшись на каблуках, я смерила нахала взглядом, от сапожек его щегольских до рожи противной.

— Мою цену, Обух, ты знаешь.

— Будет тебе мадама!

— Перфектно.

Он сплюнул картинно в снег, щелкнул ногтем по узкой тулье котелка и вразвалочку вышел за калитку. Подождав, пока группа мужиков скроется с глаз, я грузно осела на руки Григория Ильича.

— Геля!

— Думала, сомлею, такое напряжение, аж екало все в подбрюшье.

Костик отлип от стены, прихромал поближе.

— Вы, вашбродь, нами с фартовыми за услуги рассчитаетесь?

— Евангелина Романовна, — ответил ему Волков, — только что выиграла нам время. Мой бог, это было великолепно.

Покраснев от похвалы, я сказала Костику:

— Ни в жизнь вы больше на злодеев работать не будете, даже если мне придется до старости в этом Крыжовене с револьвером на

изготовку приют ваш сторожить.

— Давай-ка, сыскарка, — обнял меня за плечи Гриня, — ресторацию ближайшую посетим, ты отобедаешь...

— Геля! — позвали с крыльца.

Я обернулась, Мишка, узрев неприличную мою с Волковым позицию, многозначительно подмигнул.

— Там это...

— Из булочной уже вернулся? — Несколько придя в себя, от объятий я отстранилась. — Быстро-то как.

— Не ходил даже. Там это... — Мишка посмотрел на Грегори. — Мадам Фараония встречи с приставом требует.

На кухне хозяйничали уже две незнакомые угрюмые бабищи с плотными льняными косынками на головах и в одинаковых белоснежных передниках. В четырех кастрюлях что-то закипало, отдельный стол был занят стопками фаянсовой посуды, на соседнем высилась корзина, прикрытая полотенцем, уголок отвернулся, я заметила бок хлебного каравая. Тетки чинопочитанием не отличались, шикнули, прикрикнули, что-де никаких им тут посторонних. На Мишку замахнулись, но хромающему в арьергарде Костику сунули пирожок, в рот сунули, потому что руки у мальчишки были костылями заняты. Потом одна промокнула передником глаза, другая дала пирожок и Михаилу. Я сглотнула, со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, за что была названа сироткой и тоже угощена. Пирожок оказался с капустою. Вкуснотень!

— Мадам Фараония наверх вас просила, — зачавкал провожатый.

Детей в спальнях не было, пожилой гнум стоял в девичьей, делая отметки в конторской тетрадке.

— Где все? — нагнал нас Костик.

— В классах! — Голос другого пацана был полон такого благоговения, что у меня мурашки по спине побежали.

— Григорий Ильич, — сказала я негромко, — этот Обух городской царек и есть?

— Размышляешь уже, как расплаты избежать? — Волков взял меня под руку. — Нет, не он среди фартовых главный, но и не последняя спица в колесе.

Интересно, его список заученных поговорок когда-нибудь кончится?

— А кто король?

— Некий благородный разбойник по кличке Туз. По счастью, Туз этот — завзятый англоман и немало поэтому ко мне расположен. Я собирался его нынче о Мишкиной расспросить, но ты... Геля, ты провернула великолепную комбинацию!

— Это еще неизвестно. Пусть сперва нам мадам найдут. Но потом еще уговор этот...

Грегори понизил голос:

— Под Обуха давно уже копают, сам Туз и роет, много воли себе помощник взял. Так что деньки его сочтены. Подозреваю, что его с тобою сотрудничество последней каплей станет.

— Экий ты, Гриня, интриган, — протянула я, не сумев изобразить восторга, — все у тебя просчитано.

— Пусть лучше пауки в банке сами перегрызутся, чем служивых кусать.

По уму это, разумеется, было правильно, но мне стало неприятно.

К лепному потолку вестибюля долетали детские голоса, мальчишки скакали по лестнице, скатывались с перил, хохотали, в классах рисовали мелом на досках, в музыкальном зале брэнчали по клавишам расстроенного рояля. Мишка с Костиком отстали, растворились в толчее. Молодой человек, встретивший нас в коридоре, поклонился.

— Господин Старунов? — удивился Гриня. — Павел...

— Можно без отчества, — улыбнулся тот, фамильное сходство с приказным письмоводителем прослеживалось с полувзгляда. — Елизавета Афанасьевна в кабинете вас ожидает.

— Елизавета Афанасьевна? — шепнула я Волкову.

— Мадам Фараония. Елизавета Афанасьевна Квашнина.

Свистеть было неприлично, а то я б не удержалась. Боярский род Квашниных в такие дебри отечественной истории корнями уходит, что ой.

Фараония поднялась из-за стола при нашем появлении, тюрбана на ней не было, волосы забраны в тугой пучок, шелковое черное платье с воротником под горло, из украшений — гагатова брошь и перстень на артритном пальце. Перстень старинный, фамильный, я даже на свой мельком глянула, чтоб сравнить. (Кстати, не забыть бы

попросить Григория Ильича его снять.) Тоже плоский камень в золотой оплетке, только не сапфир, а рубин.

— Добрый день, господа, — проговорила женщина строго. — Прошу, садитесь.

Дам она не упомянула, но я все-таки села в одно из кресел. Григори испустил феромонный эманулирующий залп:

— Как же я рад вас здесь видеть, драгоценная... Елизавета Афанасьевна!

Вот как он это делает, а? Только что тетка неприступную крепость изображала и вот краснеет уже по-девчачьи, глазки даже строит.

— Ах, Григорий Ильич...

Нечувствительный к чарам заграничного джентльмена Старунов дернул со стола папочку.

— Извольте видеть, господин пристав: решением городского опекунского совета от сегодняшнего числа госпожа Квашнина назначена директором крыжовеньского сиротского приюта.

Он показал нам бумагу.

— Епархиальная канцелярия это назначение утвердила.

На втором документе даже чернила еще не просохли.

— Bravo! — хлопнул Григори в ладоши. — Примите поздравления, госпожа Квашнина.

Фараония посмотрела на меня. Приподняла брови, только сейчас заметив мундир, сказала ласково:

— Спасибо, Пашенька, теперь ступай, присмотри там за порядком. И вы, господин Волков, будьте любезны наедине дам оставить.

Старунов положил папку на стол и вышел, Гриня удалился следом. Помолчали. Под взглядом новой директрисы мне было неуютно.

— Сыскарь чародейского приказа Мокошь-града, — сообщила я, чтоб тишину нарушить, — надворный советник Евангелина Романовна Попович.

— Что ж ты меня, — запахло жженым сахаром, — не поздравляешь?

— Хотелось бы сперва узнать, зачем вам это надо.

— Сама как думаешь?

— Вы скажите.

Тетка вздохнула, поднялась, подошла к шкапчику. Когда я этот кабинет осматривала, за дверцами ничего там не было, теперь же Фараония достала графинчик и две рюмочки к нему, поставила на стол, вытащила притертую пробку, налила поровну вязкой рубиновой жидкости, одну рюмку поднесла мне.

— За нас, за баб.

Грех такой тост не поддержать, я выпила, охнула от горячей сладости в гортани. Пирожок с капустою бросился знакомиться с наливкой. Подружились, обратно не побегут.

— Знаешь, рыжая, — сказала Фараония, наливая по второй, — такой радости, которую я нынче утром испытала, услышав, что Чикову в ее же доме прирезали, за всю жизнь у меня не было. Поганая радость, злорадная да бесчеловечная. Кухарка с базара новость принесла.

— За помин души Елены Николаевны, — предложила я. — Не чокаясь.

Выпили, перекрестились, хозяйка сызнова налила.

— А после подумала: поставят директрисою на освободившееся место какую-нибудь чиновную даму из жен приближенных Бобруйского, она сызнова детишек мордовать будет, потому что завод такой в городе нашем проклятом... Третья — за любовь.

Чокнулись, выпили.

— Я ведь богатая, Геля, — отставила Фараония пустую рюмку. — Родители померли, родни никакой не осталось, только связи кое-какие от батюшки. Ежели Гаврила Степанович лапы к моему приюту потянет, изыщу способы по его ручонкам хлопнуть. Вот и кликнула Пашку в помощь, он парень толковый, студент. Сели с ним в сани да поехали по адресам, к каждому из членов опекунского совета.

— А епархия?

— А что епархия? Люди божьи, их уговаривать даже не пришлось, тем более отец Пантелеймон из Змеевичского храма в Крыжовене оказался.

— Несказанная удача.

— Предзнаменование! — возразила тетка. — Что дело я задумала доброе и правильное.

— За грехи юности расплатиться желаете?

— И это тоже. Ежели я, истеричка дурная, невинные души погубила, теперь спасать должна.

Она смотрела на меня так жалобно, что в груди все сжалось. Перегнувшись через стол, я расцеловала влажные от слез щеки.

— Лучше вас на это место во всей Берендии человека не сыщется, Елизавета Афанасьевна.

— Еще по одной? — повеселела Фараония.

Уверенная, что на голодный желудок меня непременно развезет, я все же не отказалась. Мы пересели к низкому столику в обтянутые атласом кресла.

— Бобруйский — это полдела. — Язык уже заплетался, графинчик двоился. Или их действительно два? Нет, три. Экая у наливочки крепость. — Блатные персоны еще к вам непременно сунутся.

— Как сунутся, так и высунутся. Вот этими руками глину замешу...

Не дождавшись продолжения, я накрыла задремавшую Елизавету Афанасьевну пледом и вышла из кабинета.

— Ну что? — Волков говорил из туманного облака.

Туман руками не разгонялся, я махала, что ветряная мельница, а он все не уходил, целовал еще. То есть целовал как раз невидимый Гриня. Наверное. Скорее всего. В животе пирожок резвился в безбрежном озере наливки, нырял, плавал, барахтался.

— Сейчас стошнит, — предупредила я.

— Непременно следует повторить, — сказал невидимый Волков, — уже при других обстоятельствах. Пьяненькая рыжая идиотка, это просто прелестно.

Твердая рука сжала мой подбородок, в рот скользнул какой-то гладкий шарик, язык защипало мятно, ледяные иголки побежали вниз по гортани, кольнули изнутри живот и грудь, в голове вспыхнул яркий бело-синий свет...

Я посмотрела на Грегори, он ухмыльнулся и многозначительно прикусил нижнюю губу.

— Конкретно эта «рыжая идиотка» была обидной.

— Прости.

— После сквитаемся. Что за зелье?

Волков опустил в карман жестянку.

— Действенное.

— Это я уже ощутила. — Голова была свежей, будто после глубокого многочасового сна. — Спасибо. Вот и сквитались, пилюлька волшебная за обзывательство.

Мы стояли в оконной нише за шторами. Выглянув наружу, я предложила:

— Можем уходить. Новая директриса и без нас со всем справится. Я только с Мишкой и Костиком попрощаюсь.

— Можешь не трудиться, ребятам не до тебя, госпожа Квашнина велела детей из подвала в жилое крыло перевести, там сейчас форменная баталия за спальни происходит.

Как все-таки удачно нынче сложилось. Нашлись в гадком уездном городишке хорошие люди. Значит, не все еще для Крыжовеня потеряно.

— А я, — признался Грегори, когда мы уже вышли через парадные двери, — грешным делом подумал, что ты сироток к поискам Мишкиной надумала привлечь.

— Даже в голову не пришло.

— Потому что дети?

— Потому что не додумалась. И Обух твой вовремя под руку подвернулся.

— Ты специально его на слабо брала?

Мой смех маскировал смущение.

— Случайно вышло, от испуга. Все, что в голову приходило, болтала, чтоб драки избежать. Их же пятеро было против нас двоих.

— Тогда зачем ты вообще в мужскую беседу влезла?

Этот вопрос показался мне обидным, особенно подчеркнутое слово «мужскую».

— Оттого, господин коллежский асессор, что я классом вас превосхожу и по должности.

Съел? — тут я даже мысленно язык показала.

— По должности? Неужели?

— А не желаете мне документы о назначении приставом предъявить?

— Только после ваших бумаг о командировании в уездный Крыжовень для проведения следственных мероприятий!

Мы постояли друг против друга, обменялись раскаленно-ледяными взглядами, пораздували ноздри. Холерический темперамент Григория Ильича только этими ноздрями и выражался. Самое противное, что он был прав — Волков, не темперамент. Оба мы с ним в некотором роде самозванцы, поэтому не скандалить нам на краю базарной площади надобно, а сотрудничать общему делу во благо. Маменька бы ввернула по случаю глумскую мудрость: «Гордость, обедающая с тщеславием, ужинает с бедностью». И подошла бы она здесь перфектно.

— Покушаем? — спросила я примирительно. — Между прочим, ты меня покормить обещал.

Грегори фыркнул.

— Прости, дорогая, но обедать тебе придется в одиночестве. Коллежского ассессора призывают дела служебные.

Обиделся. Ах как нехорошо.

— Расхотелось трапезничать, — сообщила я. — По дороге что-нибудь перехвачу у лоточников.

— Как будет угодно. — И, поклонившись, Волков ушел прочь с базарной площади, оставив меня ощущать собственное бессилие.

Мизогиния в полный рост. Он же мне таким образом на место указывает! А в ситуации, промежду прочим, только ты, Гелька, виновата. Потому что флиртуешь, авансы раздаешь, вместо того чтоб границы личные и служебные обозначить. Ты сама Грине такое поведение дозволила. Никаких больше двусмысленностей, никаких будто случайных объятий либо чмоков, и кольцо свое пусть снимет, оно с мундиром вовсе не сочетается.

Желание проследить, куда Волков по своей служебной надобности отправился, я подавила. Он меня на раз-два срисует, вон как близ угла дома обернулся, осторожничает. Лавируя в толпе, я отправилась в ресторацию, оказавшуюся той самой, где мы давеча с Григорием Ильичом кофейничали, даже официант был знакомый. Произведя фурор своим мундиром, я заказала супу, закусок и на вторую перемену берендийское жаркое из говядины. Официанта звали Тришка, и он позволил себе усомниться, что в барышню может все это уместиться. Я заказала еще десерт и чаю.

Поместилось все перфектно. Тришка, занятый и прочими клиентами, все столики ресторации были заняты, умудрялся

развлекать меня свежими отрывистыми сплетнями.

Все местные, да и приезжих много, только о зарезанной Чиковой и болтали. Сходились во мнении, что ее кто-то из недовольных родителей порешил. Что значит — каких родителей? Бывает, что в приют и не совсем сироты попадают, к примеру, в прошлом году путеец один на директрису взъярился, овдовел он, дочку в приют до весны определил, чтоб, значит, без присмотра в доме не оставалась, а Чикова ее, не разобравшись, живо к делу пристроила, под фонарь. Работяга как прознал, с дубиною к ней явился. Что значит — чего? Охранники мужика скрутили, но Чиковой пришлось изрядно раскошелиться. Путеец денежки взял и с дочерью уехал куда-то, где о позоре их семейном не знают.

Обух-то? Душегубец. Страсть до чего свирепый. Все думали, его королем поставят, когда прошлый сгинул. Только фартовые Туза выбрали, тот по банкам промышлял, и кровь попусту не пускает, с понятиями мужик.

Бобруйский? А чего ему? С его миллионами он два таких Крыжовеня купить может. Что значит — с каких прибылей? В карманы не глядели.

Закончив с обедом, я рассчиталась, оставив на чай соответственно полученной информации, ее было негусто, и отправилась в пустой приказ ждать возвращения Волкова.

Григорий Ильич забросил в рот горсть пилюлек. Ему предстояла третья подряд бессонная ночь. Сколько еще он продержится? Нужно до завтра. Как только Мишкина будет арестована, можно будет отпустить поводок рыжей сыскарке, позволить ей резвиться. А чтоб в резвостях своих куда не заступила, территорию следует флажками обозначить. Связи в преступном мире он ей не отдаст, удачно ссора получилась, нельзя Попович к Тузу допускать, бойка слишком, эдак и без Грегори сможет вскорости обходиться. Но и Обуха нужно из игры вывести. Потому как если пока Волков в своем чародейском сне пребывает, приказ в настоящую войну с блатными ввяжется...

Он покачал головой. Пока все шло по плану. Жадная Чикова, обнаружив в гостиной саквояж с деньгами, утащила его к себе в спальню, в свой личный сейф. Схрон этот Мишкина очистила, судя по пустым бархатным коробочкам, кроме денег там было изрядно

драгоценностей. Что ж, драгоценности он предложит Тузу, а саквояж надо вернуть. Если он все правильно рассчитал, Обух тоже не устоит, присвоит добычу и даст повод к своему устранению. Хорошая комбинация, чистая. Если изъять из нее саквояж, Попович о его, Гринином, участии в ней не догадается. Мадам Мими она не поверит, тут уж постарается Клавка, мечтающая занять место своей хозяйки. Дурочка вообразила Григория Ильича своим покровителем и согласна хоть под присягой клясться в его пользу. Таким образом зло окажется покаранным, а закон победит. И вовсе не важно, к каким хитростям для этого пришлось прибегнуть. Цель оправдывает средства. Даже жалкий опиумщик Чиков оправдал последние минуты своей жалкой жизни, рассказав Волкову о сейфе в спальне супруги и о ключе от черного хода у своей любовницы.

Гриня остановился у витрины, будто любуясь выставленными за стеклом шляпками. Слежки не наблюдалось, Геля за ним не пошла, смогла уразуметь, что «хвост» бывший констебль срисует без труда. Все-таки правильную манеру с нею Гриня избрал, не романтическую осаду, а последовательную дрессировку, кнут и пряник. Хорошо себя ведешь, получай похвалу либо поцелуй, плохо — немедленный укол в слабое местечко. Их-то у Попович изрядно, и все открыты. Суфражизм ее жалкий, например. Ах, дамское равноправие! Для того, Евангелина Романовна, чтоб в эмансипе играть, капиталы иметь надобно, в обществе положение и мужа, желательно уже покойного. А у вас что? Чин? Так он с вами до старости останется, чин этот, выше головы вам не прыгнуть, как ни старайтесь, в какие постели ни укладываетесь.

Свет за витриной потух, лавка закрывалась, и Григорий Ильич увидел в стекле отражение своего разозленного лица. Эк его от мыслей о рыжей идиотки разбирает. Надо было не джентльменствовать давеча, а совершить то, чего хотелось. Волков хищно улыбнулся. Попович сама виновата, ночуя в мужском обществе, нельзя не знать, к чему это приведет. Или она нарочно себя предлагала и теперь разочарована? И нынче у Губешкиной полуночничать со всеми поэтому отказалась?

Волков развернулся на каблуках и быстро пошел к мастерским кварталам. Флажков на неделю Евангелине Романовне хватит. Допросы Мишкиной, эксгумация тела Блохина, последовательные разборки с бывшим приютским начальством. Прекраснодушная сыскарка на других эти дела не спихнет. К тому времени Григорий

Ильич как раз пробудится с рабочим артефактом и готовый все точки над «и» расставлять.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в коей производится арест, а надворная советница Попович вступает в должность пристава

Карта Письмо указывает на извещения или новости. Это может быть сообщение от друга или повестка из судебных органов. Карта Письмо также сулит работу с документами, например, с договорами, проектами, счетами, ценными бумагами и т. д.

Таро Марш Ленорман.

Руководство для гадания и предсказания судьбы

Григорий Ильич надолго не задержался, я даже нашалить не успела, только обыскала тщательно блохинский кабинет да в квартирку казенную заглянула, недостающие части к своей головоломке изъять. Работнички! И ручка клозетная и кисет на цепочке нашлись там же, где я их оставила. Рассовав находки по карманам, я вернулась в пустующий приказ, ощутила сонливость, вовсе после сытного обеда не удивительную. За зеванием меня Волков и застал.

— Скучаешь? — спросил он приветливо.

Улыбнувшись в ответ, я сообщила, что в казенку его без спроса ходила.

Грегори тоже зевнул, достал из кармана бонбоньерку, угостился пилулькой. Она была последней, и путь ее в рот чиновника я проводила завистливым взглядом. Помолчали. Волков отстегнул от брелока связку ключей и протянул мне.

— Принимай дела, надворная советница, в ближайшее время тебе предстоит без меня управляться.

— Прости?..

Грегори энергично растер лицо, тряхнул головой, не раздеваясь, плюхнулся на диван.

— Ситуация у нас такая...

Во время его рассказа брови мои ползли вверх, а подбородок, напротив, вниз. Чародейский сон? В любой момент сомлеть может? Из-за поломки артефакта? То-то он тросточку свою носить перестал. Еще в ресторации?

— Погоди, — спросила я невпопад, — но ты же спал, когда... тогда...

Покраснев, я замолчала.

Грегори по-мальчишески улыбнулся.

— Вот этого твоего девичьего смущения я, Гелюшка, и опасался, оттого и спящим притворился.

— То есть, — голос зазвенел от ярости, — ты вполне осознанно ко мне в постель залез?

— И сопротивления не встретил!

Какая невероятная подлость. Торжествует он. Воспользоваться моей беспомощностью, доверие поправ. Ты, Гелька, тоже хороша, привыкла, что соратники-мужчины с тебя пылинки сдувают, расслабилась. Он же меня во сне целовал. Я Семена себе воображала, а он... Какая же я дура!

— Надеюсь, — сказала я противным шефовым тоном, — впредь, Григорий Ильич, у нас с вами таких досадных недоразумений не повторится, а отношения станут деловыми и служебными. И для начала будьте любезны с меня ваше фамильное кольцо снять.

Волков посмотрел на мою руку, обиженно протянул:

— А я хотел тебя новостями порадовать.

— Сначала кольцо!

— Мишкину-то фартовые нашли.

— Что? — В голове будто рычажок переключился, отсекая обиду и возмущение. — Когда? Где она?

— В приказ, по понятным причинам, они доставить ее не пожелали, потому в бордель ее сопроводили. Я по дороге успел парочку наших приказных туда отправить. Можем арестовывать.

Я побежала к вешалке, сдернула шубу. Грегори отобрал, помог одеться, интимно шепнул:

— Наши деловые отношения, милая, мы после обсудим.

— Никаких милых, Гриня, — вывернулась я из объятий. — На «вы» сызнава переходить не будем, но доверия к тебе у меня отныне нет, не служебного, а человеческого.

Волков открыл мне дверь.

— Пусть оно пока односторонним будет. Я тебе все доверю: и честь, и работу, и жизнь. И кстати, если во время моего чародейского сна ты продолжения захочешь...

Не слушая дальше, я сбежала по ступенькам.

Мишкину заперли в ее будуаре. Григорий Ильич задержался ненадолго внизу, расставляя конвойных, Клавка суетилась, гостей в заведении не наблюдалось, парочка блатных не в счет. Заметив меня, они исчезли по направлению к черному ходу.

Клавдия отперла дверь, я вошла.

— Пошла прочь! — взвизгнула Мими.

— Сядь, — повела я револьвером, — не на кровать, на стул, лицом ко мне, руки на колени.

Бордель-мадам подчинилась, испуга она не демонстрировала, я отметила беспорядок в ее одежде, ссадину на скуле, треснувшую губу и синяк под глазом. Блатные с арестанткой не церемонились.

Мишкина сплюнула на ковер.

— Полицейский мундирчик? Полканам, стало быть, служишь?

— Служу, — согласилась я, — закону и справедливости.

— И как же в твоём служении фартовые мужики затесались?

Могла я ответить, что случайно, что самой от этого неловко, но промолчала, быстро осмотрела периметр помещения, заглянув за шторы и приоткрывая гардеробный шкаф, отодвинула картину, прикрепленную петлями к стене, за ней обнаружилась вмурованная дверца сейфа.

— Сейчас обыск закончим и в приказ переместимся, арестованы вы, мешанка Мишкина.

— За что? — Не боялась она абсолютно, и мне это не нравилось.

Не того я от первого допроса ожидала, и Грегори все не шел. Клавка мялась в дверях, не решаясь ни войти, ни удалиться.

— За убийство чиновной дамы Чиковой, совершенное нынче утром на Гильдейской улице.

Из коридора послышался звук шагов. Ну наконец-то! Но в будуар первым вошел адвокат Хрущ, а за ним уже Волков.

— Вот и помощь мне, безвинно обвиненной, пожаловала! — победно хихикнула бандерша. — Андроша! Спасай! Эта шаромыжница мокруху мне шьет.

— Маня, Маня, — поморщился Андроша. — Вспомни о приличиях и слов похабных в разговоре избегай, особенно в беседах с чиновниками столичного сыска.

Адвоката мне на балу не представляли, поэтому, поклонившись, он отрекомендовался:

— Андрон Ипатьевич Хрущ, к услугам вашим. Какая честь, Евангелина Романовна, вас за работою застать. И удовольствие какое.

Я посмотрела на Грегори, лицо его не выражало ничего.

Хрущ продолжал:

— Сразу столичную выучку заметно, высокий, высокий класс. Только, Евангелина Романовна, у нас здесь, в провинциях, попростому все решается, без эффектов.

— Андрон Ипатьевич, — спросила я деловито, — в каком именно статусе вы сейчас находитесь?

— Простите?

— У нас допрос. Ежели вы представлять официальную защиту арестованной вызываетесь, присутствовать вправе, а если нет...

Пожав плечами, я указала подбородком на дверь. Адвокат вздохнул:

— Григорий Ильич мне суть дела уже рассказал. Обвинения ваши основываются на домыслах и догадках.

— Перфектно. Необоснованность обвинений мы с вами обсудим в кабинете пристава. Подзащитная ваша...

Волков твердо взял меня за локоть, пробормотал:

— Выйдем на минуточку.

Это противоречило всему допросному порядку, коллежский ассессор о том знал не хуже меня, и раз решился порядок нарушить, причина была серьезной.

— Что случилось? — спросила я в коридоре.

— Времени совсем не осталось, Гелюшка, на ходу засыпаю. Не ругайся, Хрущ прав: у нас против Мишкиной улики маловато, ножа при

ней нет, а это орудие убийства. Я сейчас к Обуху отправлюсь, может, он что-нибудь...

— А если по дороге сомлеешь? Погоди, запрем Мими, вместе пойдем.

— Времени нет. Потерплю. Ты здесь заканчивай, в приказе встретимся. Справишься? Прости, глупый вопрос, в профессионализме твоём я абсолютно уверен.

Это было приятно. Вот! Почти посторонний Волков уверен, а друзья-коллеги сомневаются, на помощь мне Эльдара присылают.

Видимо, от приятности я даже не вспомнила, какой этот Григорий Ильич подлый человек. Дура!

— Евангелина Романовна, — обрадовался Хрущ моему возвращению, — госпожа Мишкина имеет что сказать.

Мадам, сидевшая на стуле сторбившись, подняла пустой взгляд.

— Признаюсь. Я толстуху убила от жгучей ревности.

Зелья своего принять успела? Похоже. Зрачки огромные, рот на сторону съехал... Клавка у порога прятала глаза. Хрущ похлопал себя по нагрудному карману:

— Раз все так чудесно сладилось, позвольте откланяться. Елена Николаевна, горе-то какое! Сергей Павлович как расстроится.

— Сережа? — Мишкина визгливо рассмеялась. — Я же сказала, нет его! Эта туша моего Сереженьку ухайдокала! Из-за денег!

— Полно-полно, — отмахнулся Хрущ. — Какие еще деньги? Это тебя, Маня, от зелья твоего фантазии разобрали. Опиумщица она, Евангелина Романовна, последний ум в дыму растеряла. Но вы ножичек все-таки отыщите, без ножичка все признания на тот же бред списать можно, это я вам как адвокат говорю.

Он раскланялся, мадам продолжала хохотать, вскоре смех перешел в истерику, пришлось хлестать по щекам, приводить в чувство.

— Собирайся, — велела я. — Толку сейчас от тебя не будет, в камере проспирься, после поговорим.

— На коленях передо мною стоять будешь, кошка рыжая, с извинениями из приказа провожать. — Женщина, пошатываясь, поднялась, Клавка набросила ей на плечи шаль. — Это тебе не столица, здесь у тебя власти нет.

Возражать было глупо. Она уверена, что художества ее местные лиходеи прикроют, наверное, Хрущ с три короба наплел.

— Как Бобруйский скажет, так и будет! А он скажет то, что Андроша ему шепнет. А Андроша... — Мишкина показала кулак. — Вот он у меня где! Одно словечко Гавриле Степановичу — и нету Хрущика. Крепко всех держу. Сережа! Туша толстомясая уби-ила!

Взяв женщину под руку, я вывела ее в коридор. Бледная испуганная Клавка, нас выпуская, посторонилась; на лестнице пришлось опиумщицу придерживать, чтоб не сверзилась. Она цеплялась за перила, вопила:

— Штучка столичная! Фу-ты ну-ты! Кошка драная! Пустышка! Жених твой вчера у нас спозаранку кобелил!

Нелепая возня на ступенях продолжалась. Мой вокабуляр обогатился на десяток непотребных слов, и я получила бесценные знания о том, каким образом Григорий Ильич предпочитает предаваться любовным утехам и какое у него выражение лица в момент наивысшего наслаждения. Конвойные внизу откровенно веселились, я краснела и бледнела.

— Вот такенный, не меньше! — Чтоб показать «какенный», Мишкиной пришлось задействовать обе руки. — Скажи, Клавка?

Воспользовавшись тем, что мадам не держится за перила, я столкнула ее по ступеням. Клавдия показала из другой двери гостиной; видимо опасаясь гнева хозяйки, девица предпочла спускаться кружным путем.

— Расскажи этой рыжей дурехе, что Гришенька с тобою вытворял! — бросилась к ней Мишкина.

Я вцепилась в бабу изо всех сил.

— Грех вам, барыня, на господина пристава наговаривать.

— Что? — попыталась вырваться из моей хватки мадам. — Да он же тебя... да не по разу!

Я передала брыкающуюся женщину конвойным.

— Займитесь делом наконец! Отведите арестантку в камеру, я прибуду после.

— Так точно, вашбродь.

Мужики были мощными, в их руках истеричка затихла. Подозревала я, что кротости этой хватит ровно до улицы. Хитрые перемигивания служивых между собою эти подозрения укрепили. Не

откажут себе по дороге в удовольствии новые подробности про начальственные причуды услышать. Ну и ладно. Мне-то что? Не у меня же «вот такенный».

— Барышня Евангелина, — подошла ко мне Клава, — не верьте вы ей, сколопендре этой. Григорий Ильич действительно у нас вчера был, но лишь по служебной надобности.

— Пустое, — отмахнулась я, времяпрепровождение Грегори меня интересовало сейчас меньше всего. — О чем Хрущ с Мими в мое отсутствие говорили?

— Она грозилась, просила «дай», он обещал помочь, ежели сейчас признается и аресту сопротивляться не будет, после дал, ну зелья этого, ее сразу разобрало. Тут и вы вернулись.

Если Клавдия и врала, проверить это было никак не возможно. О том, с помощью чего бордель-мадам, по ее мнению, держит в кулаке Андрона Ипатьевича, выяснять надо у нее лично. Судя по признанию, версию мне предлагают про убийство в пылу ссоры. Мне она не подходит. Во-первых, оттого что неправда, а во-вторых, от ревности к Бобруйскому ниточки я не протяну. Эх, напарника бы мне для допроса, я бы быстро управилась! Но ничего, как-нибудь косвенными припру, не впервой.

— Ты-то теперь куда? — спросила я девицу дружелюбно. — Мадам Мими в ваши «наслаждения» больше не вернется.

— Да куда мне? Здесь останусь, тем же делом займусь, только по закону, без девчонок-малолеток под клиентами. Стану не Клавка-дура, а, положим, мадам Клакла.

— Лучше Диди или просто Ди, так благозвучнее. И буквы на вывеске поменяй.

Девица почтительно кивала. Я же, вспомнив, что в обязанности сыскарей вообще-то планирование бордельного развития не входит, сменила тему:

— Следствию помочь не желаешь?

— С преогромным удовольствием. Что ищем?

— Орудие убийства, о котором Хрущ говорил. То, чем мадам Мими могла корпулентную довольно Чикову разделать.

Клавдия перекрестилась.

— Ножей у барыни преизрядно, коллекция целая, слабость у нее к клинкам.

Я кликнула оставшегося в моем распоряжении городского, и мы двинулись в будуар. Городового звали Остап — просто Остап, без отчества, выправка его намекала об армейском прошлом.

Клава уверенно отодвинула картину.

— Здесь!

— И шифра ты, разумеется, не знаешь?

Девка пожалала плечами.

Я поразмыслила. «Держать в памяти комбинацию из... — Взгляд на дверцу сейфа. — Из семи цифр и одной буквы опиумщица не могла ввиду полного отсутствия этой самой памяти. Стало быть, она ее где-нибудь записала». Надев на нос чародейские стекла, я осмотрела бумаги на столе и в ящике оного, футляр от шприца и обе трубки.

«Не мудри, Геля. Что-то совсем простое должно быть».

Шифр был выцарапан внизу портрета, просто нацарапан, безо всякого чародейства. Повернув медную пластину восемь раз, я достигла нужной комбинации. Замок щелкнул, дверца приоткрылась. В нише сейфа лежали в открытых бархатных коробочках драгоценности: диадема, колье и пара широких браслетов. Клава присвистнула:

— Очень барыня камни обожает! А ножи вот...

Коллекция хранилась в кожаном несессере. Девица достала тубус, дернула застежку и развернула длинное полотно с нашитыми поверх кармашками для клинков. Один из кармашков пустовал.

Пока я возилась у стены, городской успел обыскать комнату.

— Тряпочки только дамские, вашбродь! — отрапортовал служака. — И всякой... ерундени для зелья поганого.

Опиумных трубок было две, одна деревянная, из полированной вишни, другая нефритовая, с отбитой чашей. Опий Мишкина потребляла не только курением, но и пилюлями и с помощью инъекций. Футлярчик с медицинским шприцем лежал в верхнем ящике шифоньера.

— Сумеете опись составить? — спросила я Остапа.

Он кивнул.

— Включите в опись все предметы, так или иначе с опиумом связанные, упакуйте их и доставьте в приказ. Это, — я приподняла тубус, — отдельным документом оформим.

Городовой кивнул. Немногословный мужик, но, кажется, дело свое знает. Однако напраслину я на покойного Блохина возводила, с

прицелом работников он себе подбирал.

На базарной площади гулял народ, хорошо гулял, по-берендийски. Там плясали, пели, веселились, в теплом фонарном свете кувыркалились скоморохи, лоточники бойко торговали хмельным и горячим на разлив.

Чем занят сейчас Григорий Ильич? Отыскал нам недостающий нож? Если да, я готова даже подлость его той ночью забыть. То есть не забыть — простить и более о ней не упоминать, избегая в будущем любых двусмысленностей в общении. Потому что давай, Геля, начистоту, доля твоей вины в этом деле тоже прослеживается. Ты должна была на предложение пристава у кровати твоей дежурить ответить решительным отказом и дверь своей спальни на два оборота ключа запереть. Не сделала? Любой тебе скажет: сама, дура, виновата.

В приказе уже кипела жизнь, служащие вернулись с поисков, некоторые уже по причине окончания присутственного времени собирались по домам. Предложение господина Давилова сперва чайку испить, а после приступить к допросу восприняла я с благодарностью. Обед был давненько, так что перекусить не помешало бы.

Накрыл он мне в кабинете Волкова, тубус передал Старунову, чтоб тот опись составил.

— Сделает, все сделает, каждую зазубринку в документ внесет. Метки, говорите, чародейские? Нет, не нужно Ивану очков, он чародей и так усмотрит.

Парень горделиво кивнул и унес ножи с собой.

— Евсей Харитонович, — спросила я, — а силен ваш приказной чардей?

— Не чета Степану Фомичу покойному, — Давилов перекрестился, — но может кое-что.

— А вы?

— Я-то не чародей. Вы располагайтесь, Евангелина Романовна, у нас и расстегайчики вон имеются, и прочие плюшки.

— И вы со мною посидите, — предложила я, смахнув со стола в ящик связку ключей. — Терпеть ненавижу одна чаевничать, как-то это не по-нашему получается, не по-берендийски.

Тон я выбрала правильный. Служака размяк, не чинясь, налил себе чаю, стал пить вприкуску.

— Вот вы, ваше высокоблагородие, Евангелина Романовна, барышня разумная...

— Давайте без чинов, — перебила я. — Так короче, тем более что никакого официального статуса я в Крыжовене пока не имею, только снисхождением Григория Ильича пользуюсь.

При упоминании Волкова регистратор скривился.

— Снисхождения... ну да, ну да...

Расстегаи были великолепны, как и прочие плюшки, чай крепок в меру и ароматен сверх.

Я жмурилась от удовольствия, сквозь прищуренные веки все же замечая, с каким отвращением смотрит Давилов на мое невестино кольцо. Контры у него с Волковым. Когда только поссориться успели?

Спрятав под стол правую руку, я вбросила:

— Так вы о разумности начинали...

— Уговорите наше начальство эксгумацию отменить.

— Почему? — удивилась я.

— Мне он не поверит, басурман этот с тросточкой. Он же себе решил, что мы из-за денег Степана Фомича извели.

— Ну, — сказала я осторожно, — нежеланием тело выкапывать вы эту версию немало подтверждаете.

— Нельзя!

— Отчего же?

— Не знаю! — Давилов стукнул о стол стаканом. — Не ведаю! Только каждую ночь мне Блохин во сне является и говорит: «Евсей, не трогайте меня!»

Экий дух неуиокоенный этот пристав, к Губешкиной он ходит, к регистратору тоже. К кому еще?

— Давайте с другой стороны на это посмотрим. Степан Фомич нашей веры был, исконной, стало быть, за оградой покоиться никак не может, нам тело его перезахоронить надобно со всеми полагающимися обрядами. Вы нынче, когда дух пристава к вам явится, изложите это почтительно.

— Не могу я во сне говорить, — вздохнул Давилов. — Сколько раз уже пытался, натурально немею. А Блохин скажет свое «не трогайте меня!» и пропадает до следующей ночи, а сон мой дальше идет, обычный да непримечательный.

Пообещав регистратору поспособствовать, про себя я рассудила, что Грине всяко не до эксгумации, у него чародейский сон на носу. А я дождусь сперва Мамаева. Сейчас мне, главное, нож получить да

следом за признанием в убийстве Чиковой у Мишкиной про Блохина все выбить. А если нож один и тот же?

Достав из письменного стола лист бумаги, я подвинула его Давилову.

— Евсей Харитонович, все раны на теле пристава опишите подробнейше, я знаю, вы осмотр проводили.

Регистратор достал из-за пазухи картонную казенную папку.

— Описал уже.

Через четверть часа, ознакомившись с делом, я спросила:

— А вы ведь не местный, не Змеевичского уезда уроженец?

Мужик грустно ухмыльнулся.

— У нас на весь приказ только Ванька тутошний, оттого что чародей, прочих Блохин со всей империи по человечку собирал, чистоты рядов добивался, чтоб не могли местные богатеи через служивых на закон влиять. Изменить тут все собирался, в Крыжовене этом. Не успел. — Евсей вытер щеку ладонью. — Помер Степан Фомич, и я запил от бессилия. А мне же строго-настрого... У меня печень слабая и детишки мал-мала меньше... Пашка, Машка, Глашка, Наташка. Наташке-то сызнова сиротеть никак нельзя, мы с женой и так из приюта ее удочерили.

— Кстати, о приюте, — закрыла я папку, — с самого утра отправляйтесь вы, Евсей Харитонович, в богадельню. Там после убийства директрисы прочее начальство резвилось безнаказанно, имущество растаскивало.

— Да уж наслышан. И про новую директрису тоже. — Давилов поднялся. — Вы уж, Евангелина Романовна, Мими эту не мучайте, она доброе дело для всего города сделала.

Спорить я не стала. И перечислять все, что я сейчас на бордель-мадам навешаю, тоже. Пусть чадолюбивый регистратор о других делах подумает, да и мне пора.

В камеру меня сопровождал Старунов, нес под мышкой папку и обернутый рогожкой тубус, жаловался, что самописцев в Крыжовене не водится, а хотелось бы уже по клавишам клацать, а не пером скрипеть. Он отпер одною рукою двери подвала. Казематы в Крыжовене, в отличие от снабжения стражей порядка самописцами, были отменные, любой столице под стать. Двойные решетки на окнах, дубовые, обитые железом двери, прочная кладка стен. Мими лежала на

койке в своей камере, отвернувшись к стене. Старунов присел к столу на единственный, прибитый к полу скобами, табурет, я осталась стоять. Парень скрипел пером по бумаге, заполняя обязательные графы с датой и именем допрашиваемого.

Что ж, приступим.

— Мария Степановна, — позвала я. — Отвечайте мне правду.

— Да пошла ты!..

Перо закрипело.

— Этого, Иван, не пиши. — Старунов замер. — Начни так: указанного числа березня месяца мещанка Мишкина М. С. нанесла Чиковой Е. Н., купеческого сословия, восемь ножевых ран.

— Брехня! — раздалось глухо.

— Не восемь? — переспросила я. — Больше, меньше?

Опиумное опьянение мадам попустило, сменившись апатией.

— Что ж ты мучаешь меня, паскуда ты рыжая?

— Это не я, вы сами себя, Мария Степановна, мучаете. Ответьте на вопросы по порядку, да и почитайте дальше, — изобразила я чистосердечие, про себя подумав, что спокойного сна у убийцы не получится, потому что очень скоро в отсутствие новых порций опия ее начнет ломать, тут уж не до сна, на стену от боли полезешь.

Еще подумала, что не жалко мне ее нисколечко и что еще не жалко Чикову. А под конец: «Гадкий ты человек, Геля, бездушный и не сострадательный. Любить всех надобно, даже и преступников, и прощать, только так их можно исправить, на светлую дорогу вывести». Ну и совсем уж в постскрипtum: «Бог простит, могила исправит!»

— Убила, — фыркнула Мишкина. — В припадке ревности! Записали? Ну и до свиданьица.

— Меня с таким признанием на суде засмеют, по порядку давайте.

— Ну?

— Во сколько вы приехали в дом Чиковых?

— Не помню! Может, в три утра или в четыре.

— На извозчике?

— Положим...

— Звать как, номер бляхи?

— Приличные женщины, — протянула бордель-мадам, — прислугу не запоминают.

Уела так уела! Расплачусь сейчас от обиды.

— Когда приехали, как в дом вошли?

— Ножками.

Хорохорилась Мишкина еще с полчаса. Я проявляла терпение, задавала быстрые вопросы, будто бессистемно, по крупницам восстанавливая картину преступления. Приехала мадам Мими в пятом часу на своих одноместных саночках. Откуда? Откуда надо. Вошла не через парадные двери, а черным ходом, Сереженька любовнице ключик подарил. Комнаты прислуги в другом крыле, об этом Мими знала прекрасно, не один раз в гости к любезному другу являлась. Зачем на этот раз? Понятно зачем. Если бы рыжая поганка, как бабе положено, Гриню своего привечала, так и сама бы знала, что между женщиной и женщиной происходит. Приехала, вошла. Тут туша-Ленка пробудилась, орать принялась, что более непотребств у себя под боком не потерпит. Слово за слово, Чиков все не шел. Мишкина спросила бабу напрямую, та ответила: не придет никогда. Мими, услышав о смерти любовника, впала в аффект и убийцу порешила.

— Чем?

— Что под руку подвернулось. Ножом.

— Который с собою на свидание захватили?

Бандерша глумливо хихикнула.

— Там на столике лежал.

— А потом куда делся?

— Почем мне знать? Не в себе пребывала, как кровь увидала, себя уже не помнила, убежала да бродила по городу, пока твои шавки купленные не набросились.

Старунов дописывал уже не первый лист и украдкой зевал.

— Скоро закончим, — наврала я.

Допрос только завершал первый круг, за ним последуют еще несколько, даже не на втором я изложу Мишкиной свою версию событий, сдерну рогожку с коллекции ножей и примусь фигурально махать перед ее лицом дохлой белкой. Дожму я преступницу, непременно дожму.

Камеру мы со Старуновым покинули только на рассвете. Ноги не слушались, пришлось тяжело опираться на письмоводителя. Хотелось не то что спать, а просто умереть тихонько от невероятной, сокрушающей усталости.

— Прилечь вам надобно, Евангелина Романовна, — бормотал парень. — Все время на ногах, виданное ли дело барышне так трудиться!

Он отвел меня в кабинет Волкова, помог устроиться на диванчике.

— До полудня поспи, — велела я, — после распиши все предметно по пунктам, в два отдельных дела убийства оформи. Стой! Иван, возьми в столе ключи, отопри сейф.

Старунов забренчал связкою.

— Ни один не подходит.

Странно, очень странно. Мишкина сказала, что из спальни Чиковой забрала саквояж с деньгами, кожаный дорожный саквояж. Совпадение? Другие деньги? Григорий Ильич... Спросить! Где он? Почему еще не вернулся? Нет, не могу больше думать.

Отпустив подчиненного, я попросту заснула.

— Гелюшка, — позвал негромко Волков, — вижу, как ты умаялась, но вынужден...

— Что? — открыв глаза, я резко села.

Грегори, пошатываясь, стоял перед диванчиком.

— Орудие преступления я тебе добыл, но более... — Он протянул мне неаккуратный газетный сверток. — Пора мне.

Газету я не развернула, переложила на стол, подхватила Волкова под руку, тот отстранился, обнимая меня за плечи.

— Проводишь?

— Саквояж где? — спросила я отрывисто.

В карих глазах зажглось удивление.

— В сейфе. Где же еще?

— А ключ от сейфа?

— У тебя.

— Погоди, присядь, минуточку погоди, не засыпай.

Выскользнув из мужских рук, я бросилась к столу, достала из ящика связку. Третий же ключ подошел, дверца сейфа распахнулась, внутри на нижней полочке стоял мой саквояж. Горестный вздох Грегори заставил меня поторопиться запереть замок.

— Прости, — сказала я, выводя Волкова из кабинета, — Мишкина все про этот треклятый... осторожно!.. твердила. Евсей Харитонович, подсобите.

Буквально волоком мы с Давидовым доставили Григория Ильича в его квартиру.

— Расколосась мадам Мими, — хвасталась я напропалую, — Старунов еще помог, толковый оказался парень, на ножах коллекционных старые следы крови учуял.

Давилов снял с Волкова сюртук, уложил в постель.

— Она ведь немало душ погубила, Мишкина эта. С саквояжем меня заморочила. Говорит, деньги у Чиковой свои забрала и гарнитур жемчужный. В котором та, помнишь, на балу была? Блатные твои про драгоценности не упоминали?

Волков болезненно морщился:

— Хорошо хоть нож возвернули. И деньги похищенные и драгоценности... Не бросай меня, Гелюшка, обещай.

— Не брошу.

— Дела на себя прими.

— Непременно. — Я взяла горячую Гринину ладонь в свои руки. — Все в лучшем виде исполню.

Он бормотал еще что-то про чувства, про то, что прежде подобных мне созданий не встречал, просил прощения за ту ночь. Мои щеки горели, Давилов за спиной почтительно сопел. Наконец Гриня затих, я спрятала его руку под одеяло, поднялась.

— Что ж, Евсей Харитонович, в нашем с вами присутствии нужды здесь более нет.

— Так точно! — щелкнул каблуками чиновник. — Ваше высокоблагородие, госпожа пристав!

В своем чародейском сне мистер Грегори Волкав удовлетворенно ухмылялся. Он успел, все успел: и саквояж в сейф поставить, и ключ обратно на колечко нацепить. Теперь ничто не указывает на его связь с этим делом. Некие абстрактные деньги, о которых твердит безумная опиумщица, некие его случайные слова. Он все правильно рассчитал, даже время погружения в сон. Рыжей сыскарке будет чем заняться в ближайшие дни, и об этом он позаботился. Еще одно звено в цепи надломилось, и она уже осыпается блестящими кусочками новой головоломки.